

США & Канада

ЭКОНОМИКА • ПОЛИТИКА • КУЛЬТУРА

USA & Canada: Economics • Politics • Culture

- **ХОЛОДНАЯ ВОЙНА 2.0: ПАРАЛЛЕЛИ, ОТЛИЧИЯ, ПРОГНОЗЫ**
- **ВЬЕТНАМ В ЦЕНТРЕ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ**
- **РОЛЬ США В ЭСКАЛАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**
- **ПОЗИЦИЯ КИТАЯ В АТЭС: 30 ЛЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ В АТР**
- **ПЕРСПЕКТИВЫ ДИАЛОГА МЕЖДУ КНДР И США: РИТОРИКА И ПРАКТИКА**
- **БАЛАНС СИЛ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**
- **АМЕРИКАНСКИЕ КОМПАНИИ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ 2022 ГОДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2024

№ 8 (656)

Август

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

*Журнал издаётся под руководством
Отделения глобальных проблем и международных
отношений РАН*

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия);
Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); А.В. Коробков (Государственный
университет Среднего Теннесси, Нашвилл, США); К.И. Косачёв (Совет Федерации
Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия);
Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Чрезвычайный и полномочный
посол Российской Федерации, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН,
Москва, Россия); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО,
Москва, Россия); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия);
С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия);
В.Б. Супян (ИСКРАН, Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия);
Н.А. Шведова (ИСКРАН, Москва, Россия); Т. Грэм (Ассоциация Киссинджера, Нью-
Йорк, США); Пан Давэй (Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР);
П. Дуткевич (Карлтонский университет, Оттава, Канада); Дж. С. Дюрран
(Мемориальный университет Ньюфаундленда, Сент-Джонс, Канада); Т. Ротнем
(Государственный университет в Кеннесо, Кеннесо, США); Н. Симотомаи (Университет
Хосэй, Токио, Япония); А. Стент (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США);
К. Того (Университет Киото Сангё, Киото, Япония); Хон Ван Сук (Университет
внешнеполитических исследований Ханкук, Сеул, Республика Корея).

Номер готовили:

В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов.

Москва

© Российская академия наук, 2024

© Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова, 2024

© Редколлегия журнала «США & Канада» (составитель), 2024

*Russian Academy of Sciences
Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies*

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2024

No. 8 (656)

August

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Korobkov (Middle Tennessee State University, Nashville, USA); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); N. Shvedova (ISKRAN, Moscow, Russia), Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Piotr Dutkiewicz (Carleton University, Ottawa, Canada), John Stuart Durrant (Memorial University of Newfoundland, St. John's, Canada), Thomas Rotnem (Kennesaw State University, Kennesaw, USA) Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan), Hon Wan Suk (Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2024

© Arbatov U.S. and Canada Institute
(ISKRAN), 2024

© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2024

Содержание

2024, № 8 (656)

Международная конференция «США и меняющийся баланс сил в АТР» 26 апреля 2024 г.

Бабаев К.В. Вторая холодная война.....	5
Ким Ен Ун. Эволюция баланса сил в Северо-Восточной Азии: значение для регионального статус-кво.....	16
Бэ Бумки. Роль США в решении территориальных проблем Восточной Азии.....	25
Жебин А.З. Об отношениях КНДР – США.....	39
Уянаев С.В. Диалог США – Индия: взгляд из Китая.....	50
Дун Ваньли. Эволюция роли Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе.....	63
Буй Тхи Кхань Хуен. Особенности политики Социалистической Республики Вьетнам в Азиатско-Тихоокеанском регионе.....	74
Шкробтак И.О. Сотрудничество оборонно-промышленных комплексов США и Республики Корея.....	83
Сёмина Л.И. «Мягкая» война биотехнологий: Республика Корея и США.....	94
Козлов В.О. Интересы американского корпоративного сектора в условиях фрагментации мировой экономики и конфликта с Россией....	103
Мотявин М.М. Сотрудничество США и Республики Корея в сфере искусственного интеллекта.....	110
Юбилей А.Н. Панова	126
Информация для авторов	127

Contents

2024, No. 8 (656)

International conference “The U.S. and the Changing Balance of Power in the Asia-Pacific” April, 26 2024

Babaev, K.V. Cold War II.....	5
Kin En Un. Evolution of the Balance of Power in Northeast Asia: Implications for Regional Status Quo.....	16
Bae Bumki. The Role of the U.S. in Settlement of the Territorial Disputes of East Asia.....	25
Zhebin, A.Z. On the DPRK-US Relations.....	39
Uyanaev, S.V. The US-India Dialogue: A Look from China.....	50
Dong Wanli. Evolution of China's Role in the Asia-Pacific Region.....	63
Bui Thi Khan Huen. Features of the Policy of the Socialist Republic of Vietnam in the Asia-Pacific Region.....	74
Shkrobtak, I.O. Cooperation between the Defense Industrial Complexes of the United States and the Republic of Korea.....	83
Semina, L.I. The Soft War of Biotechnology: The Republic of Korea and the United States.....	94
Kozlov, V.O. The Interests of the American Corporate Sector in the Context of Fragmentation of the Global Economy and Conflict with Russia.....	103
Motyavin, M.M. U.S.-ROK AI Cooperation.....	110
Jubilee of A.N. Panov	126

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673024080013

EDN: XFHDGG

Вторая холодная война

К.В. Бабаев*Институт Китая и современной Азии РАН (ИКА РАН)**Российская Федерация, Москва 117997, Нахимовский пр-т, д. 32.**Researcher ID: HPB-7936-2023 Scopus Author ID: 36550087400 PИИЦ ID: 672218**ORCID: 0000-0001-5731-8667**e-mail: kbabaev@iccaras.ru*

Резюме. Статья даёт определение текущей геополитической ситуации как второй холодной войны, во многом повторяющей конфигурацию противоборства СССР и США во второй половине XX века. Термин «вторая холодная война» уже введён в научный оборот в западной литературе и призван подчеркнуть, что нынешнее противостояние между Россией и Китаем, с одной стороны, и США и их союзниками – с другой, в целом повторяет процессы, происходившие в мире после Второй мировой войны, однако характеризуется и рядом отличительных особенностей. В статье анализируются конкретные параллели в международных политических и экономических отношениях в период первой холодной войны (1946–1991) и в сегодняшнем мире, проводится сопоставительный анализ военных, политических, идеологических и экономических аспектов двух холодных войн, анализируется природа основных различий между двумя периодами и делается прогноз развития международных отношений в контексте глобального противостояния и формирования триполярного мира в XXI веке.

Ключевые слова: холодная война, российско-американские отношения, гонка вооружений, экономические санкции, конфликт на Украине, международные отношения.

Для цитирования: Бабаев К.В. Вторая холодная война. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(8): 5–15. DOI: 10.31857/S2686673024080013
EDN: XFHDGG

Cold War II

Kirill V. Babaev*Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS)**32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.**Researcher ID: HPB-7936-2023 Scopus Author ID: 36550087400 PИИЦ ID: 672218**ORCID: 0000-0001-5731-8667**e-mail: kbabaev@iccaras.ru*

Abstract: The article defines the current geopolitical situation as the Second Cold War which resembles a lot the configuration of a global counteropposition between the USA and the Soviet Union in the 2nd half of the 20th century. The term “Cold War II” has already been introduced to the Western scientific literature and is made to emphasize that the current conflict between Russian and China, on one hand, and the USA and their allies, on the other, replicates many of the processes which were going on in the world after World War II but still possesses a number of characteristic traits. The paper analyses concrete parallels in the international political and economic relations in Cold War I (1946-1991) and in today’s world. A comparative analysis is made of military, political, ideological, and economic aspects of the two Cold Wars. The distinction

between the two periods is made, and a forecast of the development of international relations in the context of this global opposition in the 21st century is made.

Keywords: Cold War, Russia-US relations, arms race, economic sanctions, Ukraine conflict, international relations.

For citation: Babaev, K.V. Cold War II. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(8): 5–15. DOI: 10.31857/S2686673024080013 EDN: XFHDGG

ТЕРМИНЫ И ПОНЯТИЯ

Дискуссия о том, завершилась ли холодная война между Россией и США или продолжается, не утихает. На эту тему в научно-экспертном дискурсе сформировались три мнения.

Первое состоит в том, что холодная война бесповоротно закончилась победой США над СССР в 1991 году и тем самым стала частью истории. Это мнение характерно для американских (шире – западных) политологов, следующих в русле тезисов эпохальной работы Ф. Фукуямы [Fukuyama, 1992; Westad, 2005]. Как и после окончания Первой мировой войны, в 1990-е годы на Западе возникло эйфорическое ощущение окончательной победы западной демократии и либеральной цивилизации, от которого многим нынешним учёным сложно отказаться. Признать, что холодная война снова на столе после тридцати лет вселенского триумфа Америки, разумеется, нелегко. Лучше, полагают они, назвать нынешнюю ситуацию как-то иначе.

Вторая точка зрения возражает: холодная война продолжается, хотя её нынешняя фаза существенно отличается от того, что мир наблюдал сорок лет назад, в 1984 году, потому что участником противостояния стал Китай, Россия же является лишь его клиентом. Однако события последних двух лет отчётливо показали, что основными акторами противоборства являются именно Россия и США, а главным регионом раздора снова стала Европа, весьма далёкая от китайских национальных интересов. Кроме того, проблемы экзистенциальной пропасти между Россией и НАТО никуда не делись, как, впрочем, и само НАТО. Пока существует главный альянс холодной войны, не закончена и сама война [Батюк, 2018].

И всё же по многим параметрам текущая ситуация отличается от второй половины прошлого столетия, да и тридцатилетний перерыв в «боевых действиях» холодной войны нельзя игнорировать. Это качественно другая война. В настоящей статье мы ставим задачу доказать третью точку зрения: в 2014 году в мире началась и по сей день развивается холодная война несколько иного рода, чем та, которую мы привыкли ограничивать рамками 1946–1991 годов. Мы назвали бы её второй холодной войной.

Как Вторая мировая стала логичным продолжением Первой, потому что триумфаторы Версаля не сумели выстроить прочного мира с учётом всех интересов, так и нынешняя холодная война между Россией и США является неизбежным результатом «головокружения от успехов» американской дипломатии в её ощущении окончательной победы над всеми оппонентами. Сегодня победа в первой холодной войне для Запада оборачивается чувствительным поражением.

Термин «вторая холодная война» не новый: его начали изредка употреблять в политологическом дискурсе в последнее десятилетие. Возможно, первым, кто

ввёл это понятие в оборот, был американский историк Г. Чанг, который имел в виду систему отношений трёх великих держав после визита Р. Никсона в КНР в 1972 году [Chang, 2008]. Примерно тогда же об идущей в мире второй холодной войне заявил Э. Лукас [Lucas, 2008]. Недавно эту же мысль повторил известный американский историк Н. Фергюсон. В России данное определение встречается в ряде публикаций, в том числе в работе [Неменский, 2018], к которой мы ещё обратимся ниже. Однако в широкий оборот термин «вторая холодная» пока не вошёл, и нам представляется полезным проанализировать его валидность для определения нынешней системы международных отношений.

В настоящей статье мы фокусируемся на российско-американском противостоянии, лишь опосредованно касаясь столь же «холодного» назревающего конфликта между Китаем и США. Это сделано намеренно: во-первых, потому что вовлечение в анализ китайско-американских отношений сильно увеличило бы объём работы, во-вторых, потому что для сравнения между двумя холодными войнами именно российско-американское противостояние является наиболее наглядным.

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Рассмотрим сперва основные сходства между двумя холодными войнами, которые позволяют нам сделать указанные выше утверждения.

(1) Прежде всего, цели сторон в первой холодной войне сводились к борьбе за глобальное влияние. Две крупнейшие ядерные сверхдержавы соперничали между собой в Восточной и Южной Азии, в Европе и Тропической Африке, на островах Куба и Гренада, в Антарктиде и Арктике.

Эти цели актуальны и сегодня для России и США. После нескольких лет внешнеполитической слабости к середине третьего десятилетия XXI века Россия вновь заявляет о своих интересах в Венесуэле и Никарагуа, активно участвует в урегулировании конфликта в Сирии, успешно осуществляет военно-политическую экспансию в Западной и Центральной Африке и выступает одним из основных драйверов антизападного (читай, антиамериканского) сентимента в мире в целом. Национальные интересы России и США вновь распространяются на весь Земной шар, и борьба за глобальное влияние в полной мере возродилась, даже усилившись после 2022 года.

(2) Цель расширения глобального политического влияния (и, соответственно, ограничения такого влияния противоположной стороны) приводит к формированию глобальных систем военно-политических союзов, происходящее сегодня в мире. «Блоковое противостояние» можно сколько угодно осуждать в публичных выступлениях с обеих сторон линии украинского фронта, но оно уже стало реальностью – весьма схожей с той, что наблюдалась во второй половине предыдущего столетия.

Сейчас, как и тогда, застрельщиком «сдерживания» (именно этот термин фигурировал в американском истеблишменте при Трумэне, как фигурирует и при Байдене) выступили Соединённые Штаты. За созданием в 1949 году НАТО последовали другие военно-политические конструкции с участием США – от Организации центрального договора (*The Central Treaty Organization*, СЕНТО) и

Организации Договора Юго-Восточной Азии (*South-East Asia Treaty Organization*, СЕАТО) в Азии до Тихоокеанского пакт безопасности (*Security Treaty – Australia, New Zealand, United States*, АНЗЮС/АНЗЮК) в Тихом океане. Сегодня мы видим их фактическое возрождение в прежнем формате при новых названиях – но сущность и цели АУКУС (*AUKUS*) образца 2024 года до степени смешения напоминает сущность и цели АНЗЮС образца 1954 года [Бабаев, 2022].

Россия, публично и весьма дальновидно демонстрируя отход от «альянсов времён холодной войны», предпочитает менее формализованные конструкции, однако подчас с весьма сильными игроками – такие, как «дружба выше любых альянсов» с КНР или форум БРИКС, где нет явного гегемона, а участники объединены общим недовольством диктатурой США в мировой политике и экономике.

(3) Помимо собственно союзников, обе стороны в глобальном противостоянии ищут себе единомышленников, пусть даже не связанных общими обязательствами. Противостояние в Генеральной Ассамблее ООН и подсчёт голосов по громким анти-российским или антизападным резолюциям – хороший пример глобального соперничества и борьбы за голоса, которые вроде бы ничего не дадут, кроме дополнительной демонстрации влияния. Соединённые Штаты оперируют понятием «мировое сообщество» для демонстрации глобальной поддержки своей политики, в России в последние годы родился удачный конкурирующий термин «мировое большинство», означающий страны Глобального Юга вместе с Россией и её союзниками, которые объединяет недовольство диктатурой Запада в международных отношениях.

В итоге мир, как и в эпоху первой холодной, раскалывается не на два, а на три блока, третьим из которых выступает большинство государств мира, стремящихся остаться за рамками геополитического противостояния [Gopinath, 2024]. Глобальный Юг XXI века по своему составу и идеологическому наполнению фактически повторяет Движение неприсоединения XX века, члены которого с большим или меньшим успехом стремились выдержать сбалансированную политику – в наши дни чаще всего называемую «многовекторной».

По мере нарастания противоборства между двумя сверхдержавами всё больше стран под их давлением будет захвачено водоворотом холодной войны и вынуждены будут занять чью-то сторону: как Белоруссия в пользу России или Филиппины в пользу США. Региональным лидерам – таким как Турция или Индия – возможно, удастся удержать баланс.

(4) «Холодное» противостояние между сторонами дополняется локальными конфликтами по всему земному шару, в которых стороны участвуют либо напрямую (США в Корею и Вьетнаме, Россия в Афганистане и на Украине), либо опосредованно через своих союзников и прокси. Сегодня США оказывают столь же объёмную помощь Украине, сколь активно когда-то Советский Союз поддерживал Пхеньян и Ханой в борьбе против американской интервенции – и даже в большей степени, так как в Корейской и Индокитайской войнах в боях инкогнито участвовали советские лётчики. Весьма вероятно, что войска западных держав в скором времени так же инкогнито появятся на украинском фронте.

Любой региональный конфликт в мире в эпоху холодной войны является либо следствием политики её участников-сверхдержав, либо вовлекается ими в

глобальное противостояние. Так, в конфликте в секторе Газа, начавшемся осенью 2023 года и не имевшем, казалось бы, никакого отношения к противостоянию великих держав, Россия заняла антиамериканскую позицию, де-факто склоняясь к поддержке Палестины.

В тех редких случаях, когда стороны напрямую оказываются вовлечёнными в региональные кризисы, они прикладывают усилия для сохранения контакта и недопущения открытых столкновений – как происходит сегодня в Сирии. США многократно заявляли, что выступают против применения своих вооружений, передаваемых Украине, для атак по российской территории – эта позиция также призвана остановить эскалацию прямого противостояния между Россией и США, переход холодной войны в «горячую» фазу.

(5) Для холодной войны (что, собственно, и делает её «холодной») очень характерно это сохранение дипломатических и военных сношений между противоборствующими участниками, вызванное политикой ядерного сдерживания. Стороны полны решимости не допустить ядерного столкновения. Именно поэтому особенную и весьма активную роль играют контакты на военном уровне, взаимодействие между генеральными штабами и министерствами обороны. Эти контакты, осуществляемые на сегодняшний день и по Украине, и по Сирии, также необходимы для избежания нежелательных инцидентов и прямого противостояния сторон.

Интересно, что союзникам и сателлитам великих держав поддержание контакта с противником вовсе не нужно. Они могут осуществлять любые самые эпатажные дипломатические выпады, разрывать отношения с оппонентами и даже призывать к переводу глобального конфликта в «горячую» фазу. Младшие участники коалиций всегда более агрессивны лидеров, потому что на них лежит меньше ответственности: КНДР 1950 года, Куба 1962 года и Эстония 2024 года хорошо иллюстрируют эту модель. Но даже сегодня, когда прибалтийские республики отозвали своих послов из России, посол США неизменно присутствует в Москве и периодически делает весьма значительные примирительные заявления. Между двумя военными ведомствами действует «горячая линия» по ситуации на Украине, сохраняются определённые контакты на политическом и экспертном уровнях, хотя они и не афишируются.

(6) Для экономики холодной войны характерна гонка вооружений – понятие, которому много лет (по меньшей мере полтора столетия), но которое стало активно употребляться именно в эпоху первого «холодного» противостояния США и России. Военные расходы России, по словам Владимира Путина, превышают сегодня 8% и выросли втрое с 2021 года, военные бюджеты США все последние годы бьют рекорды. Окончание первой холодной войны было оформлено прежде всего цепочкой договоров о разоружении, и это разоружение успешно шло в течение как минимум четверти века после запуска процесса разрядки М.С. Горбачёвым и Р. Рейганом. Однако затем тренд был сломан: с 2014 года соперничество между Россией и США в области военной авиации и ракетного вооружения возобновилось и с тех пор только расширялось. В настоящее время это соперничество вновь, как и в начале 1980-х годов, заходит в космическую сферу. Следует отметить при этом, что при несопоставимых расходах на военные нужды

(в США – около 900 млн долл. в год, в России – 120 млн долл.) стороны обладают паритетом в основных видах вооружений, а по некоторым позициям – в частности, по разработкам гиперзвукового оружия и по количеству ядерных зарядов – Россия существенно превосходит США. Военный паритет и гонка вооружений – ещё одна важнейшая характеристика холодной войны.

Рассмотрим теперь основные различия между геополитическими ландшафтами второй половины XX века и в текущий период. Как мы увидим, все они являются либо кажущимися, либо временными. (1) Основным возражением против тезиса «новой холодной войны» считается отсутствие чётко выраженного идеологического противостояния между геополитическими полюсами. Капитализм и социализм, рыночная и централизованная модель экономики – это доктрины, которые отчётливо разделяли социалистический лагерь и капиталистический мир в годы первой холодной войны. Сейчас, когда даже правящие коммунистические партии перевели свои экономики на рыночные рельсы, идеологическое противостояние, по логике, должно было исчезнуть.

Так и произошло в 1990-е годы. Но уже во втором десятилетии нашего столетия начинает происходить новый идеологический разлом, который к 2024 году обозначился не менее чётко: это разлом между неолиберализмом (или ультралиберализмом) и традиционализмом (или консерватизмом). Идеология толерантности на наших глазах сыграла с европейской цивилизацией злую шутку, загнав её в тотальную нетолерантность к другим идеологиям. Привычные нам «старолиберальные» европейские ценности – такие как частная собственность, верховенство права, равенство полов, моногамная семья и в первую очередь христианские догмы терпимости – в самой Европе практически полностью девальвировались, уступив место диктатуре меньшинств, агрессивному феминизму, отрицанию традиционной семьи, размыванию национальной идентичности и выводу детей из-под опеки родителей. Все эти столпы неолиберализма увенчаны принципом отрицания любого инакомыслия по ключевым вопросам социальной, политической, нравственной повестки. Сегодня на «Евроньюс» (*Euronews*) нельзя увидеть интервью представителя пророссийской позиции, как в европейском или американском научном журнале нельзя разместить статью с возражениями против доктрины глобального потепления или феминизма.

Именно торжество ультралиберализма привело к реакции со стороны консервативных обществ и государств, исповедующих традиционные ценности половых, семейных, корпоративных и национально-культурных отношений. И несмотря на то, что отрицание западных неолиберальных догм наиболее ярко выражалось в последние десятилетия на мусульманском Востоке (Исламская революция в Иране, приход к власти исламистов в Афганистане и Пакистане, «арабская весна» в странах Ближнего Востока и Северной Африки), волею судеб именно Россия сегодня возглавила движение за сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей. Консерватизм стал основой российской идеологии во многом как ответ на «диктатуру толерантности» в Европе и США, и теперь Россию и Запад разделяет идеологическая пропасть размером ничуть не меньше, чем полвека назад. По какой-то невероятной иронии именно Россия, страна

чрезвычайно травматичных ультралиберальных и антихристианских экспериментов XX века, теперь выступает хранителем христианских европейских ценностей, в то время как Европа повсеместно отрекается от них.

В Европе островами консервативных ценностей во многом остаются некоторые тяготеющие к России православные культуры (Сербия, Греция), государства с сильной католической традицией (Польша, Чехия, Венгрия), а также сама Римско-католическая церковь. Не зря именно Папа Римский активно призывает сегодня к мирному урегулированию конфликта на Украине.

Традиционные ценности чрезвычайно важны для мусульманского мира, преимущественно христианских стран Тропической Африки, государств Латинской Америки. В представлении многих народов Глобального Юга ультралиберальные заскоки Запада (вроде навязывания темы защиты сексуальных меньшинств в ходе Чемпионата мира по футболу в Катаре в 2022 года) являются свидетельством политики неокOLONиализма. Понимая это, Россия успешно оседлала антиколониальный дискурс в общении со странами Африки и Азии – опять же возвращаясь к удачным практикам времён первой холодной войны.

Таким образом, во второй холодной войне налицо весьма определённое идеологическое, ценностное противостояние (ср. более детальный анализ этого тезиса в работе [Неменский, 2018]).

Надо сказать, что в западной литературе тема идеологического противостояния тоже набирает обороты, однако там грань, как и в период первой холодной войны, проводится между демократическим миром и миром автократий [Owen, 2023; Sookman, 2024]. Однако это противопоставление представляется неточным: ведь в конце XX века лидер демократического мира США и автократический Китай сотрудничали максимально плотно. Да и сегодня противоречия между Россией и США, Китаем и США базируются вовсе не на разных взглядах на внутриполитическое устройство. США осуществляют политику «сдерживания» и пытаются вовлечь Украину в НАТО вовсе не для того, чтобы установить в России или Китае режимы, схожие с западной демократией. Помимо этого, США продолжают с успехом поддерживать своих весьма авторитарных союзников на Ближнем Востоке или в Африке.

(2) Многим западным и ряду российских исследователей кажется нелепым сравнивать биполярный мир 1970-х годов и мир сегодняшний хотя бы потому, что СССР периода расцвета контролировал десятки государств мира, управлял сильными военным (ОВД) и экономическим (СЭВ) союзами, обширной сетью военных баз и группы влияния во многих государствах-оппонентах. Не споря о размерах геополитического или экономического влияния современной России, следует вспомнить, что в 1945 году, в преддверии первой холодной войны, единственным союзником СССР на планете была Монголия. Голосования в Генеральной Ассамблее в 1940-е годы наша страна проигрывала практически всегда. Однако успехи социалистического эксперимента, антиколониальное движение (во многом заданное импульсом ленинской идеологии) и резкий рост престижа Советского Союза как основного победителя во Второй мировой войне очень скоро изменили ситуацию, сделав СССР лидером социалистического блока, включавшего в разные годы от 30 до 60 стран.

Уже сегодня дружественные России режимы начинают множиться – в первую очередь потому, что Россия де-факто объявила себя анти-Западом. В Западной и Центральной Африке (Центральноафриканская Республика, Мали, Буркина-Фасо, Нигер и пр.) приходят к власти военные правительства, которым российская идеология существенно ближе западной; в Азии существенно потеплели отношения Москвы с Мьянмой, КНДР, Ираном, не говоря уже о неформальном идеологическом союзе с Китаем. Даже в Европе Венгрия и Словакия уже называются «пророссийскими» государствами в составе антироссийского Европейского Союза. В странах Западной Европы появились пророссийские партии – сегодня это уже не коммунисты, а напротив – преимущественно крайне правые: «Альтернатива для Германии», «Национальное объединение» во Франции и др.

Сложно сказать, будет ли развиваться этот тренд. Многое будет зависеть от исхода конфликта на Украине: победа России в том или ином виде неизбежно и существенно поднимет престиж нашей страны и на Глобальном Юге, и в странах-соседах (прежде всего в Центральной Азии). Но уже сейчас ясно, что Россия далеко не так одинока, как это могло казаться ещё десятилетие назад.

(3) Нынешнее геополитическое противостояние характеризуется чрезвычайно активным использованием односторонних экономических ограничений (чаще всего именуемых «санкциями», хотя этот термин изначально относился только к международно признанным санкциям, налагаемым Совбезом ООН) [Пятибратов, 2020].

Действительно, если в 1991 году, по статистике Всемирного банка, в мире было установлено лишь около сотни таких ограничений, то уже в 2023 году их было более 15 000, и число односторонних санкций и контрсанкций продолжает расти. Ничего подобного по размаху в годы первой холодной войны, разумеется, не было.

Санкционная война Запада с Россией, Ираном, Китаем и другими оппонентами объясняется прежде всего процессами далеко зашедшей глобализации мировой экономики в последние полвека. В 1945 году Советский Союз был относительно слабо интегрирован в мировую экономику. Это позволило ему довольно легко выстроить параллельную мировую экономическую инфраструктуру внутри социалистического лагеря: в 1980-х годах около 70% торговли СССР приходилось на соцстраны. Два мировых лагеря существовали и в политике, и в экономике.

В 2014 году ситуация была совершенно иной: на прошедшие к тому моменту два с лишним десятилетия Россия (как ещё раньше Китай и другие бывшие соцстраны) сумели плотно интегрироваться в единую мировую экономику и финансовую систему. Однако противостояние в идеологии и политике неизбежно приводит к тому, что сегодня называют «декаплингом» или «френдшорингом»: государства стремятся нанести экономический ущерб своим геополитическим оппонентам, ограничив взаимодействие с ними и сосредоточив торгово-экономические связи на дружественных странах.

В результате вала западных односторонних ограничений глобализация на планете завершилась. Мировую экономику ждёт весьма скорый распад на две системы, каждая из которых будет обладать безопасной для себя финансовой, торговой, регуляторной инфраструктурой. Её создание назрело: уже сегодня Россия не может нормально торговать с Китаем, Турцией, ОАЭ, Казахстаном в рамках

международной финансовой системы, контролируемой из Вашингтона, и не может полагаться на мировые валюты: доллар и евро. Это неизбежно приведёт к созданию новых параллельных инструментов для оппонентов Запада во главе с Россией и КНР: системы отслеживания финансовых сообщений (по аналогии со *SWIFT*), системы банковских услуг и страхования, системы торговых правил, а также арбитражных судов – потому что уже сегодня в западных арбитражах получить решение в пользу российского контрагента практически нереально. Надвое распадается даже мировой торговый флот, разделяясь на те суда, которые выполняют введённые Западом ценовые ограничения на российскую нефть, и на те, что выходят из-под контроля страховых компаний, пополняя всемирный «теневого флот».

Таким образом, вторая холодная война постепенно оформляет две конкурирующих экономических системы – по сути, именно этой цели и служат санкции западных стран, которые ни к какому иному результату привести не смогут.

(4) Наконец, важно отметить, что нынешняя холодная война отличается от первой размахом информационного противостояния, чего попросту не могло быть полвека назад. Интернет, социальные сети, вирусные новости и высочайшие технологии создания фейков стали новым словом в глобальном противостоянии. По существу, не изменилось ничего: стороны и раньше соревновались друг с другом в пропаганде собственной точки зрения и замалчивания точки зрения оппонентов. Изменились лишь инструменты: появились кибервойска и массированные информационные кампании, фабрики по производству «общественного мнения», ограничения на получения информации из Интернета и использование искусственного интеллекта для зачистки информационного пространства. Эти технологии – отличительная черта второй холодной войны, как и многие другие современные технологии, поставленные на службу глобальному противоборству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ВЫВОДЫ И ПРОГНОЗЫ

Первая холодная война продолжалась 45 лет и претерпела за этот период существенные трансформации. Противостояние по сути своей прошло две фазы.

Сначала оно было весьма жёстким и в первые 15 лет мир стоял на грани ядерной войны. В США были разработаны планы ядерных ударов в Советском Союзу, а Мао Цзэдун всерьёз рассуждал о третьей мировой, в которой может погибнуть треть человечества (зато остальные выживут и построят коммунизм).

Затем фаза взаимного отрицания (начавшаяся ещё в 1917 году) постепенно перешла в фазу мирного сосуществования, официально провозглашённого Н.С. Хрущёвым. С 1962 по 1991 год на Земле уже не было ядерных кризисов. СССР и США более или менее успешно взаимодействовали в экономике, общественной жизни, культуре и спорте, плодотворно работали в рамках ООН и её Совета Безопасности, а с 1972 года начали заключать договорённости об ограничении вооружений. Обе стороны прекрасно поняли, что победы на поле боя не добьётся ни одна из них, и умело поддерживали баланс и стабильность в системе международных отношений, идя на взаимные компромиссы.

Сегодня Запад всё ещё находится в фазе отрицания. В Вашингтоне по-прежнему уверены, что сила является единственным инструментом, способным обеспечить Западу победу в новом глобальном противостоянии. Правящий истеблишмент верит, что холодная война закончилась победой, и сегодня осталось лишь преодолеть небольшие сложности в лице ослабленной, изолированной России. Чем дольше они будут в это верить, тем сильнее реальность будет расходиться с ожиданиями – это показывают как история первой холодной войны, так и сегодняшний день.

Россия успешно выдерживает напор беспрецедентных западных санкций и успешно сражается с блоком НАТО на Украине. Её влияние растёт в тех регионах мира, которые ещё вчера казались вотчинами стран Европы или США. Недальновидная политика Вашингтона привела к невиданному сближению России и Китая, а также росту антизападных настроений на всём Глобальном Юге, что в свою очередь повлекло мировой триумф БРИКС.

Помимо этого, нельзя забывать, что ни сегодняшний, ни завтрашний мир ни в коем случае не являются биполярными, как это было в эпоху первой холодной войны. Стратегический треугольник США – Россия – Китай представляет собой устойчивую конструкцию, баланс в которой только и способен предотвратить сползание мира к ядерной войне [Морозов, Батюк, 2022]. Триполярный мир представляется той конструкцией, которая сможет обеспечить всеобщую безопасность на протяжении всего XXI века. Подробное описание этой конструкции и её возможных вариантов приведено в работе [Бабаев, 2024].

Стоит ожидать, что в Вашингтоне не за горами реальная оценка баланса сил и постепенный переход к фазе сосуществования. Возвращение США к компромиссам на мировой арене будет означать, по всей вероятности, формирование новых глобальных правил и институтов безопасности, новой системы международных отношений взамен изжившей себя Ялтинско-Потсдамской. Возможно, со временем это поможет миру преодолеть текущее противостояние и выйти единственным победителем из второй холодной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабаев К.В. Вся «Индо-Тихоокеанская» рать: система военно-политических союзов США в Индийском и Тихом океанах. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2023. Т. 16. № 1. С. 107–127. DOI: 10.31249/kgt/2023.01.06

Бабаев К.В. Триполярный мир. *Евразийский ежегодник 2024* (2). М., РАН, 2024. В печати.

Батюк В.И. Холодная война между США и СССР (1945–1991). Очерки истории. М.: «Весь Мир», 2018, 336 с.

Морозов Ю.В., Батюк В.И. Стратегический треугольник США – КНР – РФ: вызовы и перспективы безопасности России. М.: ИКСА РАН, 2022, 544 с.

Неменский О.Б. Вторая холодная война как ценностный конфликт. *Вопросы национализма*. 2018. – № 1(31). – С. 26–40.

Пятибратов И.С. Санкции и односторонние ограничительные меры: проблема различия терминов и тождественности явлений. *Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки*. Т. 10, № 6, 2020. С. 61–65. doi:10.26794/2226-7867-2020-10-6-61-65

REFERENCES

- Babaev, K.V. "All the Indo-Pacific Men": The System of US Political and Military Pacts in the Indian Ocean and Asia Pacific. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 16, no. 1, pp. 107–127.
- Babaev, K.V. The tripolar world. *Eurasian Yearbook* 2024 (2). Moscow, RAS, 2024. In print.
- Batyuk, V.I. Cold War between the United States and the Soviet Union (1945–1991). *Essays on the history*. M. Ves Mir Publishers, 2018, 336 p.
- Chang, G. "Review: Nixon in China and Cold War I and Cold War II". *Diplomatic History*. 32 (3), 2008. Pp. 493–496.
- Fukuyama, F. *The end of history and the last man*. NY: Free Press, 1992.
- Gopinath, G. Geopolitics and its Impact on Global Trade and the Dollar. *International Monetary Fund*, 07 May 2024. <https://www.imf.org/en/News/Articles/2024/05/07/sp-geopolitics-impact-global-trade-and-dollar-gita-gopinath>
- Lucas, E. *The New Cold War: Putin's Russia and the Threat to the West*. Palgrave Macmillan, 2008.
- Morozov, Yu.V., Batyuk, V.I. The strategic triangle of the USA – China – Russia: challenges and prospects for Russia's security. Moscow: ICCA RAS, 2022, 544 p.
- Nemensky, O.B. The Second Cold War as a conflict of values. *Issues of nationalism*, 2018. № 1(31). pp. 26–40.
- Owen, J. *The Ecology of Nations: American Democracy in a Fragile World Order*. Yale University Press, 2023.
- Pyatibratov, I.S. Sanctions and unilateral restrictive measures: The problem of differences in terms and identity of phenomena. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, Vol. 10, No. 6, 2020. pp. 61–65. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-61-65.
- Sookman, B. Cold War 2.0: The Battle Between Democracies and Autocracies. McCarthy Tetrault, 03 March 2024. <https://www.mccarthy.ca/en/insights/blogs/techlex/cold-war-20-battle-between-democracies-and-autocracies>
- Westad, O.A. *The global Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БАБАЕВ Кирилл Владимирович, Kirill V. BABAEV, Doctor of Philology, доктор филологических наук, профессор, директор Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). Russian Federation, 117997 Москва, Нахимовский проспект, д. 32. Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 27.05.2024 / Received 27.05.2024.

Статья поступила после рецензирования 9.06.2024 / Revised 9.06.2024.

Статья принята к публикации 10.06.2024 / Accepted 10.06.2024.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673024080027

EDN: XFGVRK

Эволюция баланса сил в Северо-Восточной Азии: значение для регионального статус-кво

Ким Ен Ун

Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН).

Российская Федерация, Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.

Scopus AuthorID: 693534 ORCID: 0000-0002-8449-7135 e-mail: kim@iccaras.ru

Резюме. В статье исследуется вопрос влияния баланса сил статус-кво, существующего вокруг Корейского полуострова в Северо-Восточной Азии с лета 1953 года. 27 июля 1953 года было подписано Соглашение о временном перемирии в Корейской войне, подписанный со стороны КНДР Верховным Главнокомандующим Корейской Народной Армией маршалом Ким Ир Сенем и Командующим китайскими народными добровольцами генерал Народно-освободительной армии Китая генералом Пэн Дэ Хуаем и со стороны «войск ООН» американским генералом А. Кларком. Участница той войны Республика Корея не подписала Соглашение о перемирии ни тогда, ни впоследствии. Подписавшие Соглашение о перемирии представляли свои государства и пошли на его подписание потому, что понимали невозможность победы в Корейской войне из-за сложившейся в основном равной силы воюющих сторон. Она отражала сложившийся к тому времени баланс сил в регионе. С тех пор были неоднократные попытки каким-то образом изменить его, с одной стороны, и сохранить его в неизменном виде, с другой. Как у сторонников изменения статус-кво, так и у его противников были свои резоны. Особенно остро этот вопрос стоит к настоящему времени в связи с значительным изменением баланса сил в регионе.

Ключевые слова: Корейская война, баланс сил, статус-кво, КНДР, РК, Россия, США.

Для цитирования: Ким Ен Ун. Эволюция баланса сил в Северо-Восточной Азии: значение для регионального статус-кво. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(8): 16–24. DOI: 10.31857/S2686673024080027 EDN: XFGVRK

Evolution of the Balance of Power in Northeast Asia: Implications for Regional Status Quo

KIM En Un

Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation.

AuthorID: 693534 ORCID: 0000-0002-8449-7135 e-mail: kim@iccaras.ru

Abstract. The article examines the influence of the balance of power on the status quo existing around the Korean Peninsula in Northeast Asia since the summer of 1953. The status quo that emerged then still exists. On July 27, 1953, an Agreement was signed on a temporary truce in the Korean war, signed on the part of the DPRK by the Supreme Commander of the Korean People's Army, Marshal of the DPRK Kim Il Sung and the Commander of the Chinese People's Volunteers, General of the

People's Liberation Army of China, General Peng De Huai, and on the part of the "UN troops" American General A. Clark. The Republic of Korea, a participant in that war, did not sign the Armistice Agreement either then or subsequently. The signatories of the Armistice Agreement represented their states and agreed to sign it because they understood the impossibility of victory in the Korean War due to the generally equal strength of the warring parties. It reflected the balance of power that had developed in the region by that time. Since then, there have been repeated attempts to somehow change it, on the one hand, and to keep it unchanged, on the other. Both supporters of changing the status quo and opponents of such a measure had their own reasons. This issue is especially acute now due to the significant change in the balance of power in the region to date.

Keywords: Korean War, balance of power, status quo, DPRK, ROK, Russia, USA.

For citation: KIM, En Un. Evolution of the Balance of Power in Northeast Asia: Implications for Regional Status Quo. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(8): 16–24. DOI: 10.31857/S2686673024080027 EDN: XFGVRK

Статус-кво применительно к международной политике обозначает сложившееся или существующее положение стран того или иного региона. Поскольку этимология этого распространённого понятия изначально была связана с состоянием до или после войны, применительно к Северо-Восточной Азии и в особенности к Корейскому полуострову, отсчёт создавшегося в регионе положения в данном исследовании ведётся с окончанием Корейской войны 1950–1953 годов.

Статус-кво там сложился в результате баланса военных сил к концу Корейской войны. Ни одна из сторон, участвовавших в войне, не могла одержать победу. В принципе это было ясно уже к лету 1951 года, в связи с чем СССР тогда предложил начать переговоры об окончании войны. Они начались в июле 1951, но постоянно нарушались из-за желания США и особенно президента Республики Корея Ли Сын Мана, и учитывая подавляющее превосходство в вооружениях США, которые непосредственно участвовали крупным контингентом всех своих видов вооружённых сил. Это нашло своё выражение в осуществлявшихся осенью 1951 года, затем весной и осенью 1952 и снова весной 1953 года сезонных наступлений объединённых «войск ООН», которые, вообще-то говоря, состояли на 90% из южнокорейских и американских войск. Вступление в январе 1953 года в должность президента США генерала Д. Эйзенхауэра, который учитывая непопулярность Корейской войны в США, а также понимая патовую ситуацию на войне, во время предвыборной кампании обещал закончить войну, и советское руководство после смерти И.В. Сталина сочло необходимым пойти на некоторые компромиссы, чтобы закончить войну, которая не только приносила гибель людей, но и истощала ресурсы страны из-за вынужденной поддержки вооружением воюющих частей НОАК и КНА, а также истребительных авиационных дивизий советских ВВС, в составе которых в общей сложности за время этой войны приняли участие более 24 тыс. советских военнослужащих, прежде всего лётчиков. Таким образом война закончилась из-за того, что стороны понимали, что победителей в ней не будет, так как было примерное равновесие в военной мощи с обеих сторон. Это понимали в США, КНР, СССР, поддержавших США их союзников. Единственная страна, которая была непосредственным участником войны и отказалась от окончания войны в форме временного перемирия была Республика Корея.

Политическое и экономическое положение стран, принявших прямо или косвенно в этой войне, к концу войны было разным. США оставались самой экономически и промышленно развитой страной, которая производила к тому времени около половины мирового ВВП, имели лучшую по вооружённости армию, в том числе ядерное оружие, которое уже использовали против мирного населения Японии в августе 1945 года и знали о результатах его применения. Они также располагала мощными средствами доставки и применения этого оружия. Под их контролем находились почти 90% стран – членов ООН, которые экономически и политически зависели от США. СССР, который принял участие в войне косвенно только своими лётчиками, имел в то время примерно 15% ВВП США. И хотя уже испытал ядерное оружие в конце 1949 года, не имел таких мощных средств доставки ядерного оружия до США, тогда как США, благодаря своим военным базам вблизи границ СССР, имели возможность обеспечить применение ядерного оружия против основных центров экономики, промышленности, и военной мощи СССР. Советский Союз также имел группу своих друзей, избравших путь социалистического развития, хотя они серьёзно уступали по экономической и военной мощи капиталистического лагеря. Китай только-только (с 1 октября 1949 года) встал на путь независимого развития, был страной нищей, десятки миллионов жителей которой не могли обеспечить себя нормальным количеством питания, не говоря уже о его качестве. КНДР и РК, разорённые войной, были в лучшем случае союзниками своих могущественных союзников, КНДР – СССР и отчасти КНР, а РК – США. Они относились тогда к числу беднейших стран мира, на что серьёзно повлияли не только последствия войны, но и десятилетия колониального рабства и разорения, угнетения.

Каковы были последствия войны для экономики и человеческих ресурсов в обоих корейских государствах. А.В. Торкунов приводит такую статистику потерь корейских государств: «общее число корейцев (убитых, искалеченных и пропавших без вести) составило от 3 до 5,5 млн человек, что соответствовало в то время от одной десятой до одной шестой населения полуострова. На полуострове была почти полностью разрушена промышленность, превращены в руины более 600 тыс. домов (здесь немалую роль сыграли чрезвычайно жестокие бомбардировки Севера авиацией США). Война отбросила обе Кореи на уровень даже ниже колониального положения в период Второй мировой войны» [4: 363]. Считается, что численность населения двух корейских государств перед войной составляло примерно 30 млн человек. Южнокорейский профессор, сотрудник Института военной истории Министерства обороны РК Сим Хон Ен приводит следующие цифры потерь: общие потери 3 млн человек что «сопоставимо с 10% населения Корейского полуострова того времени». Суммарные потери РК в этой войне составили 1,62 млн человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. По КНДР он оценивает потери на уровне 1,738 млн человек [3: 401].

При этом нужно учитывать, что население КНДР было в 2 раза меньше, чем РК. Поэтому получается, что потери РК составляли около 8% населения, а потери КНДР – около 18%. Потери СССР от фашистского нашествия и карательных действий нацистов составили около 15% населения, в том числе 3 млн умерших в плену, 18 млн погибших гражданских лиц и 6 млн красноармейцев.

В КНДР почти полностью была разрушена промышленность, часть которой во время войны удалось восстановить, было разрушено более 600 тыс. домов. Численность работников промышленности и строительства, транспорта уменьшилась более чем на 10%.

Итак, статус-кво выглядел тогда следующим образом. Два корейских государства обладали урезанным суверенитетом. КНДР материально, финансово, технически и технологический сильно зависели от СССР и КНР, с одной стороны, и РК от США, с другой стороны. Мало что можно было сказать тогда об их независимой внешней политике. Но в то же время у них были надёжные союзники, покровители, которые могли их защищать и не допустить их закабаления другими странами.

Благодаря поддержке СССР, КНР и других стран народной демократии, союзников СССР, а также благодаря усилиям населения КНДР удалось за трёхлетний период восстановления достичь в основном довоенных показателей. И к 1960 году КНДР занимала 50 место в мире по ВВП на душу населения. А РК к тому времени из-за некомпетентной политики Ли Сын Мана оказалась на 101 месте. Не случайно руководители военного переворота 15 мая 1961 года заявляли, что РК тогда была беднейшей страной в мире. К тому же в РК с 1953 году по Договору о взаимной обороне постоянно без ограничения срока находились на условиях экстерриториальности американские войска и вооружённые силы РК были поставлены под подчинение командования войск США не только по стратегическим вопросам, но и по оперативным вопросам полностью. В КНДР оставались помогавшие КНДР во время Корейской войны китайские народные добровольцы до 1958 года, когда они были выведены.

Вместе с тем в КНДР во внешнеполитическом плане наступили сложные времена. Американские войска продолжали оставаться в РК. К тому же в 1958 году власти США официально заявили, что они разместили на территории РК тактические ядерные ракеты «Онест Джон» (*Honest Jeon*) класса «земля-земля» с боевой частью в 30 килотонн (680 кг с неядерной фугасной боеголовкой). Почти в это же время две главные страны социалистического лагеря СССР и КНР с 1959 года очень серьёзно испортили отношения друг с другом и им было не до КНДР. Её положение в балансе сил оказалось более слабым, чем в 1953 году. В этой ситуации Ким Ир Сен проявил дальновидность и сумел уговорить СССР и КНР подписать договоры о мире, дружбе и взаимной помощи 4 июня и 4 июля 1961 года соответственно в Москве и Пекине. Это давало КНДР надежду, что в таких условиях войска РК или США побоятся напасть. В условиях разлада между СССР и КНР КНДР вынуждена была лавировать между ними, что было делом нелёгким. К тому уже в середине 1960-х годов в КНР началась так называемая культурная революция, во время которой хунвейбины обвиняли Ким Ир Сена в ревизионизме. В конце 1970-х – начале 80-х годов, в условиях сложной внутриполитической ситуации в КНР, руководство КНДР сумело расширить связи с СССР.

Распад мировой системы социализма и СССР означал катастрофу для КНДР, резко ослабив его позиции в мире и в регионе. Объём торговли с СССР, составлявший в 1991 году около 2 млрд долл., с исчезновением СССР привёл не просто к сокращению более чем в 10 раз объёма торговли, а, что особенно было катастрофическим, разрушил кооперативные и производственные технические и технологические связи между бывшими республиками СССР, а также с восточноевропейскими государствами, которые

выбрали путь интеграции в Евросоюз и дружбы с США, совершенно прекратив всякие связи с КНДР. Ещё и руководство Российской Федерации, отдав приоритет отношениям с Республикой Корея, в 1995 году объявило о денонсации договора о мире, дружбе и взаимной помощи. И КНР, тогда ориентировавшаяся на сотрудничество с США и КНДР, осталась с разорванными производственными, торговыми и другими связям с бывшими самыми близкими странами, фактически в одиночестве. Развивающиеся страны, у которых КНДР пользовалась уважением, мало что могли предложить, так как сами были в подобном положении из-за того, что Россия уходила отсюда только ради развития связей с США и их союзниками.

В этой ситуации КНДР принимает решение о создании своей собственной системы защиты независимости страны. Опыт Сирии, Ирака, Ливии вынудил КНДР заняться созданием мощного и впечатляющего оружия обороны – ядерного и средств его доставки. И здесь КНДР столкнулась с санкциями не только со стороны своих давних врагов типа США и Японии, но и бывших союзников – КНР и России, которые во имя нераспространения ядерного оружия поддерживали предложенные США и его союзниками резолюции СБ ООН о санкциях против КНДР, что фактически убивало её внешнюю торговлю и вообще экономические связи. При этом нужно отдать должное – КНДР не стала открыто критиковать Россию, а провозгласив политику «пенчжин», то есть параллельного развития экономического строительства и создания ядерного оружия, добилась, особенно при Ким Чен Ёне, впечатляющих успехов.

Сейчас позиции КНДР в балансе сил в Северо-Восточной Азии серьёзно укрепились, так как она стала девятой ядерной державой, а также космической державой, запускающей не только спутники, которые осуществляют зондирование поверхности Земли, но и могущие выполнять разведывательные функции.

США и Республика Корея взяли курс на смену режима в КНДР, а в конечном итоге на включение КНДР в состав РК с полной сменой всей социально-политической и экономической системы страны. Но их политика сталкивается с изменившимся балансом сил в регионе. Сейчас Россия, которая твёрдо поддерживает КНДР, стала первой по своей военной мощи страной. А также четвёртой экономикой мира по ППС и фактически руководитель России является сейчас самым авторитетным, политиком мира. КНР, которая в 1953 году была бедной страной, имевшей только людские ресурсы, сейчас стала первой экономикой мира по ППС, третьей военной державой мира и через несколько лет, в 2027–2035 году будет иметь сопоставимый с США военный потенциал. Итак, три страны, находящиеся в Северо-Восточной Азии – РФ, КНР, КНДР – являются ядерными державами, которые могут нанести непоправимый ущерб США в случае агрессии против любой из этих стран. Позиции США в мере сейчас падают. Если в 1953 году США производили почти 50% мирового ВВП, то сейчас их доля снизилась до примерно четверти, с одновременным увеличением внешнего долга, составляющим умопомрачительную сумму в 34 трлн долл., и каждый год этот долг растёт примерно на 5 трлн долл. Так скоро можно дойти до банкротства, отказа большинства стран от доллара как резервной валюты, что резко сократит возможности экономического и финансового влияния США на другие страны. Ослабление позиции связаны не только с немощью нынешнего президента страны, но и ослаблением возможностей США использовать

политику канонерок. Не случайно некогда стойкий союзник США Саудовская Аравия недавно аннулировала нефтяной договор с США.

В такой ситуации становится ясно, что статус-кво в СВА должен измениться. Должно произойти ослабление позиции США в регионе, а возможно и политический и экономический уход из США из региона. Предыдущий статус-кво сохранил мир в регионе. Но этот мир постоянно был на грани срыва в очередную напряжённость с угрозой превращения в военный конфликт. Поэтому очень серьёзно ставится вопрос: на каких условиях сохранить мир в регионе?

США и Республика Корея, а также Япония считают, что мир удастся установить победой демократии над автократией. Мир может быть на Земле не в конфронтации демократий и автократии (в пятидесятые годы и позже, на весь период холодной войны она мыслилась или определялась как конфронтация между капитализмом и социализмом, более узко, идеологически как противостояние между коммунизмом и антикоммунизмом, а после распада мировой системы социализма и резкого снижения влияния и роли коммунистических партий, как политического и идеологического фактора международных отношений, она трансформировалась идеологами капиталистического гегемонизма в противостояние демократий и автократии. Это вообще-то неправильная характеристика и оценка текущего миропорядка, так как нынешний этап развития миропорядка – это борьба между гегемонизмом сторонников однополярного мира, которые по существу только отражают хищническую природу превратившегося в безжалостного и хладнокровного спрута колониального и неоколониального капитализма, особенно на стадии империализма, который не может существовать иначе чем установлением своего всепроникающего во всей сферы человеческого бытия гегемонизма и диктатуры образа «цветущего сада мира «белого человека», при этом это высокомерие становится идеологией и политикой всего Запада, в особенности англосаксонского мира, а также и представителей других развитых капиталистических стран, в том числе и других расовых групп, в частности, как это было продемонстрировано в период колониального господства Японии, в особенности в период Второй мировой войны. Сейчас эти же идеологи, чтобы выглядеть более или менее завлекательно называют себя «золотым миллиардом», процветанию и господству которого подчинены интересы глобального мира унитаристов, под обёрткой политического и идеологического однополярного мира. Никто не может сейчас предположить, как поведут себя представители иных расовых групп, когда они возобновят себя вершителями судеб мира, несущих «правильные» идеи и нравы». Поведение лидеров и активистов «Аль-Каиды»* и ИГИЛ* дали достаточно материалов, чтобы сказать, что они также оказались способны на ужасные преступления против человечности ради утверждения мира по их понятиям и догмам.

Между тем понятно, что мир может сохраняться в сообществе сосуществовании многообразия, где уважаются право каждого народа избирать тот государственный и общественный строй, который соответствует этапу развития данного государства. Попытки явочным порядком научить или внедрить демократию в страны, которые не достигли уровня и опыта демократии нескольких столетий, не приведут к миру,

* Террористическая организация признана в РФ экстремистской, её деятельность в России запрещена.

а, наоборот, приведут к новым обострениям, конфликтам и в конечном счёте к войнам. При этом нужно отметить, что так называемая капиталистическая либеральная демократия не может сохранить мир, потому что сама природа капитализма логично и неизбежно в своём развитии приводит к диктату со стороны капиталистических стран, которые будут пытаться распространить на все страны своё понимание демократии. А единого образца демократии не может быть, так как каждая демократия в течение долгого времени будет носить, что называется, «родимые пятна» своего исторического развития, в том числе и сословной, классовой демократии. Классическая английская демократия или французская вполне себе оправдывали свои завоевательные и колониальные войны под фальшивыми лозунгами бремени белого человека или модернизации. Даже сейчас, в третьем десятилетии XXI века, политики высокого уровня Европы, считающей себя оплотом демократии, позволяют дискриминировать народы других континентов, считая свою Западную Европу садом, а остальной мир джунглями с дикими законами джунглей, когда выживает и правит только тот, кто силен, кто может стоять на верху пищевой цепочки.

Профессор Колумбийского университета Майкл Дуул в своей статье, опубликованной 18 июня в журнале «Форин аффэрс», утверждает следующее: «Либеральные государства готовы сотрудничать и проявлять миролюбие по отношению к другим членам клуба, действуя через такие институты, как НАТО и «четвёрка» (*Quad*). Но что касается автократий, то они по-прежнему готовы к войне» [4]. Верх цинизма, весь XX и начало XXI века войны развязывались капиталистическими странами, считающими себя демократическими. Кто поддерживал и укреплял нацистский режим в Германии, какова была роль США в поддержании военной машины вермахта? Кто канализировал агрессивные устремления гитлеровского режима против СССР? Кто отказывался от предложений СССР о создании антифашистского фронта и объединения в 1930-е годы, кто отверг эти предложения и доброжелательно поддержал аншлюс Австрии и расчленение Чехословакии и считал, что таким образом был принесён мир? Разве не Польша среди других стран урвала себе часть территории тогдашней Чехословакии и до сих пор не желает её отдавать Чехии или Словакии? Почему Польша отказалась от помощи СССР, когда началась агрессия нацистской Германии против неё? Об этом забыли? Кто вопреки своим обещаниям не расширять на восток НАТО провёл пять волн расширения НАТО, вплотную приблизившись к границам России и теперь ввёл против России 14 пакетов санкций? Кто приказал Украине не выполнять достигнутые весной 2022 года в Стамбуле завизированные главой украинской делегации условия прекращения войны и мирного решения вопроса об окончании специальной военной операции России на Украине? Россия отказалась или это сделали вполне себе так называемая самая старая демократия Европы – Великобритания, а остальные так называемые демократии с энтузиазмом продолжали снабжать оружием и деньгами Украину, чтобы она продолжала воевать с Россией и, как они надеялись, обескровила Россию? И нанесла ей поражение? Это называется готовностью «сотрудничать и проявлять миролюбие» к России? Понятно, что такое «сотрудничество и проявление миролюбия» не может дать ни сотрудничества, ни мира.

В свете сказанного становится очевидным, что ни баланс сил, ни статус-кво на основе противостояния «мировой демократии» с «мировой автократией» не

могут установить и сохранить мир в любом регионе планеты, в том числе на Северо-Восточной Азии, Корейском полуострове.

В Договоре о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Корейской Народно-Демократической Республикой и Российской Федерацией подписанном 19 июня 2024 года Президентом РФ В.В. Путиным и Председателем Государственных дел КНДР Ким Чен Ыном подчёркнуто, что «подтверждая стремление защищать международную справедливость от гегемонистских устремлений и попыток навязывания однополярного миропорядка, установить многополярную международную систему, основанную на добросовестном сотрудничестве государств, взаимном уважении интересов, коллективном решении международных проблем, культурно-цивилизационном многообразии, верховенстве международного права в международных отношениях, совместными усилиями противодействовать любым вызовам, ставящим под угрозу существование» Россия и КНДР договорились, что «Стороны сотрудничают друг с другом в целях обеспечения прочного регионального и международного мира и безопасности. В случае возникновения непосредственной угрозы совершения против одной из Сторон акта вооружённой агрессии Стороны по требованию одной из Сторон незамедлительно задействуют двусторонние каналы для проведения консультаций с целью координации своих позиций и согласования возможных практических мер по оказанию помощи друг другу для содействия устранению возникшей угрозы» (ст. 3), а «в случае если одна из Сторон подвергнется вооружённому нападению со стороны какого-либо государства или нескольких государств и окажется таким образом в состоянии войны, то другая Сторона незамедлительно окажет военную и иную помощь всеми имеющимися в её распоряжении средствами в соответствии со статьёй 51 Устава ООН и согласно законодательству Корейской Народно-Демократической Республики и Российской Федерации (ст. 4). Наши страны договорились, что они «развивают обмены и сотрудничество, а также активно поощряют совместные исследования в области науки и технологий, включая такие сферы, как космос, биология, мирная атомная энергия, искусственный интеллект, информационные технологии и иные» (ст. 10), а также «гарантируют неприменение односторонних принудительных мер, направленных прямо или косвенно на одну из Сторон, физических и юридических лиц такой Стороны или их собственность, находящуюся под юрисдикцией такой Стороны, товары, работы, услуги, информацию, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них, происходящие из одной Стороны, предназначенные для другой Стороны (ст. 16) [1]. Важно также отметить, что в отличие от Договора о мире, дружбе и взаимной помощи от 4 июня 1961 года, и Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 9 февраля 2000 года, которые имели пятилетние сроки действия с возможностью последующей пролонгации, настоящий договор заключён на неограниченный срок, то есть действует бессрочно (ст. 23). Это, кстати, говорит о полном доверии как со стороны России, так и со стороны КНДР, что наши страны будут, какие бы обстоятельства в мире ни случились, доверять и поддерживать друг друга. Разумеется, каждая страна имеет право, предупредив письменно за год, выйти из договора, но это стандартная норма международного договора, заключаемого на

равноправной основе. При этом не предусматривается ни размещения войск одной из сторон на территории договаривающейся страны, ни создания военных баз.

ИСТОЧНИКИ

1. 조선민주주의인민공화국과 로씨야련방사이의 포괄적인 전략적동반자관계에 관한 조약 (Договоре о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Корейской Народно-Демократической Республикой и Российской Федерацией) Available at: <http://www/kcna/kp|kp|article|q|848b072d48dcc965d89ce5f716e78e71/kcmsf/> (accessed: 20.06.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Сим Хо Нен. Корейская война: истоки, ход и перемирие. *Российско-корейские отношения в формате параллельной истории*. Под. ред., А.В. Торкунова и Ким Хакчуна. -М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. – 942 с. (с. 371–418).

Торкунов А.В. Корейская война (1950–1953 гг.). *Российско-корейские отношения в формате параллельной истории*. Под. ред., А.В. Торкунова и Ким Хакчуна. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. – 942с. (с. 343–370).

REFERENCES

Doyle, M. Why They Don't Fight. The Surprising Endurance of the Democratic Peace. Available at: https://www.foreignaffairs.com/world/why-they-dont-fight-doyle?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=Green%20Peace&utm_content=20240621&utm_term=EDZZZ003ZX/ (accessed: 19.06.2024).

Sim Ho Nen. Koreiskaia voina: istoki, khod i peremirie [The Korean War: Origins, Course and Armistice]. *Rossiisko-koreiskie otnosheniia v formate parallel'noi istorii* [Russian-Korean relations in the format of parallel history] (In Russ.). Ed. by A.V. Torkunov, Kim Hak-Chun. Moscow, Aspekt-Press, 2022, 942 p. (p. 371–418).

Torkunov, A.V. Koreiskaia voina (1950–1953 gg.) [Korean War (1950–1953)]. *Rossiisko-koreiskie otnosheniia v formate parallel'noi istorii* [Russian-Korean relations in the format of parallel history] (In Russ.). Ed. by A.V. Torkunov, Kim Hak-Chun. Moscow, Aspekt-Press, 2022, 942 p. (p. 343–370).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ким Ен Ун, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН).

Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

KIM, En Un, Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Researcher, Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

32, Nakhimovsky Av., Moscow 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 25.06.2024 / Received 26.06.2024.

Статья поступила после рецензирования 29.06.2024 / Revised 29.06.2024.

Статья принята к публикации 30.06.2024 / Accepted 30.06.2024.

УДК: 32.327

DOI: 10.31857/S2686673024080035

EDN: XFFTNC

Роль США в решении территориальных проблем Восточной Азии

Бэ Бумки

Институт истории при Университете Корё.

Республика Корея, Сеул, Сонбук-ку, Анам-ро, 145.

Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН).

Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

ORCID: 0000-0001-5199-4859 e-mail: bae.bumki@bk.ru

Резюме: В статье рассматривается возможность эскалации территориальных споров в Восточной Азии, связанных с вмешательством США. Роль США заключается в том, что они не способствуют решению этих проблем, а, наоборот, обостряют их, исходя из своих интересов. Это проявляется, в частности, в их вмешательстве в морские споры в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях и поддержке претензий Японии на часть территории России. Обычно США поддерживают позицию более значимого союзника, например, поддерживая Японию в территориальных спорах с Южной Кореей. США и КНР являются главными игроками в территориальных спорах в Северо-Восточной Азии, при этом США стремятся втянуть другие страны в свои военно-политические объединения, тогда как КНР избегает подключения к решению этих проблем других игроков. В этом проявляется деструктивная роль США в вопросе территориальных проблем в Восточной Азии.

Ключевые слова: Восточная Азия, государство-претендент (Япония), Сан-Францисский мирный договор, Сенкаку/Дяоюйдао, Токто/Такэсима, Южные Курильские острова.

Для цитирования: Бэ Бумки. Роль США в решении территориальных проблем Восточной Азии. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2024; 54(8): 25–38.

DOI: 10.31857/S2686673024080035

EDN: XFFTNC

The Role of the U.S. in Settlement of the Territorial Disputes of East Asia

Bae Bumki

Korea University, Institute for the Study of History (Seoul).

145 Anam-ro, Seongbook-gu, Seoul, The Republic of Korea.

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

32 Nahimovsky Ave., Moscow 117218, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-5199-4859

e-mail: bae.bumki@bk.ru

Abstract: The article considers the possibility of escalation of territorial disputes in East Asia due to US intervention. The role of the U.S. is to not contribute to the resolution of these

problems, but, on the contrary, to exacerbate them based on its interests. This is manifested, in particular, in their intervention in the maritime disputes in the East and South China Seas and their support for Japan's claims to part of Russia's territory. Usually, the US supports the position of a more significant ally, for example, supporting Japan in territorial disputes with South Korea. The U.S. and China are the main players in territorial disputes in Northeast Asia, with the U.S. seeking to draw other countries into its military-political alliances, while China avoids involving other players in solving these problems. This demonstrates the destructive role of the United States in the issue of territorial problems in East Asia.

Keywords: East Asia, Challenger-state (Japan), San-Francisco peace treaty, Senkaku/Diaoyu, Dokdo/Takeshima, South Kuril Islands.

For citation: Bae Bumki. The Role of the U.S. in Settlement of the Territorial Disputes of East Asia. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(8): 25–38.

DOI: 10.31857/S2686673024080035 EDN: XFFTNC

ВВЕДЕНИЕ

Восточная Азия (ВА) является регионом, где сталкиваются политические интересы сопредельных государств. В водах ВА обостряются межгосударственные отношения вследствие территориальных претензий, в которых государства-участники взаимодействуют в соответствии с принципами «конфронтационной стратегии» [Хрусталёв, 2008: 54–57].

При исследовании территориальных претензий нужно выяснить, какие государства преследуют агрессивные цели. В данном случае можно называть такое государство «государством-претендентом» [Wiegand, Powell, 2011: 221–213], которое стремится разрушить существующий статус-кво. Основным инициатором разжигания территориальных споров является Япония.

В Восточноазиатском регионе союз США с Японией опирается на подписанный в Сан-Франциско в 1951 году мирный договор [1], а также на подписанный в 1960 году американо-японский договор «О взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности» [2]. Сан-Францисский мирный договор оказал негативное влияние на сложившийся после Второй мировой войны миропорядок, хотя внешне он как бы подвёл черту под войной в Восточной Азии, так как своим решением вызвал межгосударственные военно-политические конфликты в ВА. Дело в том, что договор не определил конкретно, ни к кому эти территории в конечном счёте перейдут, ни их чёткие границы. То есть Сан-Францисский мирный договор создал возможность различных вариантов решения статуса островов Сенкаку/Дяюйдэо, Токто/Такэсима и Южных Курильских островов. Однако самое главное – в Сан-Францисском мирном договоре определено, что Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на территории за пределами четырёх основных японских островов и тех более мелких островов, которые страны-победители должны были администрировать.

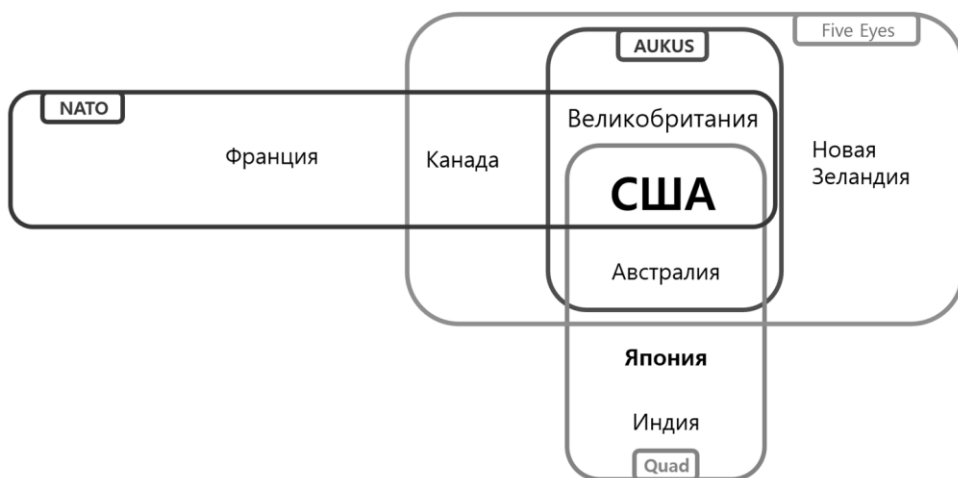
ИСТОКИ УЧАСТИЯ США В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРАХ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В документе Совета национальной безопасности ООН (NSC-68) подчёркивалось, что американское руководство должно было противодействовать Советскому Союзу. Целью США было сдерживание мирового коммунизма для обеспечения собственного выживания и развития на международной арене*. После окончания Второй мировой войны США и их союзники создали мировой порядок, который они стремились укрепить и расширить, особенно после окончания холодной войны [Ikenberry, 2010: 535].

В этом контексте США продвигали создание и расширение региональных и глобальных институтов, таких как НАТО, АУКУС (AUKUS), «Пять глаз» (*Five Eyes*) и Четырёхсторонний диалог по безопасности (*Quad*), которые поддерживают внешнеполитический курс США. Примером этого является расширение НАТО, включающее бывшие восточноевропейские страны [Leffler, Westad, 2010: 547–551]. В Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) США установили новые военно-политические институты для сдерживания Китая.

Важную роль в этих стратегических планах играет вовлечение Великобритании и Франции, которые участвуют в военно-стратегических инициативах в рамках *Quad* [3], стремящегося стать организацией, аналогичной НАТО [4]. Япония также является ключевым партнёром США на региональном уровне в рамках *Quad* (см. рис. 1).

Рисунок 1. Инструменты реализации внешнеполитического курса США

* NSC-68 – документ Совета национальной безопасности США, связанный с внешнеполитическим курсом США, составленный при Г. Трумэне в апреле 1950 года.

В американоцентричных военно-политических институтах не участвуют Китай и Россия, а также союзник США – Республика Корея. Можно предположить, что США выступают на стороне Японии в конфронтационных вопросах с государствами, не входящими в вышеуказанные институты.

ПОПЫТКИ ЯПОНИИ УСИЛИТЬ НАПРЯЖЁННОСТЬ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Хотя принципиальная позиция Токио заключается в том, что территориальные проблемы Восточной Азии должны быть решены мирным путём, стремление Японии к обострению территориальных споров с Сеулом, Москвой и Пекином указывает на иные намерения. Возможно, Япония предпочитает использовать конфронтационные стратегии, втягивая в эти конфликты США, причём она поступает так начиная с периода холодной войны и вплоть до настоящего времени. Японо-американский союз в сфере безопасности постепенно трансформировался в альянс по сдерживанию Китая [Roland, 2021]; [5]. Между тем их позиции, касающиеся территориальных споров в Восточной Азии, выглядят следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1. Японо-американское сотрудничество на глобальном уровне

Япония, которая стремится построить свою версию системы на глобальном уровне.	Япония постоянно пыталась поднимать вопрос о Сенкаку/Дяоюйдао и Курильских островах, сохраняя при этом тесные отношения с США. Это позволило Японии преследовать свои собственные политические интересы на глобальном уровне, поддерживая внешнюю политику США [Добужинский, 2022].
США, которые пытаются укрепить свой стратегический статус в Азии.	США пытались усилить напряжённость [Хрусталёв, 2020: 54, 57, 94–99, 274, 311–314], используя российско-японские и китайско-японские территориальные споры, чтобы ещё больше усилить зависимость Токио от Вашингтона [Стрельцов, 2013: 58]. Намерение США наладить отношения с Японией направлено на предотвращение продвижения России и Китая в Тихий океан [6], а также на повышение своего статуса и укрепление военно-политических интересов в ИТР, путём втягивания европейских игроков в орбиту своего внешне-политического курса [7].

Учитывая особенности японо-американских отношений, можно оценить нынешнюю ситуацию следующим образом: «Главная причина эскалации межгосударственных конфликтов в Восточной Азии заключается во вмешательстве США в качестве третьей стороны». Таким образом, США заменили «государства-претенденты» в качестве субъекта, осуществляющего провокационные действия и подрывающего статус-кво. В результате главными игроками стали США и Китай [Бае, 2022].

Кроме того, в условиях китайско-японского соперничества на региональном уровне Япония стремится стать регулятором и возглавить усилия по активизации *Quad*. Попытки Японии укрепить межгосударственные отношения с Австралией и Индией в военно-стратегических планах в рамках *Quad* исходят из беспокойства по поводу растущего влияния Китая и территориальных споров с ним [Bae, 2022].

РОЛЬ США В ОТНОШЕНИЯХ С ЯПОНИЕЙ: АРБИТР ИЛИ ПРОВОКАТОР?

Как правило, в процессах территориальных споров третья сторона предлагает противоборствующим сторонам не содержащие юридических обязательств (*non-binding methods*) и мирные способы разрешения спорных проблем [Wiegand, Powell, 2011: 130–131]. Однако в регионе Восточной Азии США часто создавали неблагоприятные конфронтационные ситуации, чтобы понизить статус Китая и России (СССР) [Smith, 2022]. В этом контексте Россия считает, что США не могут играть роль добросовестного посредника в процессах урегулирования территориальных споров в Восточной Азии [Bush, Mohri, 2010: 16], поскольку Япония поддерживает американские гегемонистские действия для достижения своих собственных политических целей. Японо-американский альянс существует для установления совместного господства [Rhee, 2013: 403–404].

Квази-арбитраж США в территориальных проблемах вокруг Токто/Такэсима

Соединённым Штатам пришлось поддерживать японскую позицию на основе антисоветского и антикитайского альянса после окончания Второй мировой войны [Schaller, 2010: 156–157].

В пример можно привести американский официальный дипломатический документ, извлечённый из секретного архива и опубликованный Госдепартаментом США 21 апреля 2005 года. В этом документе открыто говорится, что тогдашнее американское правительство оказывало давление на южнокорейское правительство в решении проблем островов Токто/Такэсима [8]. Кроме того, при корректировке проектов мирного договора с Японией 1951 года Госдепартамент США должен был учесть военно-политические интересы страны, касающиеся островов Токто/Такэсима [Pedrozo, 2021]. Американское руководство подготовило девять проектов этого договора. В ходе этих процессов [Kim, 2007: 33–46] 19 ноября 1949 года советник по вопросам отношений с Японией (в посольстве США в Японии) Уильям Дж. Себалд, предложил Госдепартаменту США сделать проект договора по поводу принадлежности островов Токто/Такэсима. Его мнение по этому вопросу было следующим: «На этот остров давно претендует Япония, и это кажется справедливым. Трудно рассматривать его как остров, расположенный рядом с Кореей». Начиная с шестого проекта и заканчивая девятым, острова Токто были включены в число принадлежащих Японии [Kim, 2007: 33–46].

Американское руководство публично заявляет, что не поддерживает ни одну

из сторон, хотя на самом деле поддерживает Японию. До недавнего времени на официальном сайте ЦРУ острова Токто и Восточное море значились как “*Liancourt Rocks*” и «Японское море» (в данный момент принято двойное наименование «острова Токто/Такэсима» и «Японское/Восточное море») [9].

Хотя Республика Корея и Япония являются союзниками США, не вызывает сомнений тот факт, что для США очевидно преимущество союза с Японией, а не с Южной Кореей. В связи с этим российская исследовательница Л.С. Рубан, ссылаясь на статью Чарльза Карзмана, упомянула, что японо-американские отношения являются основой политики безопасности в Восточной Азии и Тихом океане, а тесные отношения США и Республики Корея являются ключевыми для американской политики на Корейском полуострове [Рубан, 2006: 61].

Исходя из этих фактов можно сделать следующий вывод: американское руководство не только не поддерживает южнокорейские позиции по поводу территориальных споров в данном регионе, но и скорее выступает на стороне Японии. Это связано с наличием собственных военно-стратегических интересов США в регионе [Pedrozo, 2021].

Сдерживание Китая и России Соединёнными Штатами: эффект домино между Дяоюйдао и Курильскими островами

Действия США по сдерживанию России и Китая соответствуют японским военно-политическим интересам [10]. Россия и Китай опасаются возможности создания на основе научно-технической и производственной кооперации между США и Японией качественно новых систем противоракетной и противолодочной обороны, способных существенно ослабить их ядерный потенциал. Этим, в частности, обусловлено военно-политическое сотрудничество России и Китая. В этом контексте территориальные споры по поводу островов Дяоюйдао и Южных Курильских островов могут приводить к конфликтам в соответствии с внешнеполитическими курсами сопредельных государств [Куликов, 2006: 69].

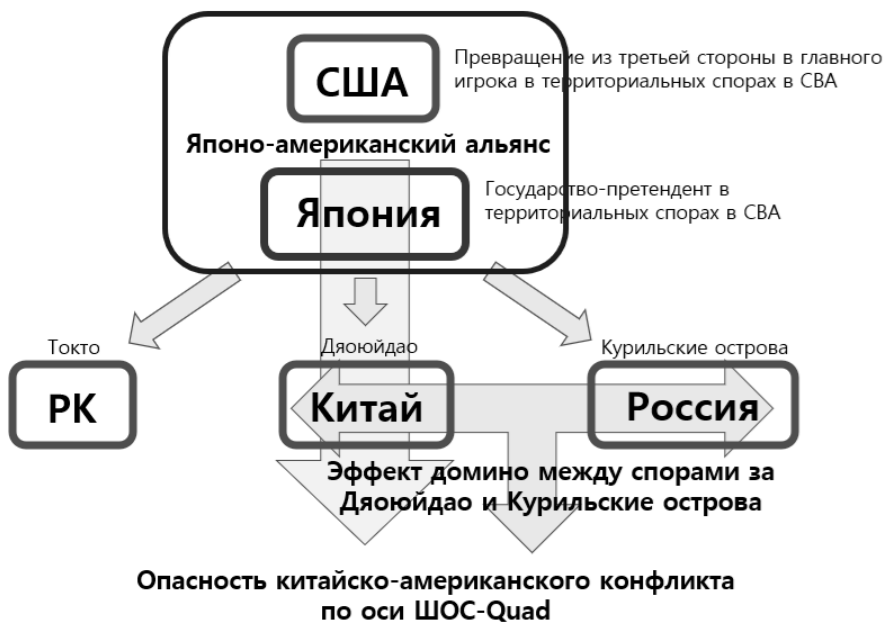
КИТАЙСКИЙ ФАКТОР

Пекин резко протестовал против США и Японии, когда в феврале 2005 года они заявили, что «мирное разрешение вопросов, касающихся Тайваньского пролива, путём диалога» является общей стратегической целью их союза [11]. Китай продолжает пристально наблюдать за вооружёнными силами США, базирующимися на территории Японии, в частности за системами ПРО, направленными против Китая [Бергстен, Гилл, Ларди, Митчелл, 2007: 193]. Японо-американский проект ПРО [12] привёл к обострению отношений с Китаем, поскольку направлен не только на отражение ядерных ударов противника, но и на нанесение превентивных ударов по его территории, что может существенно ослабить ядерный потенциал Китая [Арешидзе, 2007: 102].

С учётом Договора о сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией китайско-японские территориальные споры вокруг Восточно-Китайского моря (ВКМ) и Южно-Китайского моря (ЮКМ) остаются довольно опасными, особенно в связи с возрастающей вероятностью вооружённого столкновения, поскольку в эти двусторонние конфронтационные аспекты неизбежно будут вовлечены и Соединённые Штаты [Бергстен, Гилл, Ларди, Митчелл, 2007: 193–194].

В такой ситуации, когда США и КНР играют главенствующие роли в территориальных спорах в Восточной Азии [Бае, 2022: 13], эти споры не могут анализироваться только в двустороннем ключе. Каждый участник территориальных споров стремится втянуть других игроков в свои военно-политические институты. Ссылаясь на китайского политолога Шень Цзижу*, американский исследователь С. Хоффман отметил: «В связи с территориальными спорами между Японией и Россией, Китай хотел, чтобы Россия поддерживала его позицию по Восточно-Китайскому морю и Южно-Китайскому морю для достижения своих собственных интересов» [Галенович, 2006: 544–545].

Рисунок 2. Возможность распространения территориальных споров вокруг Дяоюйдао и Курильских островов

* Шень Цзижу – сотрудник Института мировой экономики и политики Академии общественных наук Китая.

Шень Цзижу считает, что российские и китайские политические интересы переплетаются в одну цепь следующим образом. При этом он ссылается на мнение Ю.М. Галеновича, высказанное в 2006 году: «Острова Дяоюйдао, которые американцы отдали японцам, должны быть возвращены Китаю, и китайцы хотят привлечь Россию к этому конфликту» [Галенович, 2006: 544–545]. В отношении Курильских островов Ю.М. Галенович добавляет: «Если Россия продаст их Японии, это будет плохо, потому что это будет означать, что можно продавать территорию, а тогда Япония за деньги потребует у Китая острова Дяоюйдао» [Галенович, 2006: 544–545]. С его точки зрения, вопросы об островах Дяоюйдао и Курильских островах взаимосвязаны, поскольку для России важно сохранить свою территорию. В противном случае российские подводные лодки не смогут выходить в Тихий океан и во Владивосток, что в конечном счёте приведёт к изоляции*. Таким образом, гипотетически может наблюдаться «эффект домино» в конфронтационных и кооперативных аспектах межгосударственных отношений.

РОССИЙСКИЙ ФАКТОР

В 1955 году Советский Союз начал двусторонние переговоры с Японией о решении территориальных проблем и восстановлении дипломатических отношений. В советско-японских территориальных спорах США, не заинтересованные в нормализации советско-японских дипломатических отношений, играли ключевую роль в качестве третьей стороны. США стремились создать источник конфликтов за счёт советско-японских территориальных споров на основе японо-американского альянса, обеспечивая тем самым высокий уровень зависимости Токио от Вашингтона [Стрельцов, 2013: 58].

Договор «О взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности» между США и Японией, подписанный 19 января 1960 года, сделал невозможным выполнение обещания советского руководства о передаче Японии островов Хабомаи и Шикотан, поскольку на японской территории должны были быть размещены американские вооружённые силы. Перед советской стороной встала дилемма безопасности, и СССР был вынужден принять ряд мер для сохранения статус-кво в биполярной системе [Стрельцов, 2013: 58].

В настоящее время российская сторона настаивает на том, что Декларация 1956 года, ратифицированная Верховным Советом СССР, является последней российско-японской договорённостью для преодоления дипломатического барьера перед заключением мирного договора [13]. В связи с этим президент РФ В.В. Путин отметил, что обязательства по Декларации 1956 года будут выполнены

* Однако российский исследователь Ким Ен Ун, научный сотрудник Института Китая и современной Азии, упомянул, что российские подводные лодки могут выходить в Тихий океан вопреки упоминанию Шень Цзижу, так как основная база АПЛ Тихоокеанского флота ВМФ России находится на Камчатке.

«только в тех объёмах, в которых японская сторона готова выполнять те же самые договорённости» [Стрельцов, 2013: 65]. Однако до сих пор японская сторона не приняла никаких соответствующих мер.

В условиях, когда Китай и США стали главными игроками в территориальных спорах вокруг Дяоюйдао, поддержка Россией китайской позиции усложнила бы отношения с Японией. В связи с этим России придётся дистанцироваться от этой конфликтной ситуации для укрепления своих собственных политико-экономических интересов в регионе Дальнего Востока и Сибири.

В свою очередь США не могут вступать с Россией в открытый конфликт в связи с наличием ядерного паритета между двумя государствами [Хрусталёв, 2020: 54–57]. В конечном счёте, если проблемы Курильских островов выдвигаются в российско-американских отношениях на передний план, они остаются на региональном уровне, не переходя на уровень глобальный. Таким образом, российско-американские отношения в территориальных вопросах в Восточной Азии, скорее всего, будут сводиться к переговорной стратегии [Хрусталёв, 2020: 74] и США не будут поднимать данные проблемы перед Россией для достижения своих военно-политических целей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Территориальные споры вокруг Токто/Такэсима, которые не оказывают сильного влияния на внешнеполитический курс ведущих государств на глобальном уровне, находятся в состоянии строгого антагонизма [Хрусталёв, 2020: 54–57] и почти не демонстрируют процессов урегулирования, характерных для южнокорейско-японских отношений, а напротив, обостряются. Вероятность мирного решения территориальных споров между Россией и Японией была сорвана из-за вмешательства США [Стрельцов, 2013: 58], к тому же российская сторона не считает, что США являются добросовестным посредником [Bush, Mohri, 2010: 16].

В сфере безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе США и Китай, имеющие значительные национальные стратегические интересы в Тайваньском проливе, ищут пути урегулирования конфликтной ситуации, сложившейся в Восточной Азии [14]. Они стремятся избежать открытой конфронтации, поскольку конфликт между ними может привести к вооружённым столкновениям [Бергстен, Гилл, Ларди, Митчелл, 2007: 206].

В случае чрезвычайной ситуации США смогут активно участвовать в китайско-японских территориальных спорах в качестве главного игрока. Одновременно Китай хотел, чтобы Россия поддерживала его позицию по вопросам Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей в территориальных спорах между Японией и Китаем [Галенович, 2006: 544–545].

На этом фоне может наблюдаться «эффект домино» между проблемами Дяоюйдао и Курильских островов. В итоге в результате японских провокационных

действий территориальные споры на двустороннем уровне могут перерасти в китайско-американский конфликт на глобальном уровне из-за вмешательства США в рамках союзных отношений с Японией.

В соответствии с Совместным заявлением РФ и КНР к двадцатилетию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР (28 июня 2021 года) обе стороны обещали уважать военно-политические интересы друг друга в соответствии с принципом дружбы и координацией не против кого-то, а для обеспечения мира и безопасности. То есть, вопреки мнению китайского аналитика Шень Цзижу, Китай не старается втягивать Россию в проблемы Восточно-Китайского моря или в торговые споры с США, как и Россия не стремится втягивать Китай в проблемы, связанные с конфликтом на Украине [15].

Между тем, согласно российскому историку Ю.В. Ванину, Северная разделительная линия (СРЛ), представляющая собой межкорейскую морскую границу, была установлена США самовольно, без всяких договорённостей и даже консультаций с КНДР. В Соглашении о перемирии 27 июля 1953 года определена межкорейская сухопутная граница, но нет никаких упоминаний о СРЛ. В настоящее время из-за непризнания Северной Кореей существования данной линии межкорейские вооружённые столкновения вокруг неё продолжаются [Ванин, 2006: 232]. С северокорейской точки зрения, СРЛ является незаконной. Позиция КНДР по СРЛ такова: СРЛ нужно пересмотреть. В соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года территориальные воды Северной Кореи от устья реки Ханган составляют 12 морских миль. Непосредственно в устье границу между КНДР и РК нужно провести посередине, постепенно сдвигаясь на юг, пока не будет достигнута 12-мильная зона территориальных вод, чтобы у РК тоже было не менее 12-мильной зоны территориальных вод.

Роль США всегда заключается в обострении территориальных конфликтов не только применительно к морским спорам 2000-х годов, но и в том, что касается сухопутных территориальных претензий между СССР и Китаем. В этом контексте важно упомянуть внешнеполитический курс, связанный с советско-китайскими территориальными проблемами при М.С. Горбачёве. По поводу межгосударственных проблем и их решения он отметил в своей книге: «Советское руководство стремится вести дела по-новому. Прежде всего я должен назвать здесь диалог» [16]. То есть, для решения тех споров был необходимым диалог между противоборствующими державами без американского фактора. Учитывая агрессивное вмешательство США в качестве третьей стороны в территориальных спорах в США, их мирное разрешение в Восточной Азии невозможно при сохранении американского влияния.

ИСТОЧНИКИ

1. Treaty of Peace with Japan. Available at: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20136/volume-136-i-1832-english.pdf> (accessed 19.06.2023).
2. Japan-U.S. Security Treaty. Available at: <https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/q&a/ref/1.html> (accessed 19.06.2023).
3. Keqin Sun and Wang. Britain, France eye Indo-Pacific, but Quad is not a consideration. *Global Times* (14.05.2021). Available at: <https://www.global-times.cn/page/202105/1223479.shtml> (accessed 11.07.2024).
4. Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan on the Biden-Harris Administration's National Security Strategy. *The White House* (13.10.2022). Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/10/13/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-on-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy/> (accessed 11.07.2024).
5. Marlow, I. (2021). Why the Aukus, Quad and Five Eyes Pacts Anger China. *Bloomberg*. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-09-23/why-the-aukus-quad-and-five-eyes-pacts-anger-china-quicktake> (accessed 12.04.2023).
6. The White House. (2022). 'Remarks by President Biden and Prime Minister Kishida Fumio of Japan. *Joint Press Conference*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/05/23/remarks-by-president-biden-and-prime-minister-fumio-kishida-of-japan-in-joint-press-conference/> (accessed 11.07.2024).
7. Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan on the Biden-Harris Administration's National Security Strategy. *The White House*. (13.10.2022). Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/10/13/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-on-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy/> (accessed 11.07.2024).
8. 美 "독도 한일 공동소유하라", 박정희 "있을 수 없는 일". Available at: <https://www.pressian.com/pages/articles/30099> (accessed 11.07.2024).
9. CIA, The world factbook – Japan. Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ja.html> (accessed 11.04.2023).
10. Ryan, A. 2022. 'The Northern Territories: Russia's Front Line in the East?' Available at: <https://www.tokyoreview.net/2022/04/the-northern-territories-russias-front-line-in-the-east/> (accessed 28.04.2023).
11. Beijing opposes US-Japan statement on Taiwan (02/21/05). Available at: http://us.china-embassy.gov.cn/eng/zt/twwt/200502/t20050221_4912951.htm (accessed 11.07.2024).
12. Medium Term Defense Program (FY 2014 – FY 2018). Available at: https://warp.da.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/11591426/www.mod.go.jp/j/ap-proach/agenda/guideline/2014/pdf/Defense_Program.pdf (accessed 12.04.2023).
13. В. Путин: РФ готова признать договоренности 1956 г. с Японией. Available at: <http://top.rbc.ru/politics/15/11/2004/53050.shtml> (accessed 19.06.2023).

14. Цыплаков С. Китай и США: партнёрство и соперничество противоположностей. *Независимая*. 26.11.2023. Available at: https://www.ng.ru/dipkurer/2023-11-26/9_8886_china.html (accessed 28.11.2023).

15. Fact Sheet. The United States’ Enduring Commitment to the Indo-Pacific: Making Two Years Since the Release of the Administration’s Indo-Pacific Strategy (February 9, 2024). *U.S. Department of State*. P. 3. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/02/Indo-Pacific-Strategy-Second-Anniversary-Fact-Sheet.pdf> (accessed: 11.07.2024).

16. Горбачёв М.С. (1988). Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. С. 68. Available at: <https://www.rulit.me/books/perestrojka-i-novoe-myshlenie-read-355488-68.html> (accessed 15.02.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арешидзе Л.Г. 2007. Международные отношения в Восточной Азии. М.: Международные отношения. 296 с.

Бергстен Ф., Гилл Б., Ларди Н., Митчелл Д. 2007. Китай, что следует знать о новой сверхдержаве. М.: Институт комплексных стратегических исследований. 256 с.

Ванин Ю.В. 2006. Корейская война и ООН. Российская академия наук, Институт востоковедения. 288 с.

Галенович Ю.М. 2006. Россия-Китай-Америка. От соперничества к гармонии интересов? М.: Изд-во «Русская панорама». 575 с.

Добужинский М. 2022. «Новая холодная война». *Россия в глобальной политике*. №1, 2022. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/novaya-holodnaya-voyna/> (accessed 11.07.2024).

Куликов В.Н. 2006. Россия в Азии: проблемы взаимодействия и российско-японские отношения. М.: Российский институт стратегических исследований. 436 с.

Рубан Л.С. 2006. Геостратегические интересы Российской Федерации на Дальнем Востоке. М.: Наука. 403 с.

Стрельцов Д.В. 2013. «Территориальный вопрос в двусторонних отношениях 1960–1990 годов». Территориальный вопрос в афро-азиатском мире. М.: Аспект Пресс. 319 с.

Хрусталёв М.А. 2008. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: МГИМО – НОФМО. 208 с.

REFERENCES

Areshidze, L.G. 2007. Mezhdunarodnye otnosheniia v Vostochnoi Azii [International relations in East Asia] (In Russ.). Moscow, International Relations. 296 p.

Bae Bumki. 2022. Japan’s trial to strengthen tension evoked by the territorial disputes. *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2022 г. № 3.

Bergsten, F., Gill, B., Lardy, N., Mitchell, D. 2007. Kitai, chto sleduet znat' o novoi sverkhderzhave [China, what you should know about the new superpower] (In Russ., translated from English). Moscow, Institute for Integrated Strategic Research. 256 p.

Bush, R., Mohri, T. 2010. Japan-Russia territorial disputes and northeast Asian stability. Brookings Institute. Washington. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2012/04/20101116_japan_russia.pdf (accessed 13.02.2023).

Galenovich, Y.M. 2006. Rossiia-Kitai-Amerika. [Russia-China-America. From rivalry to harmony of interests?] (In Russ.), Moscow, Russkaya Panorama. 575 p.

Ikenberry, G. The restructuring of the international system after the Cold War. In: Leffler MP, Westad OA, eds. *The Cambridge History of the Cold War*. Cambridge University Press. 2010.

Khrustalev, M.A. Analysis of International Situations and Political Expertise [Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaya ekspertiza] (In Russ.). Moscow, MGIMO-NOFMO. 2020. 208 p.

Kim Do Hyi. 2022. Miil anbohepreky chzhuyo neen mith thykchzhi [The main content and features of security cooperation between the United States and Japan], Seoul, Analytical Agency on Law Issues of the Parliament of the Republic of Korea, No. 10, 244 p.

Kim, M. 2007. The territorial sovereignty over Dokdo and The peace treaty with Japan, Wooriyoungto. 343 p.

Kulikov, V.N. 2006. Rossiia v Azii: Problemy vzaimodeistviia, Rossiisko-iaponskie otnosheniia [Russia in Asia: Problems of Mutual Interaction, Russia-Japan Relations] (In Russ.). Moscow, Russian Institute for Strategic Studies. 436 p.

Rhee Sang-Woo. 2013. Russia and a new balance of power in East Asia: implications for stability on the Korean Peninsula. SIPRI. Stockholm. Available at: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/books/SIPRI99Chu/SIPRI99Chu25.pdf> (accessed 04.06.2024).

Ruban, L.S. 2006. Geostrategicheskie interesy Rossiiskoi Federatsii na Dal'nem Vostoke [Geostrategic interests of the Russian Federation in the Far East] (In Russ.). Moscow, Nauka. 403 p.

Schaller, M. Japan and the Cold War, 1960–1991. In: Leffler MP, Westad OA, eds. *The Cambridge History of the Cold War*. The Cambridge History of the Cold War. Cambridge University Press. 2010.

Strel'tsov, D.V. 2013. Territorial'nyi vopros v dvustoronnikh otnosheniakh 1960–1990 godov [The Territorial Question in Bilateral Relations 1960–1990] (In Russ.). *Territorial'nyi Vopros V Afro - Aziatskom mire* [Territorial Question in the Afro-Asian World. Moscow, Aspekt-Press. 319 p.

Vanin, Iu.V. 2006. Koreiskaia voina i OON [The Korean War and the UN] (In Russ.). Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. 288 p.

Wiegand, K., Powell, E. 2011. Bilateral Cooperation Between States, Involved in Territorial Disputes: Conflict Management and Peace Science P. 209–229. Available at: <http://cmp.sagepub.com/content/28/3/209> (accessed 14.03.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БЭ БУМКИ, научный сотрудник Института истории Университета Корё (Сеул).

Республика Корея, Сеул, Сонбук-ку, Анам-ро, 145.

Соискатель Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН).

Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский пр-т, д.32.

BAE BUMKI, Researcher, Korea University, Institute for the Study of History (Seoul).

145 Anam-ro, Seongbook-gu, Seoul, The Republic of Korea.

Postgraduate student of the Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences.

32, Nakhimovsky Ave., Moscow 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 27.04.2024 / Received 27.04.2024.

Статья поступила после рецензирования 10.05.2024 / Revised 10.05.2024.

Статья принята к публикации 11.05.2024 / Accepted 11.05.2024.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673024080043

EDN: XFDPJQ

Об отношениях КНДР – США

А.З. Жебин

Институт Китая и современной Азии (ИКА РАН).

Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

AuthorID: 250455 ORCID: 0000-0002-3060-2390 e-mail: zhebin@iccaras.ru

Резюме. В статье анализируется состояние и перспективы отношений КНДР и США в контексте сделанных весной 2024 года заявлений сотрудников администрации Дж. Байдена о готовности США начать диалог с КНДР «по широкому кругу вопросов», «без каких-либо условий» и рассмотреть некие «промежуточные шаги» на пути к полной денуклеаризации КНДР. Однако практические меры США свидетельствуют, что эти «заходы» носят пропагандистский характер. Достижение до президентских выборов в США договорённостей с КНДР по ядерной проблеме и другим вопросам двусторонних отношений маловероятно.

Ключевые слова: КНДР, США, отношения, диалог, санкции.

Для цитирования: Жебин А.З. Об отношениях КНДР – США. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(8): 39–49. DOI: 10.31857/S2686673024080043 EDN: XFDPJQ

On the DPRK-US Relations

Alexander Z. Zhebin

Institute of China and Contemporary Asia

Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

32, Nakhimovsky Av., Moscow 117997, Russian Federation.

AuthorID: 250455 ORCID: 0000-0002-3060-2390 e-mail: zhebin@iccaras.ru

Abstract. The article analyzes the state and prospects of relations between the DPRK and the United States in the context of statements made in the spring of 2024 by the staff of the administration of J. Biden. They said the United States is ready to start a dialogue with the DPRK "on a wide range of issues", "without any conditions" and consider some "intermediate steps" towards the complete denuclearization of the DPRK. However, the US practical measures indicate that these "advances" are of a propaganda nature. It is unlikely that agreements with the DPRK on the nuclear issue and other issues of bilateral relations will be reached before the US presidential elections.

Keywords: DPRK, USA, relations, dialogue, sanctions.

For citation: Zhebin, A.Z. On the DPRK-US Relations. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(8): 39–49. DOI: 10.31857/S2686673024080043 EDN: XFDPJQ

ВВЕДЕНИЕ

Абсолютное отсутствие диалога и даже спорадических контактов по основным вопросам двусторонних отношений и международной повестки дня между США и КНДР на протяжении всех лет нахождения у власти администрации Дж. Байдена стало, пожалуй, самым верным индикатором неприятия Северной Кореей политики США в отношении этой страны и, как следствие, продолжающейся деградации американо-северокорейских отношений при Дж. Байдене.

Сложившаяся ситуация вызвана, на наш взгляд, прежде всего, радикальными переменами во внешнеполитической и оборонной стратегии как США, так и КНДР.

С приходом в Белый дом Дж. Байдена американцы сделали ставку на укрепление отношений со своими союзниками как в Европе, так и в Азии. Последние, как выяснилось несколько позже, были нужны США прежде всего для реализации курса на сдерживание и окружение Китая. Этот курс предусматривал как большую координацию военно-политического сотрудничества с младшими партнёрами в Восточной Азии, так и более чёткую визуализацию американского военного присутствия в регионе. Такая линия встретила полную поддержку проамериканских политиков, пришедших к власти в 2021 году в Японии (Ф. Кисида) и в 2022 году в Южной Корее (Юн Сок Ель), у которых были собственные счёты с КНДР.

С другой стороны, надежды Пхеньяна на продолжение начатого при Д. Трампе диалога с США на основе Сингапурского заявления 2018 года не оправдались. Администрацию Дж. Байдена не устраивало то, что в этом документе денуклеаризация КНДР, на которой настаивали США, не была прописана в качестве первоочередной задачи. Она была упомянута лишь в его третьем пункте и поэтому, по мнению Пхеньяна, была обусловлена выполнением двух предшествующих положений этого документа, в которых прежде всего была заинтересована КНДР: во-первых, США и КНДР обещали друг другу «построить новые отношения между ними в соответствии со стремлением народов двух стран к миру и процветанию», а во-вторых, «объединят свои усилия по созданию прочного и стабильного мирного режима на Корейском полуострове» [1].

Вопреки неоднократным заверениям о готовности к диалогу без каких-либо условий, администрация Д. Байдена, сформированная в основном из сотрудников команды Б. Обамы, вернулась к проводившейся последним политике «стратегического терпения», дополненной элементами Трамповского «максимального давления» на КНДР. Вместе с тем весной 2024 года США вновь попытались заставить КНДР возобновить диалог, не отказываясь при этом от наращивания силового и санкционного давления, что встретило категорический отказ Пхеньяна. Автор, рассматривает меры США, призванные вынудить КНДР вести диалог на американских условиях и реакцию КНДР на давление США.

СТАВКА НА САНКЦИИ

Главным инструментом указанной политики США остаются введённые СБ ООН ещё в 2016–2017 годах (с одобрения РФ и КНР) беспрецедентно жёсткие санкции, блокирующие практически всю внешнюю торговлю, международные расчёты и внешнеэкономическое сотрудничество КНДР. При Байдене указанные ограничения пополняются всё новыми односторонними санкциями США и их союзников, в том числе так называемыми «вторичными санкциями» против компаний и физических лиц третьих стран (включая Россию), уличённых или просто подозреваемых американцами в нарушении как санкций ООН, так и односторонних мер США в отношении КНДР.

Отчаянные усилия США и их союзников добиться в апреле 2024 года продления Советом Безопасности ООН работы группы экспертов Комитета 1718, созданной для мониторинга санкций в отношении КНДР – ещё одно доказательство того, что США, если и пойдут на какой-то диалог с КНДР, намерены по-прежнему вести его с позиции силы [2].

В России не могли спокойно смотреть, когда такие чрезвычайные меры превращаются в неизбирательное орудие наказания тех или иных государств. В контексте ситуации вокруг Корейского полуострова именно это и произошло. Отчётливо видно, что бесконечные санкции совершенно бесполезны для достижения обозначенных целей, но приводят к финансово-экономической блокаде целого государства со всеми вытекающими последствиями для населения [3].

Кроме того, работа группы экспертов стала всё активнее использоваться США и их союзниками для оказания давления не только на КНДР, но и на Россию по вопросу о якобы имеющих место поставках северокорейских боеприпасов России в обмен на предоставление российских военных технологий для КНДР [4].

КНДР жёстко отреагировала на попытки США продлить работу группы экспертов, но уже не под эгидой СБ ООН, а также угрозы Вашингтона о введении им новых односторонних санкций в отношении Пхеньяна. В опубликованном 25 апреля 2024 года заявлении заместителя министра иностранных дел КНДР по делам США Ким Ын Чхора говорится: «Могу однозначно сказать, что в случае введения США новых санкций против КНДР мы не упустим нового шанса на подкрепление силы, которой США пуще всего боятся» [5].

На данный момент трудно предположить, какой ответ готовят в Пхеньяне: будет ли это запуск МБР с новым твердотопливным двигателем, о создании которого не так давно сообщали в КНДР, или там решатся пойти даже на опробование ядерной боеголовки.

Ясно одно – любая силовая реакция КНДР на новые ограничительные меры США сделает для американцев возобновление диалога с КНДР политически неприемлемым.

Ещё одним важным направлением давления на КНДР продолжает оставаться реализуемый США комплекс мер, нацеленный на международную изоляцию КНДР, её стигматизацию и демонизацию в глазах международного сообщества.

США уже седьмой год подряд продолжает оставлять КНДР в списке стран – спонсоров терроризма, куда она была внесена ещё при Д. Трампе в 2017 году [6].

С 2023 года одним из главных направлений политики США в отношении КНДР стало усиление на эту страну давления по вопросу соблюдения прав человека. После длительного перерыва в январе 2023 года был заполнен остававшийся со времён Д. Трампа вакантным пост посла США по правам человека в КНДР, который заняла Джули Тернер.

Воспользовавшись своим очередным председательством в СБ ООН, США, несмотря на возражения России и КНР, в августе 2023 года внесли вопрос о правах человека в КНДР на рассмотрение этого органа. Предыдущий раз совет обсуждал этот вопрос в 2017 году.

В ходе состоявшегося 17 августа 2023 года заседания СБ ООН для обоснования своей позиции Вашингтон избрал новую тактику: пытаюсь доказать, что именно нарушения прав человека, в частности «принудительный труд» и получаемые от него доходы, помогают Пхеньяну совершенствовать его ракетно-ядерный арсенал [7].

К сожалению, несмотря на возражения России и Китая, практика навязывания СБ ООН рассмотрения вопросов, не относящихся к его компетенции, продолжилась и в 2024 году. По инициативе США и ряда их союзников 12 июня 2024 года СБ ООН вновь занялся проблемой прав человека в КНДР.

Выступая на заседании СБ, постпред РФ при ООН Василий Небензя указал на то, что этот вопрос не входит в мандат СБ ООН. «Продвигаемая инициаторами сегодняшнего брифинга увязка прав человека и угроз международному миру и безопасности особенно в контексте Корейского полуострова более чем искусственная. Попытки внедрить в работу СБ не входящие в его мандат задачи распыляют его внимание, тратят ресурсы Совета и приводят к политизации дискуссии и таким образом подрывают авторитет Совета в целом», – указал российский дипломат [8].

Повышенную нервность США и их двух главных дальневосточных союзников – РК и Японии – вызывает практически любой ракетный запуск в КНДР. Особенно бурную реакцию в Вашингтоне сгенерировал вывод на орбиту первого разведывательного спутника КНДР в ноябре 2023 года, как, впрочем, и оказавшиеся неудачными предыдущие две попытки (в мае и августе 2023 года) решить эту задачу. При этом острие критики США за отказ поддержать в СБ ООН резолюции, осуждающие действия КНДР, в обоих случаях было направлено на Россию и Китай [9].

При Дж. Байдене нажим на КНДР нарастает буквально со всех сторон. Только с начала 2023 года в отношении КНДР по линии законодательной и исполнительной власти США были приняты:

- резолюция Палаты представителей Конгресса с требованием вернуть захваченный в январе 1968 года разведывательный корабль ВМС США «Пуэбло» [10];

- так называемый закон Отто Вармбиера (по имени студента, умершего в США в 2017 году вскоре после возвращения из КНДР, где он отбывал тюремное заключение);

– продлён ещё на год запрет для граждан США посещать КНДР (действует уже 8 лет), что вызвало критику различных американских благотворительных организаций, желающих оказывать гуманитарную помощь КНДР [11].

ПОКАЗНОЕ МИРОЛЮБИЕ

Однако с весны 2024 года риторика США заметно изменилась. В марте-апреле 2024 года сразу несколько представителей администрации Дж. Байдена заговорили о возможности достичь денуклеаризации КНДР путём реализации неких «промежуточных шагов», которые в конечном итоге и позволят США достичь указанной цели. Так, старший директор Совета национальной безопасности США по Восточной Азии и Океании Мира Рап-Хупер (*Mira Rapp-Hooper*) утверждала, что США «открыты для диалога» с Северной Кореей по «широкому кругу вопросов без предварительных условий» в том случае, «если КНДР захочет поговорить о вещах, которые могут сделать Корейский полуостров и Индо-Тихоокеанский регион более безопасным местом» [12].

Заместитель помощника госсекретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана Чжун Пак (*Jung H. Pak*), курирующая отношения с КНДР, 19 марта сообщила, что Вашингтон настроен на диалог с Пхеньяном и уже обратился «частным образом и публично к третьим сторонам, чтобы попытаться наладить какую-то дипломатию с КНДР» [13]. Она «вдруг» осознала, что две страны могут вести дискуссии о «множестве важных вопросов». По словам Пак, США заинтересованы в диалоге о сокращении рисков военной эскалации, санкциях, мерах по укреплению взаимного доверия и об оказании гуманитарной помощи Северной Корее [13].

Примечательно, что оба американских представителя признают, что КНДР пока не реагирует на эти «новые» инициативы США.

Ряд публичных заявлений американских чиновников дают представление о том, за счёт чего Вашингтон намеревается вынудить Пхеньян согласиться на возобновление диалога.

Оказывается, часть работы по реализации курса Дж. Байдена в отношении КНДР уже проделана, ибо, по утверждениям той же Миры Рап-Хупер, все три года нахождения у власти нынешней администрации её политика была сфокусирована на КНДР «с точностью лазера» [14].

Среди «множества сделанных вещей», которые «действительно работают» американская чиновница, в первую очередь, назвала «расширенное сдерживание». Не постеснявшись при этом, что «часть политики США в отношении КНДР сосредоточена на сдерживании» этой страны, она тут же поспешила объяснить усиление военных приготовлений США в районе Корейского полуострова необходимостью «не допустить нападения КНДР на США или на кого-либо из американских союзников» [14].

В числе важнейших вех в реализации «расширенного сдерживания» она назвала подписанную лидерами США и Республики Корея (РК) во время визита президента РК Юн Сок Ёля в США в апреле 2023 года Вашингтонскую деклара-

цию и соглашение о создании ядерной консультативной группы (NCG). Последняя, если верить её словам, уже стала «жизненно важным каналом для обсуждения ядерного и стратегического планирования» между США и РК [14]. В этом контексте американские представители не устают напоминать, что «расширенное сдерживание», которым они осчастливили Южную Корею, предусматривает применение «всего арсенала американских возможностей, включая ядерное оружие».

Кроме того, указанная группа также занимается «угрозами, которые создаёт КНДР для режима ядерного нераспространения».

Поражает тот запредельный цинизм и самонадеянность, с которой и творцы, и исполнители американской внешней политики оправдывают и обосновывают свои действия. Оказывается, что упомянутая «ядерная консультативная группа», сама созданная в нарушение режима нераспространения, будет следить за соблюдением порядка в этой области другими государствами, прежде всего, конечно, теми, чья политика неужто США, в первую очередь – КНДР.

Следующим в числе других «достижений» корейской политики Дж. Байдена названо укрепление трёхстороннего партнёрства США – Япония – Южная Корея. Особенно важным для американцев представляется подписанное 18 августа 2023 года в Кэмп-Дэвиде этими странами отдельное обязательство консультироваться с США, которое фактически лишило Японию и Южную Корею последних остатков самостоятельности в их политике в отношении КНДР.

Конкретными примерами такого взаимодействия стали трёхсторонние встречи лидеров этих стран, их советников по национальной безопасности, а также первые трёхсторонние совместные учения ВВС США, Японии и Южной Кореи.

Можно только удивляться тому, что всё вышеперечисленное в Белом доме относят к достижениям политики США на северокорейском направлении, которые якобы могут стимулировать, а на самом деле – заставить КНДР возобновить диалог с США.

КНДР: УГРОЗЫ И ДИАЛОГ НЕСОВМЕСТИМЫ

В Пхеньяне видят, что вопреки словесным посулам, никаких практических мер для разрядки напряжённости как в отношениях с КНДР, так и в регионе в целом Вашингтон не предпринимает. Поэтому призывы к диалогу, к тому же озвучиваемые сотрудниками администрации Дж. Байдена невысокого уровня, всерьёз не воспринимаются.

Во-первых, в Пхеньяне подозревают, что внезапное желание США «поговорить» – это уловка, призванная отвлечь внимание от заметно интенсифицирующихся военных приготовлений США и их союзников в США.

Во-вторых, КНДР, по всей видимости, совершенно не заинтересована в предложенных Дж. Байденом переговорах, среди главных тем которых неизбежно окажутся денуклеаризация и права человека.

В-третьих, в Пхеньяне явно не спешат договариваться о чём-либо с нынешним президентом США, который ещё неизвестно, сможет ли дотянуть до выборов или всё же по состоянию здоровья не сможет в них участвовать.

Поэтому в КНДР прямым текстом заявили американцам, что изливающемуся из Вашингтона потоку риторики в Пхеньяне предпочли бы практические действия, заодно напомнив США о целом ряде военных учений, полётах стратегических бомбардировщиков, размещении новейших вооружений вблизи границ КНДР. Эти действия, указали северокорейцы, говорят о том, что утверждения США об «отсутствии «враждебных намерений» в отношении КНДР являются «обманом и лицемерием» [15].

Тем более что подозрения Пхеньяна на счёт того, что очередной всплеск миролюбия Вашингтона носит тактический характер и долго не продлится, очень быстро оправдались. Всего лишь пару месяцев спустя после начала «мирного наступления» Вашингтона помощник госсекретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана Даниель Критенбринк (*Daniel Kritenbrink*), сославшись на то, что КНДР не реагирует на «миролюбивые» заходы Вашингтона, пообещал вместе с коалицией партнёров удвоить усилия по санкционному давлению на эту страну [16].

С другой стороны, в Вашингтоне просто не могут безучастно наблюдать за развитием сотрудничества КНДР с Россией. Практически ни одна встреча госсекретаря США Э. Блинкена и других американских представителей с западными, японскими и южнокорейскими партнёрами в нынешнем году не обходится без выражений озабоченности укреплением связей между Москвой и Пхеньяном со столь же обязательными, сколь и бездоказательными сетованиями по поводу их военной составляющей [17].

Пхеньян больше всего тревожит наращивание военного присутствия США в районе Корейского полуострова, заходы американских атомных авианосцев и подводных лодок в южнокорейские порты, которые обычно приурочиваются к проведению разного рода совместных военных учений США и Южной Кореи. Последние воспринимаются в Пхеньяне как репетиция нападения на КНДР.

Именно заметно возросшая военная активность США и их союзников на Корейском полуострове и прилегающих к нему акваториях дала основания министру обороны КНДР Кан Сун Наму в своём обращении к участникам XI Московской конференции по международной безопасности, состоявшейся 15 августа 2023 года, заявить, что «ядерная война на Корейском полуострове стала теперь не вопросом того, будет ли она, а вопросом того, кто и когда её начнёт». Ответственность за превращение Корейского полуострова и СВА в «очаг ядерной войны» министр возложил на США и Южную Корею [18].

Как явствует из материалов состоявшегося 18 августа 2023 года в Кэмп-Дэвиде первого в истории «отдельного» саммита руководителей США, Японии и Южной Кореи, количество и масштабы таких совместных манёвров в предстоящие годы будут только нарастать [19].

В такой обстановке КНДР заметно активизировала собственные оборонительные усилия. К наиболее значимым событиям последних двух лет, помимо упомянутого выше запуска ИСЗ можно отнести пуски МБР на твёрдом топливе, различных ракет меньшей и средней дальности, в том числе гиперзвуковых, а также крылатых ракет морского базирования. Были также проведены пуски

баллистических ракет с подвижных железнодорожных платформ и испытания подводных дронов, могущих нести ядерный заряд.

Предпринимаемые КНДР меры по укреплению своей обороноспособности довольно умело используются США для вовлечения своих союзников в Восточной Азии – Республики Корея и Японии в реализацию глобальной стратегии сдерживания не только Китая, но и России.

«В какой-то степени американцы используют нынешнюю ситуацию на Корейском полуострове в качестве предлога для того, чтобы ещё больше укрепиться здесь в контексте своей политики двойного сдерживания России и Китая, – заявил замминистра МИД России Андрей Руденко. – Чем больше будет напряжённость, которую они во многом сами и провоцируют своими действиями, тем больше потребность их стран-союзников в присутствии американских вооружённых сил и в наличии военных гарантий» [20].

Он пояснил, что резкое обострение ситуации на полуострове вызвано в первую очередь наращиванием в регионе американского военного присутствия, интенсификацией военных манёвров, в том числе с участием военных союзников США. «Это всё очень опасно, поскольку возрастает угроза непреднамеренных действий, человеческой ошибки. К сожалению, это может привести к необратимым последствиям», – подытожил Руденко [20].

Упомянутая трёхсторонняя встреча лидеров США, Японии и Южной Кореи в Кэмп-Дэвиде, заложившая основы нового военно-политического блока в регионе, вызвала резкую отповедь в Пхеньяне, которая показала, что там хорошо понимают опасности «стыковки» НАТО с блоковыми комбинациями США в Восточной Азии [21].

В Пхеньяне пока оставили без ответа предложение Дж. Байдена о встрече с Ким Чен Ыном «без предварительных условий», озвученное координатором по стратегическим коммуникациям в Совете нацбезопасности США Дж. Кирби накануне трёхстороннего саммита в Кэмп-Дэвиде [22].

Дело в том, что предложения США, касающиеся денуклеаризации КНДР, сильно запоздали. Северокорейцы ещё в сентябре 2022 года приняли закон «О политике в отношении ядерных вооружённых сил», закрепивший ядерный статус КНДР, и заявили, что он «необратим» и они намерены добиваться международного признания этого статуса [23].

В целом возобновление американо-северокорейских контактов не исключается. Достаточно вспомнить ситуацию 2017–2018 годов, когда лидеры США и КНДР мерялись размерами своих «ядерных кнопок», грозя уничтожить друг друга, а несколько месяцев спустя перешли к обмену письмами, которые Д. Трамп назвал «любовными».

Однако на данном этапе требования Пхеньяна, настаивающего на отказе США от «враждебной политики» в отношении КНДР, вряд ли могут быть приемлемы для администрации Байдена, ибо они включают полное устранение военной, в первую очередь ядерной угрозы КНДР со стороны США (в её интерпретации в КНДР), прекращение Соединёнными Штатами всех «агрессивных» действий против КНДР, в том числе проведения совместных американо-

южнокорейских военных учений и снятие санкций, которые рассматриваются как бесспорное проявление враждебности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

России следует учитывать, что реализация планов США и их союзников в итоге предусматривает ликвидацию КНДР и создание на полуострове единого корейского государства, которое, по расчётам Вашингтона, войдёт в состав приобретающего всё более зримые очертания военно-политического альянса США – Япония – Корея.

Установление Соединёнными Штатами контроля над уникальным по своему военно-стратегическому значению районом, каким является Корейский полуостров, расположенный на стыке границ РФ и КНР и последующий выход американских вооружённых сил на сухопутные границы РФ и КНР на континентальной части Азии привели бы к весьма негативным для нас (и Китая) изменениям в обстановке в СВА и в АТР в целом.

В свете таких замыслов настоячивые требования США к России и Китаю присоединиться к санкционному нажиму на КНДР, призванному в конечном счёте привести к ликвидации этой страны, равнозначны попыткам заставить Москву и Пекин собственными руками вымостить дорогу американским войскам на наши границы с Кореей.

Высказывания нынешнего лидера КНДР Ким Чен Ына и другие официальные заявления КНДР свидетельствуют о том, что её руководство намерено добиваться международного признания де-факто ядерного статуса страны, настаивая на отказе США и других заинтересованных стран от двойных стандартов в области ядерного и ракетного нераспространения. Особенно это касается использования космического пространства и запуска спутников, чем с помощью США стала активно заниматься Южная Корея.

С учётом высоких запросных позиций США и КНДР, а также предстоящих осенью 2024 года президентских выборов в США взаимоприемлемое решение главных проблем американо-северокорейских отношений, в первую очередь ядерной проблемы Корейского полуострова, в кратко- и среднесрочной перспективе представляется маловероятным. Реалистичнее вести речь о разумных ограничениях ядерной и ракетной программ КНДР, нераспространении ею ОМУ в обмен на признание права Пхеньяна на мирный атом и запуски спутников.

ИСТОЧНИКИ

1. Joint Statement of President Donald J. Trump of the United States of America and Chairman Kim Jong Un of the Democratic People's Republic of Korea at the Singapore Summit (2018). Available at: <https://th.usembassy.gov/joint-statement-president-donald-j-trump-united-states-america-chairman-kim-jong-un-democratic-peoples-republic-korea-singapore-summit/> (accessed: 10.04.2024).

2. US delays vote to extend UN sanctions panel on North Korea. *NKnews*, 23.03.2024. Available at: <https://www.nknews.org/2024/03/us-delays-vote-to-extend-un-sanctions-panel-on-north-korea/> (accessed: 28.03.2024).

3. Ответ официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопрос СМИ о реакции Запада на вето России по резолюции СБ ООН о группе экспертов Комитета Совета Безопасности ООН 1718 по санкциям в отношении КНДР. 30.03.2024. Available at: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1941874 (accessed: 04.04.2024).

4. Комментарий официального представителя МИД России М.В. Захаровой в связи с завершением мандата группы экспертов Комитета СБ ООН 1718 по КНДР. 02.05.2024. Available at: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1947687/ (accessed: 07.05.2024).

5. Press Statement by Vice-Minister for U.S. Affairs of DPRK Foreign Ministry. KCNA, 25.04.2024. Available at: <http://kcna.kp/en/article/q/9e3376477011e49daaed356cae748bf7.kcmsf> (accessed: 28.04.2024).

6. States Sponsors of Terrorism. U.S. Department of State. Available at: <https://www.state.gov/state-sponsors-of-terrorism/> (accessed: 10.06.2024).

7. Link Between North Korea Rights Violations and Missile Program to Be Focus at UN. *Voice of America*. August 10, 2023. Available at: <https://www.voanews.com/a/link-between-north-korea-rights-violations-and-missile-program-to-be-focus-at-un-/7219841.html> (accessed: 14.04.2024).

8. Россия и Китай выступили против проведения в СБ ООН заседания по правам человека в КНДР. ТАСС, 12.06.2024. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21080321?ysclid=lxcvd90n27709961263> (accessed: 13.06.2024).

9. US calls out Russian, Chinese inaction over North Korean satellite launch at UN. *NKnews*, 28.08.2023. Available at: <https://www.nknews.org/2023/08/us-calls-out-russian-chinese-inaction-over-north-korean-satellite-launch-at-un/> (accessed: 29.08.2023).

10. U.S. House resolution calls for return of USS Pueblo seized by N. Korea. *Yonhap*, 24.01.2023. Available at: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230123002300325> (accessed: 10.08.2023).

11. US extends ban on citizens' travel to North Korea for seventh year. *NKnews*, 24.08.2023. Available at: <https://www.nknews.org/2023/08/us-extends-ban-on-citizens-travel-to-north-korea-for-seventh-year/> (accessed: 24.08.2023).

12. White House official reaffirms openness to N. Korea dialogue on 'wide' range of issues. *Yonhap*, 10.04.2024. Available at: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240410000500315?section=nk/nk> (accessed: 14.04.2024).

13. Почему США и Япония захотели прямых переговоров с КНДР. *РБК*, 28.03.2024. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/28/03/2024/660588779a79470bc3d06b76> (accessed: 03.04.2024).

14. Mira Rapp-Hooper at the event at CSIS on March 3, 2024. Available at: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/2024-03/240304_RappHooper_Polycrisis_Forum.pdf?VersionId=Yi_cQCNPtXq38vOCORgAu05hPk4rCDyF (accessed: 03.04.2024).

15. Action Speaks Louder than Words: KCNA Commentary. KCNA.17.05.2024. Available at: <http://kcna.kp/en/article/q/28f0a88c8b0b196c607c3fadf4ca2bf2.kcmsf> (accessed 31.05.2024).
16. US has no choice but to 'double down' on deterrence due to NK unwillingness to talk: official. *The Korea Times*, 15.05.2024. Available at: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2024/05/103_374660.html (accessed 31.05.2024).
17. Blinken to warn China over its support for Russia's military during this week's visit. *CNBC*, 22.04.2024. Available at: <https://www.cnn.com/2024/04/22/blinken-to-warn-china-over-support-for-russias-military-during-trip.html> (accessed: 28.04.2024).
18. В Пхеньяне уверены в неизбежности ядерной войны на Корейском полуострове. *РИА-Новости*, 15.08.2023. Available at: <https://ria.ru/20230815/voyna-1890258337.html?in=t> (accessed: 17.08.2023).
19. Full text of joint statement of leaders of S. Korea, US, Japan. *The Korea Times*. August 19, 2023. Available at: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/08/120_357380.html# (accessed: 28.04.2024).
20. МИД объяснил, чем грозит усиление присутствия США на Корейском полуострове. *РИА-Новости*, 03.02.2024. Available at: <https://ria.ru/20240204/koreya-1925300195.html>. (accessed: 28.04.2024).
21. Заявление для печати министра обороны КНДР Кан Сун Нама. *ЦТАК*, 24.08.2023. Available at: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/c2229657ae9058c7730a2c7e461fbc68.kcmsf> (accessed: 28.08.2023).
22. Белый дом подтвердил готовность Байдена встретиться с Ким Чен Ыном. *Interfax*, 18.08.2023. Available at: <https://www.interfax.ru/world/916766> (accessed: 20.08.2023).
23. Прошло заседание второго дня VII сессии ВНС КНДР четырнадцатого созыва. *ЦТАК*, 09.09.2022. Available at: <https://kcna.kp/ru/article/q/f550805dfa28b5b8701ce30080981f6a.kcmsf> (accessed: 21.09.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЖЕБИН Александр Захарович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Центр корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

Alexander Z. ZHEBIN, Candidate of Sciences (Political), Leading researcher, Center for Korean studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (ICCA RAS). 32, Nakhimovsky Av., Moscow 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 14.06.2024 / Received 14.06.2024.

Поступила после рецензирования 20.06.2024 / Revised 20.06.2024.

Статья принята к публикации 21.06.2024 / Accepted 21.06.2024.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673024080057

EDN: XFAPMV

Диалог США – Индия: взгляд из Китая

С.В. Уянаев

Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН).

Российская Федерация, 117218, Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

Scopus: 23486790800 ORCID:0000-0002-5471-8224 e-mail: svuyav@yahoo.com

Резюме. Пересекающиеся отношения трёх крупных держав – США, Индии и Китая продолжают служить признанным важным фактором формировании обстановки в Азии и АТР. В международном экспертном дискурсе на эту тему утвердился ряд тезисов, согласно которым, в частности, активный в последнее время американо-индийский диалог развивается с повышенным учётом политики Китая. При этом отдельный интерес представляет точка зрения, высказываемая на этот счёт в самой КНР, причём как на официальном уровне, так и в академическом сообществе. Фокусируясь на китайских оценках связей между США и Индии, автор параллельно приводит взгляды Китая на индо-тихоокеанскую стратегию США.

Ключевые слова: США, Индия, диалог, Китай, официальная позиция, оценки, экспертные оценки.

Для цитирования: Уянаев С.В. Диалог США – Индия: взгляд из Китая. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2024; 54(8): 50–62.

DOI: 10.31857/S2686673024080057 EDN: XFAPMV

The US-India Dialogue: A Look from China

Sergey V. Uyanaev

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

32, Nahimovsky prosp., Moscow, 117218, Russian Federation.

Scopus: 23486790800 ORCID:0000-0002-5471-8224 e-mail: svuyav@yahoo.com

Abstract. The overlapping relations of the three major powers – the United States, India and China – continue to serve as a recognized factor in shaping the situation in Asia and the Asia-Pacific region. This topic, being the subject of rather wide international expert discourse, provides a number of theses and, in particular, the view, that the recently active US-India dialogue is developing along with increased consideration for China's policy. In a given context the point of view expressed on this issue in the PRC turns out to be of specific interest. China's approaches to the US Indo-Pacific strategy are simultaneously touched.

Keywords: USA, India, dialogue, China, official approach, expert assessments.

For citation: Uyanaev, S.V. The US-India Dialogue: A Look from China. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 2023; 54 (8): 50–62. DOI: 10.31857/S2686673024080057

EDN: XFAPMV

ВВЕДЕНИЕ

Внутренняя взаимосвязь отношений между США, Китаем и Индией – державами, которые, по меньшей мере с точки зрения экономики, возглавляют мировые рейтинги и производят свыше половины мирового валового продукта, не один год привлекает внимание многих исследователей международной политики.

Такая взаимосвязь не надуманна. Она прослеживается исторически, когда позиция одной из трёх сторон (чаще всего – США) играла важную роль в сложных ситуациях между двумя другими. Примеры – китайско-индийская пограничная война осенью 1962 года, в ходе которой США поддержали Индию, или «третья индийско-пакистанская война», где Вашингтон, напротив, выступив на стороне «всепогодного союзника Китая» – Исламабада, де-факто обозначил большие (в сравнении с Нью-Дели) симпатии в адрес Пекина. Понятно, что позиция США была в этих случаях далеко не безразлична как для Индии, так и для Китая.

Подобные ситуации в различных формах тиражируются и сегодня. Правда, уже в ином контексте: на фоне растущего китайско-американского соперничества, детерминированного реакцией США на происходивший в последние десятилетия стремительный рост КНР. Теперь уже для самих США (и Китая) крайне важно, на чьей стороне окажется такой игрок, как тоже бурно развивающаяся ныне Индия.

Не является секретом, что, как следствие таких реалий, США в последние полтора-два десятилетия принимают активные шаги по развитию связей с Индией; Индия идёт им навстречу, причём нет недостатка в оценках экспертов и политиков, что одним из обоюдных мотивов является «сдерживание усиливающегося Китая».

Со стороны КНР возникшая ситуация является предметом как минимум «глубокого мониторинга». Это не удивительно, поскольку в сложной американо-китайско-индийской конфигурации каждая из сторон, в том числе Китай, стремится к оптимальным для себя позициям, объективно следуя «треугольной формуле Г. Киссинджера»: «твои отношения с двумя другим углами должны быть лучше, чем у них между собой» [С. Уянаев, 2023: 109-110].

На реализацию такого варианта у Пекина, похоже, шансов сейчас не много: усложнение отношений с Вашингтоном, начавшееся в пять-шесть лет назад, после 2020 года дополнилось резким спадом в связях Китая и с Индией, причём для последней это, по многочисленным и обоснованным оценкам, послужило новым толчком к сближению с США.

В этих условиях, несмотря на то что Вашингтон и, особенно, Нью-Дели, стараются не афишировать «китайские» мотивы сближения, Китай проявляет понятную заинтересованность в том, чтобы американо-индийский диалог не превратился в реальную и практическую «дружбу против третьего».

Повторим, что оценок развития отношений США и Индии в международном политологическом пространстве немало. Но в изложенном контексте самостоятельное значение приобретают подходы, имеющие место в самом Китае. То,

как конкретно в КНР видят не только «приводные ремни» и различного рода инструментарий американо-индийского диалога (концепции ИТР, системы регионального партнёрства и т.п.), но и его перспективы, важно для понимания ситуации в целом.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ: ИСТОРИЯ И НАСТОЯЩЕЕ

Бегло рассматривая реакцию официального Пекина на различные моменты американо-индийских отношений, можно выделить два пункта.

Во-первых, такая позиция озвучивается не слишком часто, сопрягается не только со степенью уплотнения американо-индийских контактов, но и с их содержанием с точки зрения влияния на Китай, как это понимается китайским руководством.

Во-вторых, в официальных оценках в основном просматривается понятная дипломатическая сдержанность, гибкость, уступающая место большей жёсткости лишь в случаях явных антикитайских проявлений. Причём, подобный подход можно проследить и исторически.

Так, Пекин не мог не выразить резкого неприятия той поддержки, которую правительство Дж. Кеннеди оказало Индии во время её пограничной войны с Китаем осенью 1962 года, передав китайской стороне «через свои контакты в Варшаве решимость прийти на помощь Индии» [1].

Как подчёркивала, обращаясь к тому периоду, выходящая под эгидой Коммунистической партии Китая «Глобал таймс» (*The Global Times*), в Пекине видели, что «за кулисами конфликта» стояли США, принявшие сторону Индии [2]. Причём, как отмечают сегодня в КНР, в это время «Индия тесно сотрудничала с США в южных Гималаях, использовала эти связи для противостояния Китаю» [Lin Minwang, 2022: 6].

Последующие несколько десятилетий по разным причинам, в том числе в связи с тяготением «неприсоединившейся» Индии к СССР, отношения Нью-Дели и Вашингтона были достаточно прохладными, а это снижало градус опасений, с которыми подходили к ним в Пекине.

Положение стало меняться с заметной интенсификацией американо-индийского диалога в текущем столетии. На начатое в 2005 году продвижение известной американо-индийской «ядерной сделки», которая, по сути, признавала легитимный статус индийских ядерных программ, официальная реакция КНР была ещё весьма сдержанной: в оценках превалировал призыв к «сотрудничеству в целях действенности глобального режима нераспространения» [3]. Хотя скрытая настороженность, как следует, например, из опубликованного тогда комментария в другой англоязычной газете – «Чайна дейли» (*China Daily*), уже, безусловно, присутствовала.

Не случайно, что по мере расширения и углубления сфер американо-индийского взаимодействия, включая область военных связей, настороженный тон официальной китайской реакции стал проявляться всё более очевидно. Так, комментируя очередной американо-индийский саммит в ноябре 2010 года в

Нью-Дели, главный информационный партийный орган КНР – газета «Жэньминь жибао» в материале, носившем символическое название «Б. Обама в ходе визита в Индию уделил внимание одним вопросам, но упустил из виду другие» [4], всё ещё иносказательно, но достаточно прозрачно высказывалась озабоченность подспудным присутствием антикитайских мотивов сближения Индии с США [Меняющийся Китай, 2011: 89–90].

Однако с выдвижением в конце 2010-х годов в США правительственной стратегии, касающейся Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) официальные лица КНР стали высказываться уже с повышенной критической определённой. Критика была нацелена, понятно, на США. Однако факт, что в новых американских установках по ИТР повышенное внимание изначально отводилось Индии как приоритетному партнёру в сфере безопасности («ИТР – регион от Голливуда до Боливуда»), не мог не служить для Пекина возросшим раздражителем. А это автоматически вовлекало в сферу китайских официальных озабоченностей и новую ступень американо-китайского диалога.

ДОКТРИНА ИТР ГЛАЗАМИ КИТАЙСКОГО РУКОВОДСТВА

Особенностью официальных китайских оценок феномена ИТР изначально является их «многослойность». В Пекине учитывают, что свои концепции ИТР, причём различающиеся порой по нюансам общего понимания и установочным целям, имеют целый ряд стран региона (Япония, Австралия, некоторые страны АСЕАН) [С. Уянаев, 2022: 158]. Поэтому, излагая свои подходы, китайское руководство бывает достаточно осторожным, когда тема ИТР обсуждается с соседями в Юго-Восточной Азии, но оказывается более решительным, если речь идёт о «видении ИТР из США» и стран, являющихся их прямыми договорными союзниками.

Одно из первых заявлений официального характера прозвучало на данную тему летом 2019 года в Бангкоке, где министр иностранных дел КНР Ван И сфокусировал взгляд на таких общих для различных страновых версий ИТР (и не вызывающих отторжения) элементах, как «открытость, инклюзивность, широкое региональное сотрудничество». Одновременно было подчёркнуто, что новые региональные инициативы должны согласовываться с уже сложившимися в регионе механизмами и наработками взаимодействия, иметь своей целью «сосредоточение на Азии, прежде всего Восточной Азии», не допускать конфронтации, «строящейся на геополитической почве в угоду фракционности и корыстным интересам». Понятно, что данный сюжет выступления главы китайской дипломатии вполне можно было отнести к оценке «американской версии ИТР» [5].

На этом фоне не стало откровением, что уже через год, когда в США были опубликованы правительственные документы, где Китай открыто обвинялся в намерении «вытеснить США из ИТР» и проведении в регионе «политики давления и агрессии» [6], реакция китайских властей обрела адекватную этому определённость и жёсткость. Выступая на пресс-конференции в Куала-Лумпуре в октябре 2020 года министр Ван И, повторив тезис о необходимости следования

«азиатским ценностям» и продвижения в «Восточной Азии асеаноцентричной системы координации и сотрудничества», прямо подчеркнул, что «предложенная Соединёнными Штатами стратегия в ИТР по сути направлена на создание так называемого Индо-Тихоокеанского «нового НАТО», опирающегося на четырёхсторонний механизм с участием США, Японии, Индии и Австралии, является «риском для безопасности региона».

Целью США министр назвал «разжигание конфронтации и геополитической конкуренции», в условиях которой Вашингтон сохранил бы своё доминирование и управляемую им «гегемонистскую систему». Оценив такую политику как попытку повернуть историю впясть к временам холодной войны, Ван И вновь акцентировал видение, что будущее региона должно определяться его народами, расположенные здесь страны имеют право на независимую политику, причём КНР, как одна из них, «всегда стремится следовать в регионе курсом добрососедства и сотрудничества, партнёрства с АСЕАН» [7].

О том, что американская стратегия ИТР направлена на сдерживание Китая, Ван И предметно говорил и в сентябре 2022 года, встречаясь со своим пакистанским коллегой [8]. К сказанному на эту тему ранее, министр, являющийся ныне также куратором китайской дипломатии по линии ЦК КПК, добавил, что США в попытке сохранить международное доминирование «пытаются сделать страны Азиатско-Тихоокеанского региона "пешками" гегемонии США». Это стало важным в контексте усиливающегося американо-индийского диалога, поскольку Ван И особо подчеркнул, что в последнее время в отношениях с государствами региона Вашингтон провокационно разыгрывает «карту Тайваня» и «карту Южно-Китайского моря», «запутывая их в собственных целях». В контексте Южно-Китайского моря (ЮКМ) речь вполне очевидно могла идти как раз о реакции на официальные совместные заявления США и Индии, где неоднократно с прозрачным сигналом в сторону Китая упомянуты пункты о необходимости «обеспечения свобод судоходства в ЮКМ» [9]. Тем более что свои оценки Ван И давал в Пакистане, с которым у Индии, как хорошо известно, существует немало застарелых проблем.

Особое неприятие официального Пекина в контексте американо-индийских отношений вызывают действия США по созданию, как говорят в китайском руководстве, «различных видов небольших клик, объединяющихся под лозунгом "свободы и открытости", а на деле сеющих конфронтацию». Речь идёт, в частности, об упоминавшейся структуре четырёхстороннего диалога, известной ныне как «четвёрка» (*QUAD*). Сам факт участия Индии в данной группировке, да ещё на фоне обнародованной в феврале 2022 года Белым домом обновлённой стратегии в ИТР, где Индия была названа «главным поставщиком сетевой безопасности в регионе», не устраивает Пекин. Но, поскольку в Нью-Дели тщательно стремятся избегать поводов для упрека в антикитайских действиях, свою критику «четвёрки» Пекин сводит главным образом либо к общим формулировкам, либо к осуждению конкретно политики США, направленной на «сдерживание КНР» [10].

Возвращаясь к упоминанию о том, что в случаях, когда американо-индийские связи, по мнению Пекина, прямо и непосредственно затрагивают интересы КНР, его реакция бывает весьма жёсткой, приведём и другой, более показательный пример. «Китай резко осуждает вмешательство США в вопрос о китайско-индийской границе и решительно выступает против подобных действий», – заявил, например, в марте 2024 года официальный представитель МИД КНР, отвечая на слова представителя Госдепа США о признании Вашингтоном «китайской» территорию нынешнего индийского штата Аруначал-Прадеш.

ВЗГЛЯДЫ КИТАЙСКИХ ЭКСПЕРТОВ

Особенностью китайского политологического дискурса, в том числе по вопросам положения в АТР, является то обстоятельство, что практически все наиболее авторитетные исследовательские центры (Китайская академия международных исследований МИД КНР, Китайская академия современных международных отношений Госсовета КНР, Институт международных исследований Фуданьского университета, Шанхайский институт международных исследований и др.) имеют прямую аффилиацию с государственными структурами. Более того, именно экспертные наработки этих центров, о статусе которых часто говорят уже сами их официальные названия, лежат в основе соответствующих правительственных заявлений, в том числе тех, которые касаются оценок положения в регионе, включая развитие американо-индийских отношений и продвижение концепций ИТР. Стоит заметить, что, помимо прочего, данная ситуация позволяет руководству КНР излагать в правительственных СМИ нужную точку зрения по деликатным вопросам и ссылаться при этом на «научное сообщество», не связывая себя формальной ответственностью.

Это не значит, что между официальной позицией и экспертными оценками есть прямой знак тождества. Академические публикации как минимум касаются деталей и нюансов, содержат и дискуссионные положения.

Применительно к отношениям США и Индии экспертный мониторинг в КНР ведётся регулярно, причём он был усилен вскоре после выдвижения президентом Д. Трампом начальных принципов американской стратегии в ИТР [Dingding Chen, 2018].

С учётом этого, целесообразно проследить некоторые особенности взглядов китайских экспертов в части основных тезисов, которые уже были показаны выше в изложении официального Пекина.

Во-первых, в научном сообществе более свободно говорят о важности для Китая узлового пункта о том, *каков будет итоговый «геополитический выбор Индии»*; откровенно подчёркивается, что от того, «присоединится она к антикитайскому заговору или нет, зависит, смогут ли США завершить окружение Китая», тем более что американская доктрина ИТР уже создала для Китая целый ряд стратегических препятствий» [11].

Во-вторых, в своих работах эксперты КНР не избегают гипотез о собственно индийских расчётах «сдержать» Китай» на путях сближения США, о чём не

принято говорить на официальном уровне. В частности, применительно к многочисленным американско-индийским саммитам, указывается, что «официальные лица США и Индии уходят от прямого упоминания Китая, но именно "китайская проблема" широко рассматривается как один из главных факторов углубления американско-индийских отношений», причём молчаливо осознают это и в Вашингтоне, и в Нью-Дели» [12].

Как подчёркивает по этому поводу руководитель Центра сотрудничества Китая и Южной Азии Шанхайского института международных исследований (ШАМИ) Лю Цзунъи, «нет сомнений, что и Индия, и США воспринимают Китай как серьёзного потенциального противника в Азии и целью своего стратегического сотрудничества считают его сдерживание» [Liu Zongyi, 2023].

Практически все китайские специалисты обращают внимание, что в рамках укрепления связей США усиленно «обхаживают Индию» [13]. А это, по словам, например, учёных исследовательского центра Института национальных стратегий университета Цинхуа, ведёт «к растущему спекулятивному настрою среди индийских политиков, которые пытаются использовать возникающую ситуацию в ущерб интересам Китая». В частности, как считают китайские эксперты, это имеет место в экономической и инвестиционной сферах, где Индия «стремится перераспределить в свою пользу глобальные цепочки поставок» [14].

В-третьих, политологи КНР отдельно подчёркивают риски «пагубного влияния корыстных целей Вашингтона» *на китайско-индийские отношения*. Специалисты Центра АТР Китайской академии международных исследований Лань Цзяньсюэ и Линь Дуо в недавней аналитической статье подчёркивают, что «США отчаянно пытаются отравить китайско-индийские отношения, побуждая Нью-Дели присоединиться к своему антикитайскому поезду». Авторы предупреждают «от опасной перспективы вмешательства США в китайско-индийский пограничный спор» и отмечают, что, подписав ряд военных соглашений с США, Индия «к сожалению, невольно стала пешкой в геополитической игре США и поколебала свою стратегическую автономию», в итоге призывают к тому, чтобы китайско-индийские отношения «не стали жертвой геополитических игр США, а вышли на дорогу здорового развития во имя роста обеих стран и международной стабильности» [Lan Jianxue, Lin Duo, 2022].

Следующим, четвёртым пунктом, можно отметить, что, эксперты КНР гораздо более акцентировано и охотно (особенно в сравнении с действующими политиками) указывают на *различия в подходах* США и Индии к двусторонним и внешним проблемам. Как отметил недавно профессор Китайского университета международных отношений Ли Хайдун, «позиции Индии с США по ряду крупных международных дел заметно расходятся». Специалист подчеркнул, в частности, что в украинском кризисе «самостоятельная Индия в противовес США сделала очевидный выбор в пользу укрепления связей с Россией», при этом он явно навёл на мысль, что такой подход вполне может быть спроецирован на перспективы участия Индии в антикитайских планах, составленных в Вашингтоне [15].

Так же считает один из крупных специалистов по китайско-индийским отношениям, профессор Китайской академии современных международных отношений Ма Цзяли, который полагает, что Индия «никогда не откажется от дипломатической философии стратегической автономии» [16]. Сходной позиции придерживаются и упомянутые шанхайские эксперты, которые при этом добавляют, что в стратегических кругах Индии США далеко «не пользуются безраздельным доверием».

В числе проблем двустороннего, «внутреннего» характера китайские эксперты обращают внимание также на американо-индийские *разногласия по поводу «положения мусульманского меньшинства в Индии»*.

Наконец, имея в виду упомянутые различия и противоречия, ряд китайских специалистов обращает внимание на то, что по поводу места, занимаемого «китайским фактором» в американо-индийском диалоге, в США и в Индии идут определённые дискуссии. Это не значит, что присутствие данного фактора ставится под сомнение. Речь идёт о том, какие итоговые выводы делаются в обеих странах.

В публикации в известном политологическом издании КНР «Шицзе чжиши» наблюдатели из авторитетного Института международных исследований Фуданьского университета приводят точку зрения ряда американских коллег (Эшли Теллис, Даниел Марки), считающих, что в китайском контексте «США не должны ждать от Индии слишком многого».

Приводится и мнение видных индийских политологов (Раджа Мохан, Санджая Бару), которые, по версии китайских специалистов, «также спорят о том, разумно ли Индии полноценно встать на сторону США или должен иметь место сугубо прагматичный подход» [Lin Minwang, 2023]. «Индия, безусловно, *вправе* проводить собственную внешнюю политику, но её отношения с США не должны основываться на ущербе Китаю», – резюмируют авторы.

Тем самым де-факто признаётся, что, несмотря на нюансы, в обозримой перспективе «китайский угол» будет продолжать занимать своё заметное место в американо-индийском диалоге, причём данный тезис можно считать мейнстримом китайского экспертного мониторинга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Иными словами, в Китае внимательно следят за событиями в американо-индийских отношениях. Это неудивительно, поскольку речь идёт о диалоге крупных международных игроков, причём собственные отношения Китая с каждым из них характеризуется сложным сочетанием сотрудничества и конкуренции, хотя баланс этих элементов в одном случае может отличаться от другого.

На *официальном* уровне Китай оценивает американо-индийские отношения в тесной корреляции со степенью их реального влияния на внешние и внутренние интересы КНР.

Исторически это влияние было разным по своим последствиям. Спокойная в период «вялых» связей Индии и США китайская реакция, как правило, ужесточалась по мере американо-китайского сближения, прежде всего в военной сфере. Такая ситуация объективно имеет место и сегодня, в условиях неуклонно уплотняющихся в последние 10–15 лет американо-индийских отношений.

В любом случае официальная реакция КНР на диалог Вашингтона и Нью-Дели имеет тщательно выверенный характер, соотносится как с его конкретной двусторонней повесткой, так и с особенностями «китайской политики», проводимой отдельно США и Индией.

Исходя из этого, руководство КНР сегодня, с одной стороны:

- не афиширует, но при этом, безусловно, осознаёт и цель США вовлечь Индию в «сдерживание» Китая, и реальные встречные мотивы Нью-Дели;
- открыто критикует американскую стратегию ИТР, в том числе антикитайское толкование в ней вопросов «безопасности» [17], а также новый элемент «изоляции Китая» в виде Индо-Тихоокеанской экономической структуры» [18] (Индия, к слову, в мае 2023 года к ней присоединилась);
- жёстко реагирует на произошедший в последние годы открытый переход Вашингтона на сторону Индии в китайско-индийском пограничном споре.

С другой стороны, Пекин:

- стремится не обострять ситуацию, избегая излишней конфронтации;
- воздерживается от публичного педалирования темы присутствия в Нью-Дели антикитайских мотивов дрейфа Индии в сторону США;
- при этом исподволь продвигает тезис об американо-индийских разногласиях и незаинтересованности «независимой Индии следовать курсом чужой политики и вразрез с собственными национальными интересами» [19].

На *академическом (экспертном уровне)* в КНР наблюдается в многом схожие оценки. Это в немалой степени объясняется формальной принадлежностью основных исследовательских центров страны правительственным структурам. Тем не менее целый ряд экспертных выводов носят более свободный, не отягощённый официальными барьерами характер. В частности, политологи достаточно открыто говорят о том, что «антикитайские» мотивы к двустороннему сближению имеют место не только в США, но и в Индии, указывают на негативное влияние фактора США на китайско-индийские отношения, акцентировано подчёркивают объективные противоречия, которые, сопровождая американо-индийского диалог, предопределяют «бесперспективность и деструктивность» его развития на антикитайской почве.

Очевидно, что китайские оценки ситуации в американо-индийских отношениях важны для более глубокого понимания международных процессов в Азии и в АТР. Тем более что ситуация в треугольнике «США – Индия – Китай» влияет не только на его участников, но и затрагивает интересы России. Это абсолютно понятно, поскольку речь идёт о внешнеполитической конфигурации, в которой представлены два приоритетных стратегических партнёра РФ и лидер

коллективного Запада, рассчитывающий ныне «нанести ей стратегическое поражение».

Российским интересам, как и в случае с Китаем, отвечает взвешенная и лишённая односторонних кренов политика Индии, продолжение её руководством курса, не ущемляющего отношения Нью-Дели как с Пекином, так и с Москвой. Надежду на это даёт, по удачному определению экспертов Российского совета по международным делам, «точка равновесия, которую индийская дипломатия нащупала в крайне нестабильном и быстро меняющемся мировом порядке» [Тимофеев И., 2024].

Но этот «баланс» необходимо подкреплять. В том числе важно поддержать благоприятную тенденцию круто возросшей в 2023 году российско-индийской торговли. Свою стабилизирующую роль сыграло бы и возобновление работы механизма трёхстороннего взаимодействия «Россия – Индия – Китай» (РИК). Применительно к Индии это стало бы важным символическим жестом, подтверждающим её традиционную стратегическую автономию. Для России, которая, как констатируют авторитетные специалисты, ныне «придаёт приоритет Евразии» [Рогов С., 2023: 16–17], активизация формата РИК означала бы, среди прочего, умножение возможностей продвижения системной цели формирования Большого евразийского партнёрства, которая зафиксирована в действующей «Концепции внешней политики РФ».

ИСТОЧНИКИ

1. Colonel Anil Athale (ret'd). The Untold Story: How Kennedy came to India's aid in 1962. Available at: <https://www.rediff.com/news/special/the-untold-story-how-the-us-came-to-indias-aid-in-1962/20121204.htm>. (accessed: 28.03.2024).

2. Hong Yuan. China won, but never wanted, Sino-Indian war. *Global Times*. 28.06.2012. Available at: <https://www.globaltimes.cn/content/717710.shtml> (accessed: 04.04.2024).

3. Li Xiang, Qin Jize. Nuke move on India may prove conducive. *China Daily*. 9.09.2008. Available at: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2008-09/09/content_7009283.htm (accessed: 23.04.2024).

4. Б. Обама в ходе визита в Индию уделил внимание одним вопросам, но пропустил из виду другие. Available at: <http://russian.people.com.cn/31520/7193872.html> (accessed: 15.04.2021).

5. Ван И изложил позицию Китая в отношении концепции Индо-Тихоокеанского региона. *Синьхуа*. 31 июля 2019. Available at: https://news.rambler.ru/asia/42590086/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylin (accessed: 23.04.2024).

6. A Free and Open Indo-Pacific. Advancing a Shared Vision. November 3, 2019. Available at: <https://www.state.gov/a-free-and-open-indo-pacific-advancing-a-shared-vision/> (accessed: 28.03.2024).

7. U.S. Indo-Pacific strategy undermines peace, development prospect in East Asia: Wang Yi. Available at: http://xinhuanet.com/english/2020-10/14/c_139437962.htm (accessed: 28.03.2024).

8. Ван И: Индо-Тихоокеанская стратегия США обречена на провал. 2022-05-22. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202205/t20220523_10691136.html (accessed: 30.03.2024).
9. U.S.-India Joint Strategic Vision for the Asia-Pacific and Indian Ocean Region. 25.01.2015. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/01/25/us-india-joint-strategic-vision-asia-pacific-and-indian-ocean-region> (accessed: 28.02.2024).
10. В МИД Китая назвали главную цель объединения QUAD. Available at: <https://ria.ru/20220211/kitay-1772231416.html> (accessed: 04.01.2024).
11. Ling Shengli. The Evolution of US Indo-Pacific Strategy and China's Perception and Strategic Response. *China International Studies*, N 103, November/December 2023. Available at: https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/ywqk/202403/t20240312_9204.html (accessed: 28.03.2024).
12. US will lose its 'huge bets' on China's neighboring region. *Global Times*. 24.06.2023. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202306/1293101.shtml> (accessed: 28.03.2024).
13. Zhao Minghao. The "Indo-Pacific Strategy" and China-US Geopolitical Competition Aug 21, 2018. Available at: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/the-indo-pacific-strategy-and-china-us-geopolitical-competition/> (accessed: 14.04.2024).
14. Qian Feng. India could suffer from speculative attitude amid China-US conflict. Available at: <https://www.globaltimes.cn/content/1188872.shtml> (accessed: 29.03.2024).
15. Quad faces wide question on value of existing after Biden not to visit India in January. Jan 03, 2024. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202401/1304742.shtml> (accessed: 29.03.2024).
16. *Ma Jiali*. Implications of Modi's State Visit to U.S. Jun 29, 2023. Available at: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/implications-of-modis-state-visit-to-us> (accessed: 17.03.2024).
17. Министр Вэй Фэнхэ: "Индо-Тихоокеанская стратегия" США ведёт только к конфликтам и конфронтации. *Жэньминь жибао*, 13.06.2022. Available at: <http://russian.people.com.cn/n3/2022/0613/c31520-10108944.html> (accessed: 19.03.2024).
18. «Снижение рисков» или всё-таки «декитаизация»? *Жэньминь жибао*. 12.09.2023. Available at: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/0912/c95181-20070911.html> (accessed: 29.02.2024).
19. Обама и Моди: что им нужно друг от друга? *Жэньминь жибао*. 26.01.2015. Available at: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0126/c31520-8841317.html> (accessed: 16.03.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Меняющийся Китай в меняющемся мире. *Проблемы Дальнего Востока*, 2011, № 1, сс. 46–123.

Тимофеев И. Как Индии удается сохранить баланс связей с Россией и Западом? *Аналитические статьи РСМД*. 10.01.2024. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kak-indii-udaetsya-sokhranit-balans-svyazey-s-rossiey-i-zapadom/> (accessed: 22.04.2024).

Рогов С.М. Российско-китайское партнёрство и США. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2023, №7, сс. 5–22. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300029740-4-1> (accessed: 23.04.2024). DOI: 10.31857/S2686673023070015 EDN: GISJNU

Уянаев С. Треугольник «США – Индия – Китай»: текущее состояние и перспективы. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2023, № 8, сс. 99–111. DOI: 10.31857/S2686673023080096

Уянаев С.В. Подходы Китая к концепции Индо-Тихоокеанского региона и ее влияние на трехстороннее взаимодействие России, Индии и Китая. *Безопасность в АТР в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии США. Сборник статей*. Москва, 2022, сс. 154–167.

REFERENCES

Changing China in a Changing World. *Problems of the Far East*, 2011, No. 1, pp. 46–123.

Dingding Chen. What China Thinks of the Indo-Pacific Strategy. *The Diplomat*, April 27, 2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/05/what-china-thinks-of-the-indo-pacific-strategy/> (accessed: 18.04.2024).

Lan Jianxue, Lin Duo. China-India ties can't be sacrificed for American interests. *China Institute of International Studies*. 22.09.2022. Available at: https://www.ciis.org.cn/english/COMMENTARIES/202209/t20220922_8709.html (accessed: 29.03.2024).

Timofeev, I. Kak Indii udaetsia sokhranit' balans svyazei s Rossiei i Zapadom? [How does India manage to maintain a balance of ties with Russia and the West?] (In Russ.). *Analytical articles of the RIAC*. 10.01.2024. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kak-indii-udaetsya-sokhranit-balans-svyazey-s-rossiey-i-zapadom/> (accessed: 22.04.2024).

林民旺：《跨越喜马拉雅山的地缘政治博弈》(Lin Minwang. The Geopolitical Game Across the Himalayas) 载《东亚评论》· 2022年第2期· 第7—18页. *East Asian Review*, No. 2, 2022, Pp. 7–18. (In Chinese). Available at: <https://iis.fudan.edu.cn/b0/a8/c6852a503976/page.htm> (accessed: 23.04.2024).

林民旺：《印度与美国关系迎来“转型时刻”？》(Lin Minwang. The relationship between India and the United States has ushered in a "moment of transformation"?). *世界知识*, 2023-07-24 (*World Knowledge*, June 24, 2023) (In Chinese). Available at: <https://iis.fudan.edu.cn/ca/8e/c6852a510606/page.htm> (accessed: 23.04.2024).

Liu Zongyi. Will the US and India be able to work together for long? *Shanghai Institutes for International Studies (SIIS)*. 2023-07-03. Available at: <https://www.sis.org.cn/Commentary/14980.jhtml> (accessed: 28.06.2024).

Rogov, S.M. Rossiisko-kitaiskoe partnerstvo i SShA [Russian-Chinese Partnership and the United States] (In Russ.). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53(8):5–22. DOI: 10.31857/S2686673023070015 EDN: GISJNU

Uyanaev, S.V. Treugol'nik «SShA – Indii – Kitai»: tekushchee sostoyanie i perspektivy [The "USA-India-China" Triangle: Current State and Prospects] (In Russ.). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53(8):99–111. DOI: 10.31857/S2686673023080096 EDN: IHHJCS

Uyanaev, S.V. Podkhody Kitaia k kontseptsii Indo-Tikhookeanskogo regiona i ee vliianie na trekhstoronnee vzaimodeistvie Rossii, Indii i Kitaia [China's approaches to the concept of the Indo-Pacific region and its impact on trilateral cooperation between Russia, India and China] (In Russ.). *Security in the Asia-Pacific region in the context of the Indo-Pacific Strategy of the United States. Collection of articles*. Moscow, 2022, pp. 154–167.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

УЯНАЕВ Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, руководитель Центра «Россия, Китай, мир»/заместитель директора Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).

Российская Федерация, 117218 Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

Sergey V. UYANAEV Candidate of Sciences (History), Head, "Russia, China, World" Research Center/Deputy Director, Institute China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

32, Nahimovsky prosp., Moscow 117218, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 27.04.2024 / Received 27.04.2024.

Статья поступила после рецензирования 10.05.2024 / Revised 10.05.2024.

Статья принята к публикации 11.05.2024 / Accepted 11.05.2024.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673024080064

EDN: XFABEI

Эволюция роли Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Дун Ваньли

Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН).

Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский пр-т, 32.

e-mail: 850371057@qq.com

Резюме. За 30 лет, прошедших с момента присоединения Китая к АТЭС, Китай активно участвовал в различных формах экономического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и был твёрдым и активным сторонником экономического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Китай тесно интегрирует Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество и собственное развитие. Китай стал второй по величине экономикой в мире, и его роль также значительно меняется. Способствуя экономическому развитию Китая – он способствовал экономическому развитию и социальному прогрессу, повысил уровень жизни людей и внёс большой вклад в развитие в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Китай играет все более важную роль во всем мире. Он сыграл активную роль в создании открытой мировой экономики, поддерживая многостороннюю торговую систему и руководя развитием экономической глобализации. Быстрое усиление Китая своей всеобъемлющей государственной власти разрушило первоначальную структуру власти в Азиатско-Тихоокеанском регионе и изменило первоначальную модель территориального устройства. На этом фоне ключевые экономики региона, такие как США, Япония и АСЕАН, также вносят стратегические коррективы, которые оказывают значительное влияние на порядок в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В последние годы США пытаются создать групповую политическую обстановку в Азиатско-Тихоокеанском регионе с целью подавления и изоляции Китая. Окончательная форма изменения порядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе зависит от конкуренции великих держав и степени развития Китая. В конечном счёте, роль, которую надеется сыграть Китай, также может быть достигнута.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, роль Китая, стратегический выбор, китайско-американское противостояние.

Для цитирования: Дун Ваньли. Эволюция роли Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе. США & Канада: экономика, политика, культура. 2024; 54(8): 63–73.

DOI: 10.31857/S2686673024080064

EDN: XFABEI

Evolution of China's Role in the Asia-Pacific Region

Dong Wanli

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

Russian Federation, 117997 Moscow, Nakhimovsky Ave., 32.

e-mail: 850371057@qq.com

Abstract: In the 30 years since China joined APEC, China has actively participated in various forms of economic cooperation in the Asia-Pacific region, and has been a firm and active supporter of Asia-Pacific economic cooperation. China has closely integrated Asia-Pacific economic cooperation and its own development. China has become the second largest economy in the world, and its role is also changing significantly. By promoting China's economic development – it has promoted economic development and social progress, improved people's living standards and made great contributions to development in the Asia-Pacific region. China is playing an increasingly important role in the world. It has played an active role in building an open world economy, supporting the multilateral trading system and guiding the development of economic globalization. China's rapid consolidation of its comprehensive state power has shattered the original power structure in the Asia-Pacific region and changed the original territorial pattern. Against this background, key economies in the region, such as the US, Japan and ASEAN, are also making strategic adjustments that have a significant impact on the order in the Asia-Pacific region. In recent years, the US has been trying to create a group political environment in the Asia-Pacific region in order to suppress and isolate China. The final shape of the changing order in the Asia-Pacific depends on the great power competition and the degree of China's development. Ultimately, the role China hopes to play may also be achieved.

Keywords: Asia-Pacific, China's role, strategic choices, Sino-US confrontation.

For citation: Dong Wanli. Evolution of China's Role in the Asia-Pacific Region. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(8): 63–73.

DOI: 10.31857/S2686673024080064

EDN: XFABEI

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время, Азиатско-Тихоокеанский регион, как наиболее экономически динамичный регион мира, демонстрирует многополярную модель развития, и региональная структура власти претерпевает серьёзные изменения. Международный финансовый кризис 2008 года оказал глубокое влияние на Соединённые Штаты, и к 2023 году доля США в ВВП мира упала до 25,43% [1]. Напротив, с ускорением процесса вступления в ВТО и открытостью для внешнего мира общий объем экономики Китая быстро поднялся на второе место в мире, а относительный разрыв в силе с Соединёнными Штатами значительно сократился. Возвышение Китая имеет огромное геополитическое значение для Азиатско-Тихоокеанского региона. В настоящее время, Китай стал крупнейшим в мире промышленным производителем и экспортёром сырьевых товаров. Он не только является крупнейшим торговым партнёром большинства экономик Азиатско-Тихоокеанского региона, но и его экономическое влияние распространилось даже на Латинскую Америку, Африку и другие регионы. С усилением всесторонней мощи Китая, чтобы сохранить свой гегемонистский статус, Соединённые Штаты рассматривают Китай как стратегического конкурента. Начиная с администрации Обамы, администрации Трампа и администрации Байдена, Соединённые Штаты усилили различные репрессии в отношении Китая, что значительно изменило международную политическую и экономическую модель. Администрация Байдена не только продолжила политику администрации Трампа по

подавлению Китая, отказавшись от «четырёхстороннего подхода» в области прав человека, безопасности, экономики, науки и технологий, но и провела жёсткую политику «разъединения» в отношении Китая, объединив другие страны для формирования всеобъемлющего партнёрства [2] для сдерживания Китая с целью воспрепятствовать модернизации китайского производства и прогрессу высокотехнологичных отраслей промышленности, а также ослабить преимущества Китая в области развития и некоторые военные научно-технические преимущества. Эти меры свидетельствуют, что влияние Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе растёт последовательно и неуклонно, что заставляет Соединённые Штаты полагать, что их гегемонистский статус подвергся серьёзной угрозе, и они предпочитают подавлять Китай.

ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

В «Отчёте об Индо-Тихоокеанской стратегии», опубликованном администрацией Трампа в июне 2019 года, было высказано предположение, что Китай является «стратегическим конкурентом» Соединённых Штатов. После прихода Байдена к власти в Индо-Тихоокеанской стратегии США, опубликованной в феврале 2022 года, вновь подчёркнуто, что большинство вызовов, с которыми сталкивается Индо-Тихоокеанский регион, исходит от Китая. Планирование и реализация «Индо-Тихоокеанской стратегии» США нацелены на ограничение влияния Китая не только в регионе. Сдерживание влияния Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе путём объединения таких стран, как Япония, Индия и Австралия, является важной частью реализации «Индо-Тихоокеанской стратегии» США. В последние годы Соединённые Штаты пытались создать групповую политическую экосистему в Индо-Тихоокеанском регионе, направляя регион от темы открытого и инклюзивного развития и управления к сфере безопасности и идеологии: с точки зрения экономики, многосторонняя организация, отличная от Китая, создаётся на основе проблем безопасности, для военной и политической изоляции и подавления Китая, вынуждая остальные страны Азиатско-Тихоокеанского региона выбирать ту или иную сторону; в идеологической сфере подчёркивают, что страны так называемого «альянса ценностей» блокируют Китай в попытке подавить динамику развития Китая [3].

С точки зрения экономики, Соединённые Штаты создали многостороннюю организацию, отличную от Китая, ослабили экономические связи между своими основными союзниками и Китаем, и повысили конкурентоспособность внутренней экономики за счёт увеличения инвестиций во внутреннюю инфраструктуру и ключевые отрасли промышленности для обеспечения экономического доминирования Соединённых Штатов в Индо-Тихоокеанском регионе. После прихода к власти администрации Байдена она изменила свою формулировку и заменила «развязку», предложенную администрацией Трампа, термином «снижение риска». Но, по сути, «снижение риска» – это всего лишь эвфемизм для

обозначения «развязки», и основное значение этого слова – выборочное и постепенное «прекращение отношений» [4]. После прихода к власти администрация Байдена не внесла никаких коррективов в практику администрации Трампа по масштабному повышению тарифов на товары, импортируемые из Китая в Соединённые Штаты. Термин «снижение риска» в основном имеет два значения: первое – сохранить свои научные и технологические преимущества путём создания «небольшой внутренней стены» в сфере высоких технологий, чтобы как можно полнее отгородить Китай от Соединённых Штатов и Запада. Второе – в области общеэкономических обменов и торговли, посредством «френдшоринга» и «решоринга» некоторые важные и ключевые промышленные цепочки будут выведены из Китая, чтобы уменьшить зависимость от Китая. Конечная цель состоит в том, чтобы «детенизировать» производственную цепочку, сформировав две взаимосвязанные, но в основном параллельные рыночные системы в мире. В июле 2022 года министр финансов США Йеллен приложила все усилия для продвижения концепции «френдшоринга» во время своего визита в Южную Корею, стремясь преодолеть временные и пространственные ограничения сотрудничества в цепочке поставок, которое больше не ограничивается Мексикой и другими соседними странами Соединённых Штатов, а включает в себя все союзники, включая Латинскую Америку, Восточную Азию и Южную Азию, которые разделяют так называемые «общие ценности» с Соединёнными Штатами [5]. В мае 2022 года Байден объявил о запуске *IPEF* во время своего визита в Японию и объявил, что 14 государств-членов в основном завершили переговоры по соглашению, направленному на «повышение устойчивости и безопасности цепочки поставок», и укрепят цепочку поставок основных материалов, таких как чипы и ключевые полезные ископаемые, чтобы «уменьшить зависимость от Китая» [6]. Однако стоит отметить, что продвижение *IPEF* не было гладким. Поскольку Соединённые Штаты отказываются открыть свой местный рынок для своих союзников, можно видеть, что это не соглашение о свободной торговле. Неравные условия также привели к тому, что их союзники постепенно потеряли интерес. Важно знать, что экономический успех Азиатско-Тихоокеанского региона зависит от открытости, сотрудничества и взаимной выгоды.

Энергично укрепляя партнёрские отношения с союзниками по НАТО в области военной безопасности, созданием ключевых механизмов альянса, такие как QUAD, AUKUS и FVEY, укрепляя связи в рамках различных односторонних и многосторонних отношений, создавая региональную систему интеграции военной безопасности под своим руководством, США укрепляет связи с региональными союзниками и партнёрами посредством частых совместных военных учений с легендой военного столкновения с Китаем в качестве воображаемого противника. В то же время Соединённые Штаты поощряют группировку НАТО и другие экстерриториальные державы к вмешательству в дела Азиатско-Тихоокеанского региона, призывают европейских союзников обратить внимание на ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Тайваньском проливе, а также

активно вмешиваются в дела Азиатско-Тихоокеанского региона, наращивая свою военную мощь в Южно-Китайском море и Тайваньском проливе, а также углубляет интеграцию системы Евразийских альянсов. Кроме того, в марте 2023 года был опубликован оборонный бюджет на 2024 финансовый год, в котором подчёркивалось, что приоритет должен быть отдан развитию более прочных отношений и сотрудничества с партнёрами и союзниками США для решения задач, стоящих перед Китаем в Индо-Тихоокеанском регионе [7]. По случаю саммита G7 в мае 2023 года Соединённые Штаты пригласили Индию, Индонезию, Бразилию, Вьетнам, Австралию, Южную Корею и другие страны провести расширенную встречу, чтобы попытаться ещё больше расширить лагерь альянса. Недавно командующий Тихоокеанским командованием США Флинн объявил в Токио, что американские военные планируют развернуть новый тип ракетной установки средней дальности в Азиатско-Тихоокеанском регионе до конца этого года с целью заставить «Китай дрожать от страха» [8].

В то же время, санкции в отношении китайской науки и техники также были усилены. В ноябре 2021 года Байден подписал закон «Об оборудовании для обеспечения безопасности», который запрещает странам поставлять Китаю высококачественные полупроводниковые чипы, произведённые с использованием американских инструментов, в любую точку мира. В октябре 2022 года Министерство торговли США ввело новый запрет на производство полупроводников в Китае, ограничив экспорт и инвестиции производителей чипового оборудования в Китай и предложив Японии, Южной Корее и Тайваню сформировать «Альянс чиповой четвёрки» (*Chip 4 Alliance*) с целью создания высокотехнологичной сети и цепочки поставок, которые не включить Китай и в дальнейшем сдерживать развитие китайской полупроводниковой промышленности. В идеологической сфере это способствует созданию «альянса ценностей» с целью сдерживания Китая, с намерением изолировать Китай посредством экономических, политических и идеологических связей. В «Стратегии национальной безопасности США», опубликованной в октябре 2022 года, три слова «демократия», «свобода» и «ценности», тесно связанные с идеологией, были упомянуты целых 182 раза, что отражает попытку Соединённых Штатов превратить своё «соперничество» с Китаем в биполярную конфронтацию между так называемой «демократией» и «авторитаризмом», побуждая союзников работать с ними над изменением международных правил в области технологий, кибербезопасности, экономики и торговли, чтобы всесторонне создать кольцо сдерживания против Китая.

РАЗВИТИЕ КИТАЯ И ЕГО ВКЛАД В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Всесторонний обзор истории участия Китая в АТЭС за последние 30 лет позволяет увидеть, что, являясь крупнейшим развивающимся членом АТЭС, Китай всегда активно участвовал в сотрудничестве в различных областях и всегда был

активным сторонником и твёрдым практиком сотрудничества в АТР [9]. Согласно данным Китайского совета по содействию международной торговле, в 2020 году объем торговли Китая с членами АТЭС достиг 22,87 трлн долл. США, а фактический объем инвестиций, освоенных членами АТЭС, составил 1,124 трлн долл., в то время как прямые инвестиции Китая в членов АТЭС достигли 1,112 трлн долл., что составляет 62%, 86% и 73% внешней торговли Китая [10], фактическое использование иностранного капитала и общий объем прямых иностранных инвестиций. Крупнейшими торговыми партнёрами из 16 членов АТЭС являются Китай (например, Япония, Южная Корея, Сингапур, Австралия, Новая Зеландия и т.д.) [12], в то время как крупнейшим торговым партнёром Китая являются семь государств – членов АСЕАН также являющиеся членами АТЭС и третьим по величине торговым партнёром – Соединённые Штаты. Можно видеть, что АТЭС занимает очень важное место в международном региональном сотрудничестве и внешне-экономическом развитии, в котором участвует Китай.

В настоящее время модель глобализации, в основе которой лежит несколько развитых стран, привела к несбалансированному развитию мировой экономики, что привело к росту антиглобализма и популизма, в сочетании с отсутствием координации и совместимости между традиционными механизмами регионального сотрудничества, глобальное управление и региональное самоуправление имеют тенденцию к «фрагментации». Китай считает своей миссией содействие установлению нового порядка и новых отношений, поддерживает «открытый регионализм» и независимый и добровольный постепенный подход, а также содействует установлению регионального порядка с помощью новых методов и концепций.

Во-первых, Китай использует инициативу «Один пояс, один путь» для продвижения прагматичного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В отличие от традиционной модели регионального сотрудничества, инициатива «Один пояс, один путь» основана на реалистичных потребностях развивающихся стран в области развития, на принципе консультаций, созидания и совместного использования и направлена на достижение эффекта «мирного сотрудничества, открытости и терпимости, взаимной выгоды и обоюдного выигрыша», который сильно отличается от различных явно эксклюзивных механизмов, возглавляемых Соединёнными Штатами.

Во-вторых, Китай интегрирует «фрагментированное» региональное сотрудничество и изучает новую модель институциональной структуры в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С углублением сотрудничества, включая АТЭС, «10+1», «10+3», механизмы сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе, включая Восточноазиатский саммит и Восточноазиатскую встречу на высшем уровне, а также многие двусторонние и региональные соглашения об экономическом и торговом сотрудничестве продолжают действовать. В сотрудничестве в Азиатско-Тихоокеанском регионе наблюдается большое количество «фрагментаций» и дублирования механизмов. Чтобы справиться с риском фрагментации

регионального сотрудничества, Китай изучил различные модели региональной архитектуры Азиатско-Тихоокеанского региона. Столкнувшись с новой ситуацией в Азиатско-Тихоокеанском регионе, КНР предложила новый тип международных отношений и концепцию общности человеческих судеб, основанную на точном понимании мировой ситуации – «Китайский план». Китай активно содействовал переговорному процессу по ВРЭП, продвигая механизмы региональной экономической и торговой системы высокого уровня, интегрируя многочисленные институциональные структуры в формате «10+1» в регионе и продолжая создавать удобную и свободную региональную производственно-сбытовую сеть для содействия качественному экономическому развитию Азиатско-Тихоокеанского региона, представленного восточноазиатским регионом; активно содействовать созданию Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли и созданию инклюзивного регионального институционального механизма, включая Соединённые Штаты.

В-третьих, благодаря новому раунду независимой открытости Китай обеспечивает Азиатско-Тихоокеанскому региону международные общественные блага, производством и торговлей товаров. Экономика Восточной Азии долгое время зависела от конечного рынка потребительских товаров в Европе и Соединённых Штатах и долгое время играла промежуточную рыночную роль в глобальных и региональных промышленных цепочках. В постпандемийную эпоху страны с развитой экономикой пассивно или активно переносят свои производственные цепочки в свои собственные страны или соседние регионы, и соседние страны ожидают от Китая активной роли в восстановлении региональной производственной цепочки создания добавленной стоимости в будущем. По мере продвижения «Пояса и пути» с соседними странами доля Китая на рынке конечной продукции в соседних регионах также растёт. По сравнению с промежуточными продуктами модель спроса на конечную продукцию в меньшей степени подвержена влиянию изменений в производственной цепочке и, следовательно, более стабильна.

Стратегия Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, представленная инициативой «Один пояс, один путь», Азиатским инвестиционным банком, Фондом Шёлкового пути и взаимосвязью с соседними странами, в последние годы продемонстрировала свою инициативность и способность вносить изменения к лучшему. Это вызвало у некоторых стран сомнения в том, что Китай пытается добиться азиатской гегемонии или доминирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и инициатива «Один пояс, один путь» рассматривается как пример попытки Китая создать сферу влияния в этих регионах. «Плохое стратегическое взаимодействие» между крупнейшими странами Азиатско-Тихоокеанского региона и изменения во внутреннем общественном мнении Китая поставили под сомнение роль Китая в отказе от стремления к гегемонии в новую эпоху. Пять принципов мирного сосуществования, противодействия гегемонии, отказа от доминирования, мирного развития и построения сообщества, объединяющего

человеческие судьбы, были выдвинуты Китаем в разное время. Хотя исторические предпосылки и выражения различны, все они соответствуют «Теории китайской угрозы» и отвечают на вопрос о том, что такое «китайская угроза», куда движется Китай и какую международную роль он будет играть.

С момента образования Нового Китая, приверженность мирному развитию и отказ от гегемонии были одной из национальных норм поведения и ценностей страны. В Пекине они рассматривались как необходимое условие для того, чтобы Китай мог вносить большой вклад в развитие мира. Мир и отказ от стремления к гегемонии являются основными принципами национальной политики и стратегического выбора Китая, а также его основным позиционированием международной роли страны. В 1973 году Чжоу Эньлай ясно дал понять, что борьба за гегемонию сверхдержав была первопричиной великих потрясений в мире. Китай никогда не станет сверхдержавой, а «не доминировать» – это наша национальная политика [13]. В январе 1975 года, когда Дэн Сяопин объяснял своим японским друзьям, что он не будет доминировать, он более чётко обозначил его долгосрочное стратегическое значение: путь, сформулированный председателем Мао, призван никогда не доминировать, ни сейчас, ни в будущем [11, 8]. Си Цзиньпин продолжил традиции своих предшественников, неоднократно заявляя международному сообществу, что Китай не будет расширяться. «Мы предусмотрели это в нашей политике, разработали это в наших системах и всегда делали это на практике. Путь мирного развития Китая – это не временная мера, не говоря уже о дипломатическом заявлении, а вывод, сделанный на основе объективных суждений истории, реальности и будущего. Это органическое единство идеологической уверенности в себе и практического сознания» [10, 267].

Стремление к гегемонии в Азиатско-Тихоокеанском регионе не только противоречит веяниям времени, но и наносит ущерб фундаментальным интересам Китая, противоречат стратегической декларации о недоминировании, а также несовместимы с идеалом построения сообщества, объединяющего судьбы людей. «Новые два полюса и новая холодная война между Китаем и Соединёнными Штатами» являются подтверждениями этому тезису. Основная цель и высший интерес Китая заключаются в реализации «великого дела национального возрождения». Статус гегемона не является признаком этого термина и между ними нет причинно-следственной связи [13]. В то же время модель экономического развития Китая в основном основана на изучении собственного потенциала и объединении сверхбольшого внутреннего рынка с разнообразием международных связей и партнёрских отношений. Процесс модернизации Китая в основном заключается в разрешении внутренних противоречий путём внутренних преобразований, достижении справедливого распределения богатства и недопущении распространения социальных противоречий на внешний мир. Сверхширокий внутренний рынок Китая – это врождённое условие, которого не было у некоторых стран в период свободного капитализма. Китай может добиться развития без внешнего грабежа и экспансии. Транснациональное производство привело к

высокой степени экономической, торговой и технологической интеграции между Китаем и крупнейшими странами Азиатско-Тихоокеанского региона [14]. В дополнение к тесным экономическим отношениям с Соединёнными Штатами, Японией и Южной Кореей, экономическая взаимозависимость между Китаем и АСЕАН также достигла чрезвычайно высокого уровня. Состояние тесного сотрудничества в области трансграничного производства не устранило некоторых структурных противоречий в геополитической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но оно в значительной степени способствовало сотрудничеству в области экономики и безопасности между Китаем и странами Азиатско-Тихоокеанского региона и снизило интенсивность геополитической конкуренции.

Китай всегда придерживался стремления к саморазвитию и концепции невмешательства в суверенитет или внутренние дела любой страны. Конечно, ни одна страна не должна терпеть гегемонии других стран. Китай не исключение. Китай будет продолжать отстаивать свой суверенитет и никогда не позволит другим странам вмешиваться в свои внутренние дела. Особенно в последние два года ситуация в Тайваньском проливе становилась все более напряженной. Соединённые Штаты и их союзники даже высказались «против изменения статус-кво в Тайваньском проливе любыми силовыми средствами» [15]. Это полностью нарушает территориальную целостность Китая. Китай не будет нападать для её сохранения, но это не значит, что он не будет контратаковать под гнетом Соединённых Штатов. Важно знать, что тайваньский вопрос является внутренним делом Китая. Материковая часть страны стремится к мирному воссоединению двух сторон с величайшей искренностью и приложив максимум усилий. Теперь, когда Соединённые Штаты пытаются «интернационализировать» проблему Тайваньского пролива и превратить отношения по обе стороны пролива в полноценные и абсолютные «отношения врага с врагом», ни в чем не повинный тайваньский народ вскоре ощутит на себе страдания, которые за этим последуют. Более того, роль Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе всегда основывалась на идее «взаимной выгоды и бесприигрышного сотрудничества». Как крупная страна, которая находится на подъёме и обладает большим потенциалом для развития, Китай должен не только играть более активную и конструктивную роль в экономике, безопасности и региональном сотрудничестве Азиатско-Тихоокеанского региона, но и проявлять настойчивость в своём национальном поведении и придерживаться стратегических целей, то есть не стремиться к региональной гегемонии, не занимается разделом сфер влияния и экономической эксплуатацией, что также имеет важное значение для мира и процветания Азиатско-Тихоокеанского региона. Как отметил Чжан Юньлин: «Мы настаиваем на мирном развитии. Поначалу многие люди могут в это не поверить. Если мы проявим настойчивость и дадим время пройти испытанию, постепенно все воспримут это как норму международных отношений».

Наконец, хотя Соединённые Штаты старались создать небольшой круг, основанный на идеологии, и совместно работать над подавлением Китая,

большинство стран Азиатско-Тихоокеанского региона и даже всего мира сейчас не намерены присоединяться к лагерю идеологической конфронтации, а больше озабочены тем, как установить справедливый и разумный режим. международный порядок, а также вклад крупнейших стран в модель развития и глобальное управление.

ИСТОЧНИКИ

1. Деловые СМИ: МВФ публикует прогноз: 25,43 процента мирового ВВП для США, 4,18 процента для Японии в 2023 году (на кит. яз.). Available at: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1770025876208421210&wfr=spider&for=pc> (accessed 04.06.2024).

2. Чжу Фэн, Ни Гуйхуа. Конкурентная стратегическая позиция администрации Байдена в отношении Китая (на кит. яз.). *Collaborative Innovation Center Of South China Sea Studies*. 03.07.2022.

3. Гао Ченг. Стратегическое соперничество США с Китаем и эволюция Азиатско-Тихоокеанского порядка. *Современный мир*, № 11, 2023.

4. Ни Фэн. Анализ четырех основных направлений всестороннего стратегического соперничества США с Китаем (на кит. яз.). *China Daily*, 30.05.2024.

5. Справочная сеть новостей: Министр финансов США Йеллен посетила Южную Корею для продвижения «дружественного аутсорсинга», выступая за реорганизацию цепочки поставок (на кит. яз.). 19.07.2022.

6. «Шанхайская ярмарка»: Байден объявляет о запуске Индо-Тихоокеанской экономической рамочной программы (IPEF) в Токио, Япония, 05.25.2022. Available at: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzU4NTU0NTQ1Ng==&mid=2247531826&idx=2&sn=0ed4cb05b8c686b3a2f7b6337eb03d9a&chksm=fd8adeadcafd57bbec7921a3f9eae18dc9c7f75680c391389fa01f9a8a9a701e84eca8d69b2c&scene=27 (accessed 06.06.2024).

7. Е Мэньюань. Министерство национальной обороны: против того, чтобы соответствующие страны увеличивали военные бюджеты под предлогом «военной угрозы Китая» (на кит. яз.). *Сайт Министерства национальной обороны КНР*, 30.03.2023.

8. Глава Тихоокеанского командования США заявил, что МНФ будут развернуты в Азиатско-Тихоокеанском регионе к концу года (на кит. яз.). 06.04.2024. Available at: https://www.sohu.com/a/769549277_115479 (accessed 06.05.2024).

9. Лю Чэньян. 30 лет АТЭС: обзор и перспективы Азиатско-Тихоокеанского процесса регионального экономического сотрудничества (на кит. яз.). *Современный мир*, том 11, 2019, DOI: 10.19422/j.cnki.ddsj.2019.11.001.

10. Гао Янь. Торговля между Китаем и членами АТЭС достигнет 2,87 триллиона долларов США к 2020 году (на кит. яз.). *Народная информация*, 25.12.2021. Available at: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1720087356657862988&wfr=spider&for=pc> (accessed 28.05.2024).

11. Вэн Дунлин. Придерживаясь открытости и инклюзивности, построить

- Азиатско-Тихоокеанское сообщество судьбы (на кит. яз.). *Economic Daily*, 16.11.22.
12. Хроника Чжоу Энлая 1949–1976 (на кит. яз.). 654 с.
13. Анналы Дэн Сяопина: 1975–1997 (на кит. яз.). Пекин, Центральное издательство литературы, 2004.
14. Си Цзиньпин об управлении (на кит. яз.). Пекин, Издательство иностранных языков, 2014.
15. Цинь Яцин. Трансформация мирового порядка: от гегемонии к инклюзивной многосторонности (на кит. яз.). *Asia-Pacific Security and Maritime Studies*, No. 2, 2021.
16. Ли Бинь. Парадокс Восточной Азии: экономическая зависимость и тревога за безопасность (на кит. яз.). *Международный монитор*, № 4, 2016.
17. США и Южная Корея выдвинули «три возражения» Китаю: против намыва островов! Против изменения статус-кво в Тайваньском проливе силой (на кит. яз.). 03.05.2023, Available at: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1764845756617157217&wfr=spider&for=pc> (accessed 19.05.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДУН Ванли, аспирант Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН).
Российская Федерация, 117997
Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

DONG Wanli, postgraduate student, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).
32, Nakhimovsky Ave., Moscow 117997, Russian.

Статья поступила в редакцию 12.06.2024 / Received 12.06.2024.
Поступила после рецензирования 26.06.2024 / Revised 26.06.2024.
Статья принята к публикации 10.07.2024 / Accepted 10.07.2024.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673024080073

EDN: XEWUJC

Особенности политики Социалистической Республики Вьетнам в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Буй Тхи Кхань Хуен

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Российская Федерация, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка, д.17.

ORCID:0009-0009-5706-5589

E-mail: boathuyen@gmail.com

Аннотация. Азиатско-Тихоокеанский регион вступает в XXI век как один из ведущих экономических центров мира и новый геостратегический узел, где разворачивается острая конкуренция между США, Китаем и другими державами. Вьетнам, будучи активным участником региональной интеграции, последовательно адаптирует свою внешнюю политику для своевременного реагирования на изменения в структуре региона. Статья посвящена анализу основных задач внешней политики Коммунистической партии Вьетнама (КПВ) в АТР в контексте международной интеграции. Рассматривается роль Вьетнама в регионе и состояние дипломатических отношений между Вьетнамом и США. Кроме того, даётся оценка Индо-Тихоокеанской стратегии США с точки зрения Вьетнама.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Индо-Тихоокеанская стратегия, внешняя политика, Вьетнам, США.

Для цитирования: Буй Тхи Кхань Хуен. Роль США в решении территориальных проблем Восточной Азии. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2024; 54(8): 74–82. DOI: 10.31857/S2686673024080073 EDN: XEWUJC

Features of the Policy of the Socialist Republic of Vietnam in the Asia-Pacific Region

Bui Thi Khan Huen

National Research University “Higher School of Economics”.

17 Malaya Ordynka st., Moscow, 119017 Russian Federation.

ORCID:0009-0009-5706-5589

e-mail: boathuyen@gmail.com

Abstract. Since the early 21st century, the Asia-Pacific region has been emerging as a leading global economic hub and a new geostrategic focal point, characterized by intense power competition among the United States, China, and other major powers. Vietnam, as an active participant in regional integration, continually adjusts its foreign policy to respond effectively to changes in regional architecture. This article analyses the primary objectives of the Communist Party of Vietnam's foreign policy in the Asia-Pacific region within the context of international integration. It examines Vietnam's role in the region and the state of diplomatic relations between

Vietnam and the United States. Additionally, the article provides an assessment of the U.S. Indo-Pacific strategy from Vietnam's perspective.

Keywords: Asia-Pacific region, Indo-Pacific strategy, foreign policy, Vietnam, United States.

Для цитирования: Bui Thi Khan Huen. Features of the Policy of the Socialist Republic of Vietnam in the Asia-Pacific Region. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(8): 74–82. DOI: 10.31857/S2686673024080073 EDN: XEWUJC

ВВЕДЕНИЕ

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) обладает значительным потенциалом во многих областях, таких как геополитическое и геоэкономическое положение, природные ресурсы и быстро растущую экономику, уже сейчас являющуюся драйвером экономики всего человечества, вносящую большой вклад в развитие современной культуры мира, что придаёт ему исключительную важность не только для интересов нынешней сверхдержавы – США, но и для других держав, таких как Россия и Китай. АТР стремительно превращается в эпицентр стратегической конкуренции и острой борьбы за влияние, поскольку ведущие страны корректируют свой внешнеполитический курс с целью извлечения выгоды из динамичного развития данного региона. В 2011 году США объявили о «Стратегическом развороте в сторону Азии», рассматривая АТР как ключевую геостратегическую и геополитическую зону, имеющую непосредственное отношение к национальной безопасности и мировому лидерству США. В сентябре 2013 года Китай начал представил инициативу «Один пояс, один путь», демонстрируя планы по созданию нового мирового порядка и ослаблению американского влияния в регионе. В 2010 году президент России В. В. Путин провозгласил политику «Поворота на Восток», что свидетельствовало о стремлении России расширить своё участие в регионе в сфере экономически, политики и безопасности. Премьер-министр Японии Синдзо Абэ впервые употребил термин «Индо-Тихоокеанский регион» в 2007 году, выступая в парламенте Индии, а в Индии корректировка стратегического курса выразилась в политике «Гляди на Восток» [6]. Возросший интерес региональных и мировых великих держав привёл к обострению ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Вьетнам занимает важное геостратегическое положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе и играет значительную роль в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), активно участвуя в многосторонних экономических институтах и региональных механизмах обеспечения безопасности. Поэтому любые изменения в балансе сил в АТР оказывают существенное влияние на безопасность и развитие Вьетнама. В условиях роста влияния Китая, бросающего вызов лидерству США, Юго-Восточная Азия в целом и Вьетнам, в частности, становятся объектами стратегического соперничества крупных держав. Китай уделяет особое внимание Вьетнаму среди своих южных соседей из-за сходства политических систем и культурных традиций, стремясь через Вьетнам оказывать влияние на другие страны АСЕАН. В то же время США, Япония и Индия также стремятся укрепить связи с

Вьетнамом, используя его геополитическое преимущество для сдерживания амбиций Китая в регионе [5, с. 62–63]. В условиях конкуренции за влияние со стороны ведущих стран руководство Коммунистической партии Вьетнама (КПВ) разработало гибкие и эффективные внешнеполитические стратегии для поддержания и укрепления дружественных отношений со всеми странами как на многостороннем, так и на двустороннем уровнях. Примечательно, что, будучи страной с долгой историей успешного противостояния великим державам, включая Китай и США, и проводя открытую и многовекторную внешнюю политику, Вьетнам обладает значительным влиянием в регионе и пользуется доверием многих стран мира. По состоянию на 2024 год Вьетнам установил дипломатические отношения с 193 государствами, среди которых отношения с семью носят статус всеобъемлющего стратегического партнёрства, с 18 странами заключено стратегическое партнёрство и с 12 – всеобъемлющее партнёрство. Вьетнам также является членом множества ключевых региональных и международных организаций [6].

РОЛЬ И ПОЛОЖЕНИЕ ВЬЕТНАМА В АТР

Вьетнам, обладая стратегически выгодным положением в центре экономической активности АТР, играет важную роль и извлекает значительную выгоду от развития крупных стран региона, выступая при этом в качестве важного связующего звена между странами Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии.

С момента вступления в АСЕАН в 1995 году Вьетнам активно способствует развитию региона, успешно организуя множество значимых международных мероприятий. Среди них можно выделить саммит АСЕАН 1996 года, саммит Франкофонии 1997 года, председательство на саммите АСЕАН в 1998 году, саммит АТЭС в 2006 году и саммит форума Азия-Европа (АСЕМ) в 2007 году. Особенно примечательным является участие Вьетнама в качестве непостоянного члена Совета Безопасности ООН в 2008–2009 годах, включая дважды исполняемую роль председателя СБ ООН и роль координатора на Конференции по разоружению ООН в 2009 году. Вьетнам также внёс значительный вклад в решение ключевых вопросов, способствующих успешной реализации различных направлений сотрудничества среди стран Юго-Восточной Азии. В 2010 году, будучи председателем АСЕАН, Вьетнам достойно представлял регион на международных форумах, таких как встреча министров иностранных дел АСЕАН – ЕС, конференция «АСЕАН – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива» и Всемирный экономический форум Восточной Азии. Вьетнам не только успешно выполнял роль председателя АСЕАН на глобальных диалоговых площадках, но и существенно способствовал успешной организации саммитов АСЕАН, специализированных конференций и множества значимых общественных мероприятий. Эти усилия повысили влияние и авторитет Вьетнама и стран АСЕАН как в АТР, так и на международной арене [8].

В ноябре 1998 года Вьетнам официально стал участником саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Несмотря на то, что Вьетнам не являлся одним из основателей АТЭС и уровень его развития был ниже по сравнению с другими участниками объединения, страна активно включилась в процесс, демонстрируя высокий уровень ответственности и инициативность. Вьетнам активно участвовал в программах экономического, торгового и инвестиционного сотрудничества, а также в процессе либерализации торговли в рамках АТЭС. Успешное проведение саммита АТЭС в 2006 году стало ярким свидетельством значительного вклада Вьетнама в развитие региона Азии и Тихого океана, подтвердив его компетентность и усилив международный авторитет страны. К тому же организация более 100 крупных и мелких мероприятий, включая саммит и многочисленные министерские встречи, продемонстрировала растущую мощь и влияние Вьетнама, благодаря чему он завоевал доверие и уважение международного сообщества. Вступление Вьетнама в ВТО в январе 2007 года и председательство в Совете Безопасности ООН в июле 2008 года и в сентябре 2009 года подняли роль и голос страны на новый уровень как в региональных, так и в международных делах. Форум АТЭС также стал площадкой для достижения важных двусторонних соглашений между Вьетнамом с мировыми державами, такими как США, Россия и Китай.

Вьетнам принял участие в Неделе лидеров АТЭС – 2023 и внёс значительный вклад в успех мероприятия. Бывший президент страны Во Ван Тхуонг предложил идеи о необходимости нового, всеобъемлющего, гармоничного и гуманного мышления для продолжения достижения поставленных целей устойчивого развития. В частности, он выделил следующие аспекты: «Во-первых, при акценте на экономический рост необходимо учитывать социальную справедливость и защиту окружающей среды. Во-вторых, поощрять открытость экономик и их интеграцию в процесс глобализации, одновременно обеспечивая экономическую безопасность государств. В-третьих, глобальное управление технологиями (особенно искусственным интеллектом и биотехнологиями) должно не только регулировать развитие этих технологий, но и решать возникающие экономические, социальные, культурные и политические последствия. В-четвертых, необходимо приоритетно выделять ресурсы на достижение устойчивого и всеобъемлющего развития» [3]. Эти идеи были включены в итоговый документ конференции и получили высокую оценку и поддержку со стороны лидеров и делового сообщества, открывая новые пути для сотрудничества в рамках АТЭС.

Можно сказать, что предложения Вьетнама в условиях сложной и неопределённой мировой и региональной обстановки отражают его мышление, видение и подтверждают приверженность страны принципам многосторонности, а также её активную роль в АТР и на форуме АТЭС. На данной конференции Вьетнам также предложил провести саммит АТЭС в 2027 году, что было единогласно поддержано членами организации. Это свидетельствует о том, что Вьетнам непрерывно развивает своё стратегическое видение относительно региона Азиатско-Тихоокеанского

региона и является живым доказательством доверия со стороны членов АТЭС и международного сообщества к роли и положению Вьетнама на мировой арене.

На протяжении почти 40 лет с начала проведения политики «Дой Мой» («политики обновления») (1986–2024 годы) Вьетнам достиг впечатляющих успехов и перспектив во всех сферах, что вызывает восхищение и высокую оценку международного сообщества. Страна перешла от централизованной плановой экономики к рыночной, активно и всесторонне интегрируясь в мировое сообщество, а также значительно продвинулась в индустриализации и модернизации.

Из отсталой аграрной страны с небольшой экономикой и ВВП в 26,3 млрд долл. США в первые годы «Дой Мой», Вьетнам превратился в экономику с объёмом ВВП в 430 млрд долл. к 2023 году. Средний доход на душу населения достиг 4300 долл., увеличившись в 58 раз по сравнению с началом «обновлений», а уровень бедности по многомерным стандартам снизился до 2,9%. Кроме того, из закрытой экономики Вьетнам превратился в глобально интегрированную страну, заняв 22-е место по объёму торговли в мире. Общий объём внешней торговли в 2023 году достиг почти 700 млрд долл., а приток иностранных инвестиций составил 23 млрд долл. – самый высокий показатель в истории страны, несмотря на сокращение крупных рынков и разрывы глобальных цепочек поставок [5].

Можно утверждать, что успехи Вьетнама в значительной мере обусловлены его усилиями по достижению международной интеграции на всех уровнях, включая участие в таких форумах и объединениях, как Проект Большого Меконга АСЕАН, Восточноазиатский саммит, АТЭС, АСЕМ и ВТО. На сегодняшний день Вьетнам имеет торговые отношения с 224 партнёрами и сотрудничает с более чем 300 международными организациями; подписал более 90 двусторонних торговых соглашений и около 60 соглашений о поощрении и защите инвестиций; ведёт переговоры, подписал и реализует 18 двусторонних и многосторонних соглашений о свободной торговле (FTA), в том числе с большинством крупнейших экономик мира. Из них 16 зон свободной торговли уже вступили в силу с более чем 60 партнёрами, охватывающими все континенты, что делает Вьетнам одной из ведущих стран региона по участию в двусторонних и многосторонних механизмах экономической кооперации.

Международный статус Вьетнама укрепляется благодаря активной внешнеэкономической деятельности, что продолжит усиливать доверие и привлекать внимание иностранных инвесторов к стране. Глубокая интеграция в мировую экономику и участие в ряде соглашений о свободной торговле нового поколения, таких как Соглашение о свободной торговле между Вьетнамом и ЕС (EVFTA) и Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве (СРТРП), являются важными катализаторами для стимулирования торговли и инвестиций.

Несмотря на то, что Вьетнам является небольшой экономикой, он участвует практически во всех региональных и межрегиональных экономических объединениях. В частности, Вьетнам является одним из трёх важнейших стратегических партнёров России в Азиатско-Тихоокеанском регионе и играет ключевую роль в

политике Индии «Гляди на Восток». Динамичное развитие АТР и возрастающая роль АСЕАН вместе с новым статусом и мощью Вьетнама после почти 40 лет политики «Дой Мой» способствовали повышению стратегического значения Вьетнама в отношениях с другими странами, особенно крупными державами. Это особенно очевидно после того, как Вьетнам официально принял председательство в АСЕАН с 1 января 2020 года.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВЬЕТНАМА ПО ОТНОШЕНИЮ К АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОЙ СТРАТЕГИИ США

В «Стратегии национальной безопасности США в XXI в.» 2013 года определяют АТР как ключевой регион для обеспечения своей национальной безопасности, поскольку данный он привлекает внимание многих крупных стран и значимых международных организаций, среди которых есть государства, чьи политические и экономические интересы конфликтуют с интересами США. В связи с этим, цель американской стратегии безопасности в АТР заключается в усилении своего лидерства и контроля над этим регионом для обеспечения стабильности, свободы передвижения и экономического развития.

Для успешной реализации своей стратегии США предприняли ряд стратегических мер:

1. Усиление военных союзов: США укрепляют отношения с традиционными союзниками, такими как Филиппины, Таиланд, Сингапур, Япония, Южная Корея и Австралия, при этом особое внимание уделяется американо-японскому альянсу. Параллельно развиваются партнёрские отношения с АСЕАН и Вьетнамом, происходит передислокация американского контингента в Японии и открытие доступа к новым военным объектам в Австралии и на Филиппинах.

2. Усиление военного присутствия: США к 2020 году перебросили значительную часть военно-морского флота в Тихий океан, изменив соотношение сил между Тихим и Атлантическим океанами с 50–50 на 60–40 в пользу Тихого океана.

3. Усиление присутствия в региональных форумах: США активизируют своё участие и влияние на форумах, связанных с Южно-Китайским морем, таких как АСЕАН, АРФ, Восточноазиатский Форум (EAF) и АТЭС.

4. Продвижение Транстихоокеанского партнёрства (ТТП): США способствуют подписанию и реализации ТТП, причём президент Обама заявил, что ТТП позволит Америке устанавливать правила игры для мира, а не Китаю или России [7]. Но при президенте Д. Трампе США вышли из этого партнёрства.

Тем не менее, с учётом стремительного экономического роста Китая, который постепенно нивелирует влияние США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Америка вынуждена постоянно корректировать свою стратегию безопасности для сдерживания главного соперника. В ответ на китайскую инициативу «Один пояс, один путь» (BRI) США в 2017 году провозгласили новую стратегию под названием «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион». Впервые это понятие

было произнесено в 2007 году во время выступления в парламенте Индии премьер-министром Японии Синдзо Абэ. Благодаря географическим особенностям данная стратегия оказывает значительное давление на суверенитет и безопасность Китая (например, проблему Тайваня), заставляя КНР сосредотачивать больше ресурсов в АТР. Это помогает уменьшить конкурентное давление на США со стороны Китая. Однако реализация этой политики оказывает как положительное, так и отрицательное воздействие на союзников Вашингтона. В условиях усиливающейся стратегической конкуренции между США и Китаем региональная безопасность сталкивается с множеством вызовов, что серьезно влияет на интересы и внешнюю политику многих стран. В результате соперничество между двумя державами приводит к состоянию «стратегической неуверенности» [6] для государств региона.

На очередной пресс-конференции Министерства иностранных дел Вьетнама, отвечая на вопросы журналистов относительно недавно анонсированной Индо-Тихоокеанской стратегии США, заместитель Министра иностранных дел СРВ Ле Тхи Тху Ханг, подчеркнула, что Вьетнам высказывает надежду на формирование совместных инициатив в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии, направленных на содействие установлению мира, обеспечению стабильности, стимулированию сотрудничества и поощрению развития в данном регионе. При этом особое внимание уделяется соблюдению принципов международного права, защите законных прав и интересов всех государств, а также выделению центральной роли АСЕАН в формирующейся региональной структуре [2].

Как одно из ключевых государств в контексте соперничества между США и Китаем, Вьетнам сталкивается с разнообразными возможностями и вызовами, обусловленными корректировкой стратегическими внешнеполитической стратегии обеих держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С одной стороны, повышенное внимание крупных держав создает благоприятные условия для развития сотрудничества между ними и Вьетнамом, особенно в сферах экономики, торговли и инвестиций. С другой стороны, конкуренция за влияние между великими державами вынуждает Вьетнам проводить сбалансированную внешнюю политику, направленную на поддержание и укрепление хороших отношений со всеми странами. Кроме того, усиление военного присутствия некоторых крупных держав в Южно-Китайском море создает непредсказуемые вызовы для безопасности и защиты национального суверенитета и территориальной целостности Вьетнама.

В 2023 году Вьетнам предпринял значительные стратегические шаги. В частности, страна установила всеобъемлющее стратегическое партнерство с США с целью содействия миру, сотрудничеству и устойчивому развитию. Параллельно Вьетнам продолжил углубление и усиление всеобъемлющего стратегического партнерства с Китаем, стремясь к созданию сообщества с общим видением будущего, имеющего стратегическое значение для обеих стран. Эти шаги представляют собой важную возможность для Вьетнама реализовать цели и

амбиции развития, обозначенные на XIII съезде партии, которые включают достижение статуса страны с современной промышленностью и высоким средним доходом к 2030 году, а также достижение статуса развитого государства с высоким уровнем доходов к 2045 году. Для этого Вьетнам планирует оперативно адаптироваться к новой геополитической и геоэкономической обстановке, позиционируя себя в глобальной цепочке производства и поставок высоких технологий, искусственного интеллекта (ИИ) и полупроводниковых изделий. Кроме того, ставится задача формировать соответствующие связи и партнерства для более глубокого участия и достижения более высокого положения в глобальной цепочке добавленной стоимости [7].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Применяя принципы марксизма-ленинизма, основанные на фундаменте, заложенном президентом Хо Ши Мином, Вьетнам создал уникальную внешнеполитическую стратегию под названием «Бамбуковая дипломатия». В 2016 году генеральный секретарь КПВ Нгуен Фу Чонг для передачи философии вьетнамской дипломатии в новых условиях применил образ бамбука: «Вьетнамская дипломатия мягкая и мудрая, но настойчивая и решительная; гибкая и творческая, но последовательная, доблестная, стойкая, единая и гуманная, но решительная и терпеливая в отстаивании национальных интересов; гибкая и творческая, но последовательная, доблестная, стойкая, единая и гуманная, но решительная и терпеливая в отстаивании национальной независимости и народного счастья» [8].

И такая политика позволяет Вьетнаму проводить многовекторную внешнюю политику, извлекая выгоды от экономического сотрудничества с большинством стран мира для развития экономики и повышения уровня жизни населения. При этом Вьетнам не забывает о целях создания справедливого социалистического общества с высоким уровнем экономического, культурного и нравственного развития, которые были определены XIII съездом КПВ на перспективу до 2045 года. В то же время Вьетнам отвергает политику миропорядка, основанного на диктуемых извне правилах, и будет активным участником формирования многополярного мира, контуры которого создаются сейчас большинством стран АСЕАН, ШОС и БРИКС, о вступлении в который Вьетнам подал заявку.

ИСТОЧНИКИ

1. Kinh tế Việt Nam nhìn lại sau gần 40 năm Đổi Mới (Экономика Вьетнама оглядывается назад после почти 40 лет «Дой Мой»). Available at: <https://vneconomy.vn/kinh-te-viet-nam-nhin-lai-sau-gan-40-nam-doi-moi.htm> (accessed 06.06.2024).
2. Việt Nam lên tiếng về chiến lược Ấn Độ Dương - Thái Bình Dương của Mỹ (Việt Nam lên tiếng về chiến lược Ấn Độ Dương - Thái Bình Dương của Mỹ). Available at:

<https://nld.com.vn/chinh-tri/viet-nam-len-tieng-ve-chien-luoc-an-do-duong-thai-binh-duong-cua-my-20220217174614924.htm> (accessed 06.06.2024).

3. Ngoại giao Việt Nam khẳng định vị thế trong thời kỳ mới (Вьетнамская дипломатия подтверждает свою позицию в новую эпоху). Available at: <https://kinhthedoithi.vn/ngoi-giao-viet-nam-khang-dinh-vi-the-trong-thoi-ky-moi.html> (accessed 06.06.2024).

4. Cùng vượt qua thách thức, tận dụng cơ hội để phát triển bền vững (Давайте преодолеем проблемы и воспользуемся возможностями для устойчивого развития). Available at: <https://nhandan.vn/cung-vuot-qua-thach-thuc-tan-dung-co-hoi-de-phat-trien-ben-vung-post783313.html> (accessed 06.06.2024).

5. Đỗ, L. C. (2020). Việt Nam trước tác động của cấu trúc an ninh tại khu vực châu Á-Thái Bình Dương.

6. Ngoại giao Việt Nam khẳng định vị thế trong thời kỳ mới (Вьетнамская дипломатия подтверждает свою позицию в новую эпоху). Available at: <https://kinhthedoithi.vn/ngoi-giao-viet-nam-khang-dinh-vi-the-trong-thoi-ky-moi.html> (accessed 06.06.2024).

7. Sự điều chỉnh chiến lược của các nước lớn đối với khu vực châu Á-Thái Bình Dương (Стратегическая корректировка крупнейших стран по отношению к Азиатско-Тихоокеанскому региону). Available at: <https://tapchiconsan.org.vn/hoat-dong-cua-lanh-ao-ang-nha-nuoc/-/2018/41547/su-dieu-chinh-chien-luoc-cua-cac-nuoc-lon-doi-voi-khu-vuc-chau-a---thai-binh-duong.aspx> (accessed 06.06.2024).

8. Tô Anh Tuấn, (2018), “Tình trạng “Bất an chiến lược” ở châu Á – Thái Bình Dương: Nguyên nhân và giải pháp”, Nghiên cứu quốc tế. Available at: <https://sti.vista.gov.vn/tw/Lists/TaiLieuKHCN/Attachments/269015/CVv182S92018163.pdf> (accessed 02.06.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БУЙ ТХИ Кхань Хуен, Бакалавр Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка, д.17.

BUI THI Khan Huen, Bachelor, National Research University “Higher School of Economics”. 17 Malaya Ordynka st., Moscow 119017 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 27.04.2024 / Received 27.04.2024.

Статья поступила после рецензирования 10.05.2024 / Revised 10.05.2024.

Статья принята к публикации 11.05.2024 / Accepted 11.05.2024.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673024080088

EDN: XEPYTU

Сотрудничество оборонно-промышленных комплексов США и Республики Корея

И.О. Шкробтак

*Институт США и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Scopus Author ID: 57202469551 РИНЦ ID: 763381

ORCID: 0000-0002-9382-6738

e-mail: igor.shkrobtak@yandex.ru

Резюме: Статья посвящена дальнейшей интеграции оборонно-промышленных комплексов (ОПК) США и Республики Корея в области военно-технического сотрудничества. В работе рассматриваются текущие условия, которые делают расширение и углубление совместной работы Вашингтона и Сеула в данном вопросе необходимыми. Изучаются взаимные интересы Соединённых штатов и Южной Кореи в сфере ОПК через призму их интересов в области национальной безопасности и внешней политики.

Ключевые слова: Оборонно-промышленный комплекс, Республика Корея, США, военно-морские силы, военно-воздушные силы, промышленность.

Для цитирования: Шкробтак И.О. Сотрудничество оборонно-промышленных комплексов США и Республики Корея. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(8): 83–93. DOI: 10.31857/S2686673024080088 EDN: XEPYTU

Cooperation between the Defense Industrial Complexes of the United States and the Republic of Korea

Igor O. Shkrobtak

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences (ISKРАН).*

2/3, Khleby per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Scopus ID: 57202469551 РИНЦ ID: 763381

ORCID: 0000-0002-9382-6738

e-mail: igor.shkrobtak@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the issue of further integration of the United States and the Republic of Korea military-industrial complexes in the military-technical cooperation area. The paper researches the current conditions that make the expansion and deepening of joint work between Washington and Seoul on this issue necessary. The study investigates the mutual interests of the United States and South Korea in the defense industry through the prism of their interests in the field of national security and foreign policy.

Keywords. Military-industrial complex, Republic of Korea, USA, naval forces, air force, industry.

For citation: Shkrobtak, I.O. Cooperation between the Defense Industrial Complexes of the United States and the Republic of Korea. USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2023; 54 (8): 83–93. DOI: 10.31857/S2686673024080088 EDN: XEPYTU

ВВЕДЕНИЕ

Современные вызовы, возникающие перед оборонно-промышленными комплексами обеих стран, имеют сходное происхождение и демонстрируют их определённые достоинства и недостатки. Это касается непосредственно ОПК и общеэкономического уклада и в Сеуле, и в Вашингтоне. В США постиндустриальная экономика сталкивается с необходимостью массового промышленного производства и не может ответить на соответствующий объём продукции со стороны государств, названных угрозой [1].

К ним относятся Россия, Иран, КНДР и КНР – другими словами, страны, обладающие массовым производством и развитой военной индустрией [2]. Оборонно-промышленный комплекс каждого из вышеупомянутых государств обладает собственной спецификой производства, продиктованной особенностями военной доктрины и экономики.

Поворотной точкой в кризисе оборонно-промышленного комплекса США можно назвать начало специальной военной операции на Украине – она поставила американский ОПК перед лицом собственного тяжёлого положения [3]. Оно выражается в слабой приспособленности к разработке и массовому производству оружия в условиях конфликта высокой интенсивности против регулярных вооружённых сил с высоким уровнем оснащённости и боевого опыта.

ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС США

Американский ОПК долго специализировался на производстве вооружений для конфликтов низкой интенсивности. Соответственно, подавляющее число образцов имело характерные для этого типа боестолкновений черты: чрезмерная сложность конструкции, развитые прицельные приспособления и системы наведения, универсализм и низкий эксплуатационный ресурс [4]. При этом, данные образцы производились сравнительно малыми сериями в силу высокой сложности и стоимости таких вооружений.

Естественно, что подобный вид производства имеет свои негативные особенности. В первую очередь, следует назвать физическую деградацию массового производства в оборонно-промышленном комплексе США. Она выражается в высоком среднем возрасте работников американского ОПК, отсутствия необходимого трудового резерва и необходимых мощностей.

При этом, следует отметить совершенно новые вызовы на современном поле боя и актуализацию, на первый взгляд, пройденных этапов в истории вооружений. Речь идёт о массовом производстве барражирующих боеприпасов, применении гражданских квадрокоптеров и других мультикоптеров для наблюдения за полем боя и выполнения задач лёгкого эрзац-бомбардировщика [Карпович и др., 2022: 14]. Кроме того, нельзя не упомянуть и применение дронов с технологией Эф-Пи-Ви -FPV (*first personal vision* – вид от первого лица) в качестве эффективного средства поражения целей на переднем крае [Сильников и др., 2022: 10].

Говоря об условно устаревших технологиях, следует указать на использование советских вооружений даже времён Великой Отечественной войны на современном поле боя. Ярчайший пример — это массированное применение всех их видов и калибров во время проведения специальной военной операции, в котором именно советские системы и модели периода холодной войны показали себя наилучшим образом. Бронетанковое вооружение показало высокую живучесть и значительный модернизационный потенциал образцов советской школы танкостроения [Барятинский, 2012: 485].

Другими словами, существующий оборонно-промышленный комплекс США не может составить серьёзной конкуренции образцам массового производства – современным и условно устаревшим. При этом, методов мобилизации американской промышленности в краткосрочной перспективе практически не существует.

Соответственно, встаёт вопрос об аутсорсинге, по крайней мере, части оборонных производств и заказов на территории других государств, обладающих развитым гражданским и военным промышленным производством. Эти государства выступают союзниками Вашингтона в экономике и в военно-политической сфере.

Таким образом, исходя из всех условий, можно утверждать, что наиболее вероятными площадками размещения американских оборонных заказов станут Япония и Республика Корея. Европейские производители не могут серьёзно рассматриваться в силу подрыва экономической и промышленной базы [Богданов и др., 2023: 169–182]. При этом, Токио представляется наименее вероятным вариантом в силу чрезмерно высокой стоимости производства и прямой зависимости от размещённых сегментов производства в КНР [Hadlow et al., 2018].

Немаловажный фактор малой перспективности размещать оборонные заказы США на японских предприятиях является также вторичность разработок и продукции данной промышленной державы [Тео, 2021: 9–14.]. Другими словами, Токио способно лишь предоставить производственные мощности для, как уже говорилось выше, производства с чрезмерно высокой стоимостью. Как показывает опыт осуществлённых собственных японских проектов, результат подобного производства также может быть крайне сомнительным.

Исключение могут составить поставки ракет и пусковых установок «Пэтриот» (*Patriot*) поскольку японские производители пока единственные, кто выпускает

этот вид вооружений, который в современных реалиях представляется необходимым [Тео, 2021: 9–14.]. Это касается систем непосредственно противовоздушной обороны и противоракетной обороны.

ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Наиболее вероятной площадкой для размещения американских оборонных заказов могут стать южнокорейские промышленные концерны. Причина заключается в сравнительно низкой стоимости продукции, наличии инновационных проектов, широкой сети экспорта и большом числе выполненных контрактов [5]. Таким образом, корейская промышленность может произвести в нужный срок значительное количество вооружений в интересах американского Министерства обороны.

Немаловажным фактором при выборе именно южнокорейских компаний можно назвать значительные гражданские производственные мощности, позволяющие рассматривать их как мобилизационный резерв. В первую очередь, это касается приборостроения, автомобильной промышленности, двигательной и судостроительной отрасли. Объёмы и масштабы этих сфер предполагают использовать их в интересах оборонно-промышленного комплекса [6].

Для южнокорейских производителей это возможность получить твёрдые долгосрочные контракты в оборонной сфере и выйти на новые рынки, которые им были до этого момента недоступны. Сеул может предоставить широкий спектр конвенциональных вооружений, включающих всю артиллерию всех актуальных калибров и возможностей, всю номенклатуру боеприпасов, автомобильную и бронетехнику, и даже крупные надводные корабли и субмарины [7].

Именно по этой причине ОПК РК может представлять повышенный интерес для Пентагона. В условиях возникновения конфликта высокой интенсивности, весьма актуальна способность корейской оборонной индустрии производить конвенциональные вооружения в массовом порядке. При этом, здесь можно говорить не только о поставках, например, Израилю или Украине, но и в интересах американских Вооружённых сил.

Речь идёт, во многом о кризисе ряда отраслей американского оборонно-промышленного комплекса, имеющих для национальной безопасности США жизненную необходимость. В первую очередь, это строительство военно-морской компоненты, которая в Соединённых штатах находится в глубоком кризисе. Американские верфи уже фактически сорвали сроки строительства новейших фрегатов по итальянскому проекту, которые планировалось принять на вооружение в 2026 году, но, в итоге, сдача была перенесена на 2029 год [8].

Корейские производители могут предоставить мощности для качественного обновления ВМФ США благодаря соответствующим компетенциям. Прежде

всего, это строительство массовых надводных кораблей океанского класса на замену списанным фрегатам класса «Оливер Хазард Перри» (*Oliver H. Perry*) [9], требующим замены ракетным крейсерам «Тикондерога» (*Ticonderoga*) [10] и признанным неудачными кораблям литорального класса «Фридом» (*Freedom*) [11] и «Индепенденс» (*Independence*) [12].

Параллельно есть возможность наладить по меньшей мере, производство комплектов для строительства наиболее массовых эсминцев «Арли Бёрк» (*Arleigh Burke*) [13]. Подобное развитие событий вполне реально, поскольку Южная Корея производит аналогичный образец со сходным вооружением для собственных Военно-морских сил. Соответственно, это позволит быстро строить новые корабли в интересах ВМС США.

В силу последних проектов южнокорейских ВМС с достаточной долей осторожности, возникает интерес к лёгким авианесущим кораблям [14], спроектированным непосредственно для флота РК. Подобное внимание, предположительно связано со сложностью эксплуатации и обслуживания десантных вертолётоносных кораблей-докков типа «Америка» (*America*) [15] и возможностью получить быструю замену этим крупным единицам.

Следует отметить, что южнокорейские кораблестроительные мощности можно с уверенностью назвать способными выполнить заказ на постройку кораблей практически любого размера и сложности [16]. При этом, благодаря массовому промышленному гражданскому и военному производству, данные предприятия, по всей вероятности, смогут выполнить необходимый объём работ в установленный срок.

В свою очередь, этот факт делает вероятным интерес американского военноморского командования, по крайней мере, к приобретению компонентов вышеупомянутых изделий. Препятствием к осуществлению подобных контрактов в краткосрочной перспективе можно назвать чрезмерно растянутую логистическую цепь. В долгосрочной перспективе серьёзные затруднения связаны с проблемами в южнокорейской экономике, социальной политике и демографии, в частности, с недостатком рабочей силы на предприятиях тяжёлого машиностроения [Красова, Москальнова, 2023: 71–79].

Это касается не только производства в военном кораблестроении, но и в других отраслях оборонно-промышленного комплекса РК. В текущих условиях, наиболее насыщенной сферой сотрудничества между Сеулом и Вашингтоном в сфере ОПК, можно назвать производство конвенциональных сухопутных вооружений – бронемашин и танков, артиллерии и снарядов к ним [17]. Тема представляется важной, поскольку стоит вопрос не только пополнения запасов непосредственно американских Вооружённых сил, но и союзников по Североатлантическому альянсу, Украины и Израиля.

Сотрудничество между США и Южной Кореей может быть обусловлено несколькими причинами. В первую очередь, это полное соответствие стандартов вооружений при наличии возможности массового выпуска [18]. Другими словами,

производственная база РК полностью совпадает с основными нормативами СТАНАГ (*STANAG – Standardization Agreement within the NATO*). Во-вторых, немаловажным качеством для выбора данных производителей может служить отсутствие серьёзных нареканий со стороны эксплуатантов [19].

Всё это выгодно отличает южнокорейских производителей от конкурентов из Пакистана, Болгарии и других. При сравнительно невысокой стоимости производства, южнокорейские концерны практически безальтернативные поставщики оборонно-промышленного комплекса. В первую очередь, наиболее релевантным товаром представляются артиллерийские системы, снаряды (главным образом, 105 и 155 мм) и комплектуемые к ним [20]. В текущих условиях, ракетная техника (артиллерийская и противовоздушная) — это один из приоритетов поставок из Сеула в интересах Вашингтона и его союзников [21].

На фоне существующего дефицита бронетехники после начала помощи Украине, вполне возможны массовые закупки и южнокорейских образцов данного вида вооружения [22]. Оборонные производители РК предоставляют значительный набор образцов и имеют ряд уже выполненных массовых экспортных контрактов по данной теме, включая крупные поставки основных боевых танков в Польшу и другие страны.

Единый источник поставок может решить вопрос дестандартизации в НАТО, который проявился в ходе специальной военной операции и поставок вооружений на Украину. При этом, логистика переброски будет проходить в районах с высоким трафиком морских грузоперевозок, что, в свою очередь, осложнит отслеживание со стороны средств наблюдения вероятного противника.

Особо следует рассмотреть интересы Сеула, связанные с углублённым сотрудничеством с Вашингтоном. Прежде всего, нужно исходить из анализа внешних угроз, декларируемых руководством Южной Кореи [23]. Соответственно, политический вопрос состоит в совпадении взглядов руководства США и РК на угрозы. В первую очередь, речь идёт о противопоставлении стратегическим вызовам, исходящим КНДР, которая наращивает собственный потенциал баллистических ракет различной дальности. Соответственно, наиболее интересующим Сеул видом вооружений будут системы противовоздушной и противоракетной обороны.

Прежде всего, — это поставки систем «Пэтриот» (*Patriot*) в обеих возможных модификациях [24]. Вполне вероятно также локализация производства вооружений на южнокорейских предприятиях. Естественным, что предполагается не только выпуск пусковых установок или ракет, но и вся цепочка производства, включая и средства наблюдения, и наведения, входящие в данный ракетный комплекс. Однако подобные шаги требуют согласия высшего политического руководства США и законодательных органов и их согласование, а это, по всей вероятности, займёт много времени.

Другим важнейшим видом вооружений, приоритетным для Сеула можно назвать средства разведки, радиоэлектронной борьбы, наблюдения за воздушной

и надводной обстановкой. Потребность в данном виде оснащения войск обусловлена как наличием стратегического вооружения у Пекина и Пхеньяна, так и возможностью применять асимметричные видов поражения. К ним можно отнести БПЛА-камикадзе («Герань-2»), гиперзвуковые модули, безэкипажные катера, тяжёлые подводные дроны [Скиба, Кузьмин, 2021: 104–114].

В данную позицию входят самолёты ДРЛО (дальнего радиолокационного обнаружения), тяжёлые разведывательные беспилотные летательные аппараты и специализированные противолодочные авиационные комплексы [19]. Все вышеперечисленное требуется не только для возможного противодействия КНДР, но и балансирования с растущими возможностям ВМФ НОАК [Степанов, 2023].

Подобного рода оснащение (разведывательное и ракетное) может быть также локализовано в производстве на территории Южной Кореи, что позволит США диверсифицировать поставки вооружений и в интересах Вашингтона, и его союзников. Данная ситуация связана с тем, что количество площадок для создания разведывательных комплексов и систем ПВО и ПРО ограничено.

Отдельно следует отметить инвестиционную составляющую во взаимоотношениях Сеула и Вашингтона. Такая ситуация связана с тем, что вряд ли можно мобилизовать ряд сегментов американской промышленности в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Ожидается, что военно-политическое руководство США будет вкладывать средства в оборонно-промышленный комплекс Южной Кореи, чтобы удовлетворить потребности в оборонном производстве со стороны США и их союзников.

Во многом, речь идёт о противостоянии в военно-экономической сфере с КНР, поскольку Пекин демонстрирует в ряде отраслей ОПК практически полное доминирование. Примером может служить производство китайских гражданских и промышленных БПЛА, противопоставление которым в условиях современных боевых действий выглядит необходимым [25].

Разработка и дальнейший выпуск военной электроники в Южной Корее служит интересам Сеула и Вашингтона, поскольку повышает технологический суверенитет относительно китайских производителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует отметить, что углубление военно-технического сотрудничества Республики Корея и США выглядит логичным и насущным шагом в двусторонних отношениях в области обороны и безопасности. Оно обусловлено внутренними потребностями и внешними вызовами для обеих стран. Кроме очевидного вынужденного момента в данном вопросе совместной работы Сеула и Вашингтона, существует и взаимная выгода от расширения кооперации в военно-техническом сотрудничестве.

Вместе с тем, нельзя отрицать, что есть объективные препятствия в оборонно-промышленном комплексе, в частности и в экономике двух стран в целом. Наибо-

лее фундаментальной проблемой можно назвать переход от экономики, где производство занимает незначительный сегмент и не определяет её развитие в долгосрочной перспективе, к новой экономической, социальной и политической системе, где промышленность займёт более весомое место.

В любом случае, от Вашингтона и Сеула требуется пересмотр собственной экономической и военно-политической стратегии, и данное обстоятельство выглядит неизбежным условием углубления сотрудничества двух стран. Однако и США, и Республика Корея будут вынуждены преодолеть многие административные и внутриполитические препоны.

ИСТОЧНИКИ

1. 2022 National Defense Strategy of the United States, including the 2022 Nuclear Posture Review, and the 2022 Missile Defense Review. Available at: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (accessed 15.05.2024).

2. The Military Balance 2022 The annual assessment of military capabilities and defence economics of 171 countries worldwide. It is an essential resource for those involved in security policymaking, analysis and research. Available at: <https://books.google.ru/books?id=vOFeE-AAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (accessed 01.05.2024).

3. C. Todd Lopez DOD Report: Consolidation of Defense Industrial Base Poses Risks to National Security. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2937898/dod-report-consolidation-of-defense-industrial-base-poses-risks-to-national-sec/> (accessed 01.02.2024).

4. The National Military Strategy of the United States of America, 2015. Available at: https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2015_National_Military_Strategy.pdf (accessed 30.04.2024).

5. Wooyeal PAIK, South Korea’s Emergence as a Defense Industrial Powerhouse, 2024. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_paik_south_korea_defense_2024.pdf (accessed 01.05.2024).

6. Ships built by country of building, annual. Available at: <https://unctad-stat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=89493> (accessed 22.04.2024).

7. 2019 Korea Defense Products Guide. Available at: https://www.kotra.or.kr/kodits/upload_file/promotion/2019%20Korea%20Defense%20Products%20Guide.pdf (accessed 12.04.2024).

8. Constellation Frigate Delivery Delayed 3 Years, Says Navy. Available at: <https://news.usni.org/2024/04/02/constellation-frigate-delivery-delayed-3-years-says-navy> (accessed 15.05.2024).

9. Oliver Hazard Perry-class frigate. Available at: <https://shipshub.com/classes/17-1.html> (accessed 15.05.2024).

10. Ticonderoga-class cruiser. Available at: <https://shipshub.com/classes/3-1.html> (accessed 15.05.2024).
11. Freedom-class littoral combat ship. Available at: <https://shipshub.com/classes/9-1.html> (accessed 15.05.2024).
12. Independence-class littoral combat ship. Available at: <https://shipshub.com/classes/16-1.html> (accessed 15.05.2024).
13. Arleigh Burke-class destroyer. Available at: <https://shipshub.com/classes/153-2.html> (accessed 15.05.2024).
14. Dokdo-class amphibious assault ship. Available at: <https://shipshub.com/classes/88-2.html> (accessed 15.05.2024).
15. America-class amphibious assault ship. Available at: <https://shipshub.com/classes/10-1.html> (accessed 15.05.2024).
16. Shipbuilding industry in South Korea stands strong on global footing. Available at: <https://asiafundmanagers.com/us/shipbuilding-industry-in-south-korea-stands-strong-on-global-footing/> (accessed 10.05.2024).
17. Jong Chul Choi, South Korea. Available at: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/books/SIPRI98Singh/SIPRI98Singh06.pdf> (accessed 10.05.2024).
18. Airworthiness Certification of Unmanned Aerial System. Available at: https://eda.europa.eu/docs/default-source/events/mac2017/3-7_certification-of-unmanned-aerial-system---rok.pdf (accessed 10.05.2024).
19. U.S.-South Korea Alliance: Issues for Congress. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11388> (accessed ARA) Program Proposed Cancellation: Background and Issues for Congress. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/weapons/IF12592.pdf> (accessed 23.05.2024).
20. Sang-Hun, Ch. They're Exporting Billions in Arms. Just Not to Ukraine, Available at: <https://www.nytimes.com/2023/03/05/world/asia/ukraine-south-korea-arms.html> (accessed 10.05.2024).
21. Tsukanov, I. What Kinds of Weapons Does South Korea Produce and Export? Available at: <https://sputnikglobe.com/20230926/what-kinds-of-weapons-does-south-korea-produce-and-export-1113695688.html> (accessed 10.05.2024).
22. Axe, D. Ukraine Is Mobilizing Tens Of Thousands Of New Troops. They Need A Lot More Armored Vehicles. Available at: <https://www.forbes.com/sites/davidaxe/2024/05/21/ukraine-is-mobilizing-tens-of-thousands-of-new-troops-they-need-a-lot-more-armored-vehicles/?sh=78fed5181fe5> (accessed 23.05.2024).
23. Yoon government releases first security strategy paper, Available at: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2023/06/07/national/politics/Korea-National-Security-Strategy-Yoon-Suk-Yeol/20230607184116614.html> (accessed 23.05.2024).
24. Merkezi, H. ROK To Acquire 64 Patriot PAC-3 MSE Missiles. Available at: <https://www.c4defence.com/en/rok-to-acquire-64-patriot-pac-3-mse-missiles/> (accessed 23.05.2024).

25. Butler, A. Russia files hundreds of drone patents as ‘global arms race’ ramps up. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/drones-ukraine-russia-war-b2534756.html> (accessed 23.05.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Карпович А.В., Чернышев Ю.М., Выполнение огневых задач с беспилотным летательным аппаратом типа квадрокоптер – Санкт-Петербург: Первый ИПХ, 2022 – 104 с.

Сильников М.В., Баканеев С.А., Карпович А.В., Орлов С.А., Чернышев Ю.М., Курс артиллерии для оператора воздушной разведки – Санкт-Петербург: Первый ИПХ, 2022 – 364 с.

Брятинский М.Б. Все танки СССР. Самая полная энциклопедия. – М.: Яуза, 2012. – 509 с.

Богданов К., Кобринская И. Контроль над обычными вооружениями в Европе: кризис и перспективы его преодоления. *Пути к миру и безопасности*. 2023. № 2 (65). С. 169-182. DOI: <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2023-2-169-182>

Красова Е. В., Москальонова А. А. Демографический кризис в Республике Корея: история, специфика, перспективы. *Азия и Африка сегодня* – 2023. №11 С. 71–79. Available at: <https://asaf-today.ru/S032150750028612-5-1> (accessed 24.05.2024). DOI: 10.31857/S032150750028612-5

Скиба В.А., Кузьмин А.А. Анализ методов и средств противодействия беспилотным летательным аппаратам в интересах Ракетных войск стратегического назначения. *Военная Мысль*. 2021. № 11. С. 104–114.

Степанов А.С. Развитие военно-морского флота Китая на фоне современного расклада сил в АТР. *Россия и Америка в XXI веке*. 2023. № 3. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760029212-0-1/>. DOI: 10.18254/S207054760029212-0

REFERENCES

Hadlow, M., Pryor, C. Japan’s Defense Exports: “Three Years of Sitting on a Stone”, Available at: https://pacforum.org/wp-content/uploads/2019/02/issuesinsights_Vol.-18-WP2_Japan-defense-exports.pdf (accessed 01.05.2024).

Teo, V. Japan’s Weapons Transfers to Southeast Asia: Opportunities and Challenges. *Yusuf Ishak Institute Perspective*. 2021. № 70. Pp. 9–14.

Japanese Patriot Missile Systems May Soon Arrive in Ukraine After Recent Losses to Russian Strikes: U.S. Arsenal Stretched Too Thin For New Transfers, Available at: <https://militarywatchmagazine.com/article/japanese-patriot-ukraine-divert> (accessed 01.05.2024).

Karpovich, A.V., Chernyshev, Yu.M. Vypolnenie ognevykh zadach s bespilotnym letatel'nyy apparatom tipa kvadrokopter [Performing fire missions with an unmanned aerial vehicle of the quadrocopter type] (In Russ.). – St. Petersburg: Pervyi IPKh, 2022 – 104 p.

Silnikov, M.V., Bakaneev, S.A., Karpovich, A.V., Orlov, S.A., Chernyshev, Yu.M., Kurs artillerii dlia operatora vozduzhnoi razvedki [Artillery course for an aerial reconnaissance operator] (In Russ.). St. Petersburg: Pervyi IPKh, 2022. 364 p.

Baryatinsky, M.B. Vse tanki SSSR. Samaia polnaia entsiklopediia [All tanks of the USSR. The most complete encyclopedia] (In Russ.). Moscow, Yauza, 2012. 509 p.

Bogdanov, K., Kobrinskaya, I. Kontrol' nad obychnymi vooruzheniiami v Evrope: krizis i perspektivy ego preodoleniia [Conventional arms control in Europe: crisis and prospects for recovery] (In Russ.). *Pathways to Peace and Security*. 2023. No 2 (65). P. 169–182. DOI: <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2023-2-169-182>

Krasova, E.V., Moskalyonova, A.A. Demograficheskii krizis v Respublike Koreia: istoriia, spetsifika, perspektivy [Demographic Crisis in the Republic of Korea: History, Specifics, Perspectives] (In Russ.). *Asia and Africa today*. 2023. № 11 Pp. 71–79. DOI: 10.31857/S032150750028612-5

Skiba, V.A., Kuzmin, A.A. Analiz metodov i sredstv protivodeistviia bespilotnym letatel'nykh apparatam v interesakh Raketnykh voisk strategicheskogo naznacheniia [Analysis of methods and means of countering unmanned aerial vehicles in the interests of strategic Missile forces] (In Russ.). *Military Thought*. 2021. No. 11. pp.104–114.

Stepanov, A.S. Razvitie voenno-morskogo flota Kitaia na fone sovremennogo raspk-lada sil v ATR [Chinese Naval Expansion against the backdrop of the current balance of power in the Asia-Pacific] (In Russ.). *Russia and America in the 21st Century*. 2023. No. S. 3. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760029212-0-1/>. DOI: 10.18254/S207054760029212-0

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ШКРОБТАК Игорь Олегович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела военно-политических исследований Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).
Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Igor O. SHKROBTAK. Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of Military and Political Research. Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKРАН).
2/3, Khleby per., Moscow 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 25.05.2024 / Received 25.05.2024.

Статья поступила после рецензирования 07.06.2024 / Revised 07.06.2024.

Статья принята к публикации 21.06.2024 / Accepted 21.06.2024.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673024080098

EDN: XEMLNG

«Мягкая» война биотехнологий: Республика Корея и США

Л.И. Сёмина

*Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН).
Российская Федерация, 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32.*

РИИЦ ID: 4637-6432

ORCID: 0000-0003-4413-3086 E-mail: semina@iccaras.ru

Резюме: Республика Корея стремится стать одним из ведущих игроков на мировом рынке биотехнологий, выделив эту отрасль в стратегическую, страна постоянно наращивает и привлекает инвестиции в неё. Однако экономическое противостояние США и Китая ставит Корею в зависимое положение, вынуждая направлять средства в экономически невыгодные американские проекты и отказываться от выгодного партнёрства с КНР. Тесное сотрудничество США и Республики Корея в сфере биотехнологий позволяет Америке контролировать потенциальный рост Кореи, не позволяя ей стать конкурентом в будущем.

Ключевые слова: биотехнологии, Республика Корея, США, технологическое противостояние, экономическая война.

Для цитирования: Сёмина Л.И. «Мягкая» война биотехнологий: Республика Корея и США. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(8): 94–102.
DOI: 10.31857/S2686673024080098 EDN: XEMLNG

The Soft War of Biotechnology: The Republic of Korea and the United States

Lada I. Semina

*Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.
32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation.*

РИИЦ ID: 4637-6432

ORCID: 0000-0003-4413-3086 E-mail: semina@iccaras.ru

Abstract: The Republic of Korea is striving to become one of the leading players in the global biotechnology market by announcing the industry as strategic, constantly increasing and attracting investments. However, the economic confrontation between the United States and China puts the country in a dependent position, forcing it to invest in economically unprofitable American projects and abandon a profitable partnership with China. The close cooperation between the United States and the Republic of Korea in the field of biotechnology allows America to control the potential growth of the Republic of Korea, preventing it from becoming a competitor in the future.

Keywords: biotechnology, Republic of Korea, USA, technological confrontation, economic war.

For citation: Semina, L.I. The Soft War of Biotechnology: The Republic of Korea and the United States. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2024; 00(00): 94–102.

DOI: 10.31857/S2686673024080098 EDN: XEMLNG

ВВЕДЕНИЕ

Биотехнологии – одно из самых экономически эффективных направлений развития [1,2]. В 2023 году объём мирового рынка биотехнологий оценивался в 1,38 трлн долл., а к 2033 году ожидается рост до 4,25 трлн долл. [3]. Инвестиции в отрасль гарантируют активный прогресс в критически важных отраслях – сельском хозяйстве, пищевой промышленности, здравоохранении, химической промышленности, энергетике, экологии и т.д. Основная доля рынка биотехнологий приходится на фармакологию – 42%, за ней следует промышленное применение – 24%, сельское хозяйство – 21%, услуги – 7% и информационные технологии – 7% [3]. Примечательно, что опора на биотехнологии в фармакологии – одно из самых перспективных направлений, так как создать аналоги разработанных таким методом препаратов практически невозможно, либо слишком затратно. Тем самым, разработчик становится монополистом и может получать максимальную экономическую выгоду при выходе на международные рынки. Учитывая доминирующую долю фармакологии и её стратегическое значение для Республики Корея, основной предмет данного исследования – биофармакология.

Республика Корея (РК) и США давние партнёры и союзники, в том числе и в сфере биотехнологий. Однако для каждой из этих стран данная отрасль является стратегической и предполагается, что она выступит драйвером дальнейшего экономического роста. Несмотря на тесную кооперацию, есть высокая вероятность стать конкурентами в этой сфере, поэтому важно оценить позиции обоих государств и сделать выводы, существуют ли уже признаки «мягкой» экономической войны, когда одна из сторон тормозит продвижение другой. Термин «мягкая» применим здесь в противовес активному экономическому противостоянию США и Китая, а также создаёт проблему в заявленном сотрудничестве двух государств.

БИОТЕХНОЛОГИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ И ЛИДЕРСТВО США

Республика Корея объявила биотехнологии и, в частности, биофармакологию – стратегической отраслью для развития страны. В марте 2023 года был опубликован пятилетний план, цель которого вывести РК на 6-е место среди лидеров фармакологии и биотехнологий [4]. Дополнительным стимулом для увеличения инвестиций и повышения внимания к отрасли послужила пандемия коронавируса, которая повысила спрос на биотехнологии в сфере здравоохранения.

К 2030 году страна планирует увеличить производственные мощности до 77 млрд долл., а экспорт вывести на ежегодный уровень в 50 млрд долл. Правительство возьмёт на себя ведущую роль в создании пяти базовых инфраструктурных объектов к 2028 году, включая завод по созданию биотехнологий с исследовательскими и производственными мощностями и государственную станцию сбора биоданных, чтобы помочь компаниям пережить цифровую трансформацию на уровне производственного процесса. В течение следующего десятилетия государство направит финансовую поддержку на создание 12 ключевых видов биотехнологий, в числе которых редактирование генов, терапия стволовыми клетками, органоиды и наука о мозге. По заявлению Министерства науки и информационно-коммуникационных технологий, на 2023 год было выделено 400 млрд вон на проекты, призванные помочь Южной Корее стать одной из ведущих стран мира в биосекторе. В ближайшие годы объём капиталовложений будет увеличен. [5] Однако растущая зависимость Южной Кореи от США, которые стремятся сохранить своё лидерство в данной отрасли, может привести к негативным для РК последствиям и затормозить ожидаемый рост.

Производство биотехнологической отрасли в 2001 году оценивалось в РК всего в 1,4 трлн вон, из которых 41% приходился на биофармакологию. За последующие десять лет уровень производства достиг 6,4 трлн вон, а в 2021 году составил уже 21 трлн вон. При этом доля биофармакологии сокращалась параллельно росту: в 2011 году – 38%, в 2021 году – 28%. Из 11,86 трлн вон (2021 год) в экспорте биотехнологий только 30% приходится на биофармакологию. Действительно, пандемия коронавируса послужила стимулом для увеличения экспорта, и биофармакология занимает существенную долю в производстве и в экспорте РК, однако темпы роста биотехнологий оцениваются в среднем в 17,8% в год за пятилетний период с 2016 года, в то время как биофармакологии – 11,7%. [4]

МИРОВОЙ РЫНОК БИОТЕХНОЛОГИИ

Лидерство в сфере биотехнологий принадлежит США по доле рынка и по рейтингу биотехнологических инноваций (*Biotechnology innovation score*), где США занимают 1-е место с 80 баллами из 100 [6]. Однако самым быстрорастущим регионом в этой сфере является Азиатско-тихоокеанский регион (АТР), на который приходится 24% рынка (на Северную Америку – 38%, на Европу – 29%, 2023 год). Благодаря активным темпам роста, оцениваемым в 12,7% на ближайшие 10 лет [3], и увеличивающимся инвестициям, АТР становится потенциальной угрозой для лидерства Америки. Республика Корея занимает лишь 24-е место по рейтингу биотехнологических инноваций с 42 баллами, но 1-е место по фондированию данной отрасли (8,3 балла из 10), учитывая хорошо развитые порты, инфраструктуру, электроснабжение и государственные и частные инвестиции. При этом, у США всего 7,14 баллов по данному показателю (9-е место) [6]. Таким образом, у

Республики Корея большой потенциал для развития и активно растущее финансирование отрасли, которое обеспечивает высокие темпы роста. К примеру, имея всего 1,5% мирового рынка фармацевтической продукции, темпы роста РК – 10% в год, США – 3,5% [7]. Угрозу американскому лидерству замечают и сами американские учёные, во-первых, принимая во внимание опыт Великобритании, потерявшей своё лидерство первопроходца в области химии анилиновых красителей во второй половине XIX века, во-вторых, отмечая сильные и нарастающие позиции Китая и Республики Корея [8]. Политика США по сдерживанию КНР в перспективе может реализоваться и в отношении Республики Корея, но не в столь открытой форме, так как Америка создаёт альтернативные рычаги воздействия на РК.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Республика Корея, имея ограниченный внутренний рынок и природные ресурсы, значительно зависит от внешних рынков. Для сохранения экономической безопасности, РК всегда следовала взвешенной стратегии диверсификации, активного участия в международном партнёрстве. Показателен пример сотрудничества с Японией в начале 2000-х годов в разработке литий-ионных аккумуляторов, которое стало драйвером для данной отрасли в Южной Корее. Экономическую безопасность сотрудничества обеспечивало преобладание совместных изобретений, что, по сути, означало привлечение японских инженеров к разработке в южнокорейских компаниях, таким образом уменьшались потенциальные проблемы с ограничениями на патенты. При этом, в те годы 20% патентов в отрасли были совместными [9]. Подобная стратегия быстрого догоняющего развития была принята и для биотехнологий: Республика Корея стремится к кооперации с ведущими разработчиками и исследователями в данной отрасли, параллельно ведя собственные разработки. Однако уже во время пандемии данная стратегия стала давать сбой и играть против экономической выгоды РК. По отработанной схеме страна заключила соглашения с основными разработчиками вакцин для их производства на территории страны и дальнейшей продажи третьим странам. Параллельно с этим Южная Корея вела разработку собственных вакцин от коронавируса. Стоит отметить, что РК следовала правилу диверсификации и подписала соглашения как с американскими и европейскими компаниями, так и с российским разработчиком «Спутника V». В теории это оптимальный вариант – пока велись собственные разработки, Корея могла производить, применять и экспортировать уже существующие одобренные вакцины. При этом перебои с поставками компонентов снижались за счёт диверсификации по странам-разработчикам. Однако, в виду политической обстановки, применение российской вакцины не было одобрено на территории страны, было разрешено производить её только на экспорт. Когда произошёл сбой с поставкой компонентов для западных вакцин, что привело к нехватке препарата в пик пандемии, альтернативы, по сути,

не оказалось. При этом собственные разработки так и не были применены во время пандемии, а основную прибыль получили западные партнёры. Стоит отметить, что в модели сотрудничества РК с США и европейскими разработчиками, характерной чертой является сохранение зависимости от разработчика и поставок компонентов. Российская сторона предлагала более автономный вариант кооперации, при котором Южная Корея не зависела от поставок из России. Таким образом, возникают опасения, что зависимое положение Республики Корея в сотрудничестве с США может помешать реализации отработанной схемы развития за счёт кооперации (по примеру разработки литий-ионных аккумуляторов) и диверсификации.

КООПЕРАЦИЯ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

По мере усиления экономического противостояния между США и Китаем, Южная Корея была вынуждена балансировать между двумя своими ключевыми торговыми партнёрами. Однако с приходом к власти президента Юн Сок Ёля, стал очевидно сближение с Америкой. Республика Корея и США намерены укреплять сотрудничество в сфере перспективных технологий, включая биотехнологии, искусственный интеллект, полупроводники, производство аккумуляторов и энергетику. Страны решили расширить поддержку совместных исследовательских проектов Министерства науки и информационно-коммуникационных технологий Республики Корея и американского Национального научного фонда. Они намерены инвестировать по меньшей мере 10 млн долл. в поддержку сотрудничества в сфере исследования биотехнологий [10]. В 2021 году было анонсировано, что Южная Корея инвестирует 40 млн долл. для создания промышленной и научно-исследовательской базы США. Кроме того, «Самсунг биолоджик» (*Samsung Biologics*) открывает офисы продаж в Бостоне и Нью-Джерси и планирует построить заводы в США и Европе. Южнокорейская компания «Борёнг» инвестировала в 2022 году 60 млн долл. в американскую космическую компанию «Эксиом спейс» (*Axiom Space*), а во время визита Юна было подписано соглашение между компаниями о создании совместного венчурного предприятия, при этом доля «Борёнг» составила 51 % [11].

Республика Корея вынуждена вступить в скрытое противостояние с США в сфере биотехнологий и учитывать негативные последствия американской политики в этой области, несмотря на заявленные партнёрские отношения между странами. РК была втянута в технологическое и экономическое противостояние США и Китая, которые являются основными торговыми партнёрами Сеула. Политика Вашингтона негативно сказывается на экономике Республики Корея, вынуждая южнокорейских производителей отказываться от китайских поставщиков. Американское правительство потребовало от южнокорейских партнёров обеспечить независимость от китайских поставщиков в сфере биотехнологий, которая была названа стратегической. При этом компании РК вынуждены искать

замену относительно дешёвым китайским комплектующим и сырьём, что выливается в излишние издержки и росте цены конечной продукции. Отказ от китайских компонентов в сфере биотехнологий неизбежно приводит к повышению стоимости южнокорейских продуктов и снижению их конкурентоспособности. Но есть и положительный эффект – стимул для локализации производства компонентов, сырья и оборудования для отрасли. Правительство Южной Кореи планирует увеличить долю самообеспечения с 5% до 15% к 2030 году [12]. Но текущие 5% говорят о том, что пока РК сильно зависит от импорта сырья, и форсированный Америкой переход на локализацию будет экономически затратным.

Другим возможным негативным последствием такой неравноправной кооперации с США является социальная нестабильность в Республике Корея. Инвестиции РК в США позволяют создать дополнительные рабочие места в Америке, но они неконкурентоспособны по цене и экономически обременяют Южную Корею. Это происходит на фоне высокого уровня безработицы среди молодёжи внутри самой Кореи (6,4% в марте 2024 года) [13]. При открытии южнокорейских заводов на территории США есть вероятность повторения возмущений профсоюзов, которые играют значительную политическую роль в стране.

Технологическая зависимость от США заставляет правительство РК соглашаться на экономически невыгодные условия сотрудничества. Южнокорейский бизнес опасается, что закон «О снижении инфляции» США сделает их инвестиции в эту страну убыточными. Тем более нет уверенности, что при другом президенте в текущем году договорённости не изменятся. Вызывает опасения и уже имеющийся прецедент со строительством АЭС в Польше, когда американская компания «Вестингауз» (*Westinghouse*) подала иск против южнокорейской компании «Кориа гидро энд нуклеар пауер» (*Korea Hydro & Nuclear Power*), которая должна была участвовать в проекте в Понтуве, за использование интеллектуальной собственности американской компании в реакторе, который должны были установить. Это касается и других потенциальных южнокорейских проектов и в Саудовской Аравии, и в Чехии. [14]

Подобное тесное сотрудничество США и Республики Корея в сфере биотехнологий усиливает напряжение на Корейском полуострове, как, например, совместная программа противодействия биоугрозам *JUPITR*. КНДР обвинила данный проект в подготовке к биологической войне [15]. Кроме внешней дестабилизации *JUPITR* вызывает беспокойство и внутри страны, заставляя население и научное сообщество опасаться за здоровье граждан, ссылаясь на пример Индии, когда в 1984 году произошла смертельная утечка газа на американском заводе в г. Бхопал и на смерть 6 тыс. овец недалеко от биологической лаборатории в пустыне Юты (США), где были найдены следы нервно-паралитического вещества [16].

Республика Корея становится американской базой для проведения клинических испытаний в Азии. С одной стороны, это может иметь положительный эффект для экономики страны, как для пополнения баз данных, получения быстрого доступа к последним разработкам, увеличения прибыли. С другой стороны,

такая концепция опять же вызывает опасения населения страны и дестабилизацию в обществе.

Учитывая, что самый большой рынок фармацевтической продукции по объёму продаж в денежном эквиваленте принадлежит США (более 42%, 2022 год) [17], именно они являются самым выгодным импортёром данной продукции для РК. Совокупный рынок Евросоюза обгоняет по объёму Китай, который находится на втором месте (7,6%, 2022 год). Третье место по объёму рынка занимает Япония (4,5%, 2022 год). Таким образом, для Кореи необходимо выйти именно на эти рынки, поэтому политика по сотрудничеству и организации производства в географической близости от потенциальных потребителей, безусловно, оправдана. Однако, высокая стоимость производства на территории США и зыбкость договорённостей в зависимости от действующей власти, вызывает сомнение в экономической рентабельности.

Начавшееся снижение зависимости от Китая необходимо РК в текущей геополитической ситуации. При этом Южная Корея всё-таки следует стратегии сохранения связей при одновременном поиске альтернативы. Такая политика обеспечит стране большую экономическую безопасность. Кроме того, тесные связи с США увеличивают инвестиционную привлекательность южнокорейской отрасли биотехнологий, для многих инвесторов это гарантия надёжности. Так, когда было анонсировано производство американской вакцины *Novavax* и европейской *AstraZeneca*, акции южнокорейской компании *SK Bioscience* выросли на 160% [18].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие биотехнологий РК в будущем может стать угрозой для первенства США в данной отрасли. Республика Корея будет конкурировать с Америкой, особенно на рынках Юго-восточной Азии и Африки. Активная международная позиция Южной Кореи и её участие в различных организациях ускоряет процесс международного признания в сфере биотехнологий и усиливает бренд страны, как лидера индустрии. Республика Корея организует ряд образовательных программ для развивающихся стран в рамках своей стратегии по лидерству в сфере биомедицины, это повышает её позиции в данных регионах и говорит о потенциальной конкуренции с США там в дальнейшем. Цена производства и логистики для Юго-Восточной Азии более конкурентоспособна в РК, чем в США, таким образом, опять же может появиться повод для противостояния биотехнологий двух стран в третьих странах. Имея ряд потенциальных конкурентных областей, развитие «мягкой» войны в сфере биотехнологий между Республикой Корея и США неизбежно. Поэтому РК следует взвешенно подходить к партнёрству с Америкой и сохранять политику по диверсификации и сохранять большую автономию стратегической отрасли для экономики.

ИСТОЧНИКИ

1. Tylecote, A. Biotechnology is a new techno-economic paradigm that will help drive the world economy and mitigate climate change. *Research Policy*. Volume 48, Issue 4, 2019, Pp. 858-868, ISSN 0048-7333.
2. Gazieva, L., Valeev, S., Anokhina, O. The role of biotechnology and biotechnology clusters in gloval and regional economy development. *BIO Web of Conferences*. 76. 2023. Available at: https://www.bio-conferences.org/articles/bio-conf/pdf/2023/21/bioconf_bchd2023_10004.pdf
3. Biotechnology market size to be worth around USD 4.25 trillion by 2033. *Precedence Research*. February 2024. Available at: <https://www.precedenceresearch.com/biotechnology-market> (accessed: 10.04.2024).
4. Ji-Eun Jung. Korea's Biotech Industry, Emerging as a Global Manufacturing Hub of Cutting-Edge Biotechnology. *Invest Korea*. 02.06.2023. Available at: https://www.investkorea.org/ik-en/bbs/i-308/detail.do?ntt_sn=490784 (accessed: 10.06.2024).
5. Boram, K. S. Korea to invest 400 bln won in 2023 to foster digital biotechnology. *Yonhap News Agency*. 07.12.2022. Available at: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20221207006900320?section=news> (accessed: 10.04.2024).
6. Biotechnology innovation scorecard: South Korea. *ThinkBiotech*. 2024. Available at: <https://www.thinkbiotech.com/globalbiotech/country/South+Korea> (accessed: 10.04.2024).
7. South Korea's Biotech Industry Clusters Overview. *PR Newswire*. 10.08.2022. Available at: <https://en.prnasia.com/lightnews/lightnews-0-109-44535.shtml> (accessed:10.04.2024).
8. Safeguarding the Bioeconomy. *National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine*. 2020. Washington, DC: The National Academies Press. <https://doi.org/10.17226/25525>. Available at: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK556429/pdf/Bookshelf_NBK556429.pdf (accessed:10.06.2024).
9. Peiseler, L., Ye Lin Jun, Schmid, N., Waidelich, P., Malhotra, A., Schmidt, T. Globalising innovation through co-inventions – the success case of the Korean lithium-ion battery industry. *Environ. Res. Lett.* 19 034025. 20.02.2024.
10. Южная Корея и США намерены укреплять сотрудничество в сфере новых технологий. ТАСС. 09.12.2023. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/19497563> (accessed:10.04.2024).
11. Kyung-Ju Kang. Boryung, Axiom Space launch joint venture in Korea. *The Korea Economic Daily*. 11.01.2024. Available at: <https://www.kedglobal.com/aerospace-defense/newsView/ked202401110008> (accessed:10.04.2024).
12. Oh Seok-min. S. Korea to designate biopharma as nat'l strategic industry, double bio exports by 2030. *Yonhap News Agency*. 19.07.2023. Available at: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230719004600320> (accessed:10.04.2024).

13. Южная Корея – Уровень безработицы. *Trading Economics*. Available at: <https://ru.tradingeconomics.com/south-korea/unemployment-rate> (accessed:10.04.2024).

14. Зуева А.Г. Современные вызовы экономического сотрудничества РК и США. *Проблемы Дальнего Востока*. 2023, № 1, С. 96–105. DOI: 10.31857/S013128120024220-3.

15. КНДР: создание в Южной Кореи биохимической лаборатории США усиливают волю нашей армии к возмездию. *Царьград*. 02.08.2016. Available at: https://tsargrad.tv/news/kndr-sozdanie-v-juzhnoj-koree-biohimicheskoy-laboratorii-ssha-usilivajut-volju-nashej-armii-k-vozmездiju_19543

16. Yang Han. Anger grows in South Korea over US-run labs. *China Daily*. 20.04.2022. Available at: <https://www.chinadailyhk.com/hk/article/268392> (accessed:10.04.2024).

17. Market share of leading 10 national pharmaceutical markets worldwide in 2022. *Statista*. 22.05.2024. Available at: <https://www.statista.com/statistics/245473/market-share-of-the-leading-10-global-pharmaceutical-markets/> (accessed: 10.06.2024).

18. Youkyung Lee. AstraZeneca vaccine manufacturer SK Bioscience pops 160% in trading debut. *Fortune*. 18.03.2021. Available at: <https://fortune.com/2021/03/17/sk-bioscience-ipo-stock-astrazeneca-vaccine-covid-manufacturer/> (accessed:10.06.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕМИНА Лада Игоревна, старший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН).
Российская Федерация, 117977 Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

Lada I. SEMINA, Senior Researcher, Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).
32, Nakhimovskiy Av., Moscow 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 13.06.2024 / Received 13.06.2024.

Поступила после рецензирования 27.06.2024 / Revised 27.06.2024.

Статья принята к публикации 11.07.2024 / Accepted 11.07.2024.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673024080102

EDN: XEHLLS

Интересы американского корпоративного сектора в условиях фрагментации мировой экономики и конфликта с Россией

В.О. Козлов

Институт США и Канады имени академика Г.А. Арбатова

Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, 2/3.

Researcher ID ABI-1581-2020

РИНЦ ID 1028443

ORCID: 0000-0002-6874-3965

e-mail: kozlov-vadm@yandex.ru

Резюме: Изучение стратегий американских компаний после 24 февраля 2022 года на российском рынке занимает особое место в исследованиях российских американистов и международников. В статье исследуются основные стратегии деятельности американских компаний на российском рынке в 2022 – 2024 годы, их основные проблемы и возможности продолжения деятельности в современных геополитических условиях. Как показывает анализ, бизнес американских компаний в России следовал по нескольким разным траекториям: выход с рынка, приостановка деятельности, сворачивание инвестиций, откладывание процесса ухода с российского рынка и сохранение деятельности. В статье рассматриваются разные опции продолжения бизнеса американских компаний в России, анализируются причины и последствия их ухода в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Заключительный раздел работы посвящён перспективам продолжения работы американского бизнеса на российском рынке.

Ключевые слова: корпорации, экономика США, санкции, американско-российские отношения, перспективы.

Для цитирования: Козлов В.О. Интересы американского корпоративного сектора в условиях фрагментации мировой экономики и конфликта с Россией *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(8): 103–109. DOI: 10.31857/S2686673024080102 EDN: XEHLLS

The Interests of the American Corporate Sector in the Context of Fragmentation of the Global Economy and Conflict with Russia

V.O. Kozlov

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,

Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khlebnyy per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Researcher ID ABI-1581-2020

РИНЦ ID 1028443

ORCID: 0000-0002-6874-3965

e-mail: kozlov-vadm@yandex.ru

Abstract: The study of the strategies of American companies on the Russian market since February 24, 2022, occupies a special place in the research of modern Americanists and international

experts. This is because no other country has experienced the Western "cancel culture" to the same extent as Russia. The article examines the main strategies adopted by American companies in 2021–2023, their main challenges and opportunities for continuing operations in modern geopolitical circumstances. As the analysis reveals, American business in Russia has taken several different paths: exiting the market, suspending operations, reducing investments, delaying the process of departure from the Russian market, and maintaining operations. The paper discusses various options for American companies to continue operating in Russia, analyzing the causes and effects of their withdrawal in the short and long terms. The final section of the paper is devoted to the prospects for the continuation of American businesses in the Russian market.

Keywords: corporations, the U.S. economy, sanctions, U.S. – Russian relations, prospects.

For citation: Kozlov, V.O. The Interests of the American Corporate Sector in the Context of Fragmentation of the Global Economy and Conflict with Russia. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(8): 103–109. DOI: 10.31857/S2686673024080102 EDN: XEHLLS

ВВЕДЕНИЕ

Проведение Специальной военной операции (СВО) на Украине в значительной степени оказало влияние на двусторонние и многосторонние отношения России с партнёрами по всему миру. Многие страны, в знак протеста, наложили всевозможные санкции на РФ, а иностранные компании стали выводить свои активы. В авангарде санкционной политики оказались Соединённые Штаты Америки, которые могли ввести их наиболее безболезненно ввиду не самой большой экономической связанности с Россией. Санкции носили как формальный, так и неформальный характер. Приостановка деятельности большего числа компаний была связана не с санкционными, а с репутационными рисками. Многие компании, опасаясь реакции правительств своих «материнских стран» и общественности покидали российский рынок. Как отмечает, российский исследователь И. Тимофеев, «санкционное цунами» в отношении России даёт колоссальный материал исследователям ограничительных мер [Тимофеев.2023: 223]. Однако частный бизнес США отреагировал по-разному на волну ограничений по целой совокупности причин, связанных с интересами самих компаний и с усложнением процесса выхода активов недружественных стран из РФ в 2022–2024 годы.

Автором провёл исследование, в котором проанализировал деятельность более 1500 компаний на территории РФ после событий 24 февраля. Для более полного и корректного отображения состояния бизнеса была использована система оценок из пяти категорий: «покинувшие рынок», «приостановившие расширение бизнеса», «свернувшие инвестиции», «сократившие бизнес», «сохранившие полную операционную деятельность».

СТРАТЕГИИ «ОСТАВШИХСЯ»

Стоит отметить, что, согласно статистике, наибольшее число компаний, покинувших российский рынок, являются именно американскими (32%). Из 456 ком-

паний США, представленных в списке, только 23 относятся к группе «сохранившие полную операционную деятельность» и не свернувшие свою работу в России: «Элайн технолоджи», «Марс», Эс-Эл-Кей, «Клаудфлэр», «Алькон», «Флиткор», «Гесс», «Хантсман корпорейшн», «Фрайдис», «Таппервэр» и другие.

В статусе «приостановившие расширение бизнеса» находятся 47 компаний. Большинство из них заморозили инвестирование в российский бизнес, однако в остальном изменений почти не было. Среди них такие известные производители товаров массового потребления, как «Колгейт - Палмолив», «Марс», «Проктер энд Гэмбл», «Сабвэй». В этот список также входят медицинские компании, производящие жизненно важные лекарства и медицинское оборудование, не подпадающее под санкционные ограничения со стороны американского правительства: «Пфайзер», «Джонсон и Джонсон» и др. Американская сеть отелей «Хилтон» также не стала покидать Россию, но приняла решение остановить строительство и открытие новых отелей [1].

К средней категории относятся 55 компаний. Они сократили свою деятельность до минимального уровня: прекратили инвестиции, перестали производить новые товары, приостановили сотрудничество с франчайзи в России, сократили штат и т.д. В этой группе находятся «Бургер Кинг», «Кока кола», «Джон Дир», «Дуолинго», «Дженерал электрик», «Пепсико» и другие. Формальный контроль над этими компаниями остаётся у американских собственников, но местный менеджмент обладает большой долей самостоятельности.

В «зелёной» зоне списка находятся компании, которые приостановили свою деятельность в России, их 165. Среди них такие гиганты, как «Виза», «Мастеркард», «Икс» (бывший «Твиттер»), «ПэйПал», «Парамаунт», «Дисней», «Майкрософт», «Интел», «Боинг», «Шеврон», «АйХерб» и другие. Эти компании заморозили свои активы и деятельность в России, но формально не покинули страну. Тем не менее их продукция по-прежнему используется в России и предоставляется, но лишь по каналам параллельного импорта. Особенная ситуация с компанией «Боинг», для которой был введён прямой запрет на обслуживание самолётов в России, в связи с чем компании пришлось закрыть свой инжиниринговый центр в Подмоскowie и полностью свернуть деятельность. Концерн даже вычеркнул Россию из планов по поставкам самолётов на ближайшие 20 лет, до 2041 года [2].

Самая большая группа, 166 компаний, представляют последнюю категорию – покинувшие (*withdrawal*). Это компании, которые ушли с российского рынка и больше не представлены на нём. Среди них много промышленных предприятий, Ай-ти и финансовых компаний: *Uber, Red Hat, McKinsey, Marsh McLennan, HP, IBM, Exxonmobil, Dell, BlackRock, American Airlines* и другие.

Стоит также отметить, что 31 января 2024 года «Форбс» представил рейтинг 50 крупнейших иностранных компаний в России за 2023 год. Восемь из них являются американскими и занимают третье («Филип Моррис интернэшнл»), четвёртое («Пепсико»), восьмое («Марс»), 11-е («Каргилл»), 18-е («Проктер энд Гэмбл»),

21-е («Мондэлис интернешнл»), 32-е («Джонсон и Джонсон»), 49-е (Эбботт лабораторис») места [3]. США – страна с наибольшим числом компаний в этом списке, на втором месте идёт Китай (шесть компаний).

Работа американского бизнеса в России в настоящее время сопряжена с существенными рисками. Как отмечает в исследовании политики санкций независимый исследователь Ю. Соколыщик, «Вашингтон продолжает политику принудительных мер, чтобы обеспечивать соблюдение санкционных режимов. Характерно, что, в связи с этим под удар попадают не только лица из третьих стран, но и американские граждане и компании» [Соколыщик, 2023: 203]. Штрафные санкции – наиболее популярная мера принудительного характера, которую применяют в отношении нарушителей санкционного режима, и предполагают, что объект для урегулирования ситуации берёт на себя обязательства по выплате штрафа, назначенного ведомством. Как отмечает Ю. Соколыщик, «интересно, что лидерами по попаданию под штрафы Министерства финансов США являются американские компании» [Соколыщик, 2023: 204].

Если учитывать, что 290 из 456 работавших до 2022 года в РФ американских компаний всё ещё присутствуют в стране, а многие покинувшие страну корпорации оставили себе возможность вернуться, то вполне можно ожидать, что после прекращения горячей фазы конфликта, они возобновят свою деятельность. Какова же стратегия тех компаний, что по разным обстоятельствам были вынуждены покинуть российский рынок.

СТРАТЕГИИ «УШЕДШИХ»

Формальные и неформальные санкции, а также страх имиджевых потерь на фоне сохранения бизнеса в РФ в период СВО вынудили многие американские компании, даже не входящие в подсанкционные отрасли, покинуть российский рынок.

Первой стратегией, которую использовали корпорации, стала передача бизнеса локальному менеджменту. Некоторые компании, ушедшие из России, продали свой бизнес местным предпринимателям. Согласно заявлениями СМИ, сделки по продаже активов предполагают право обратного выкупа, что позволит иностранным компаниям впоследствии вернуться на российский рынок под оригинальными брендами [4].

Одной из крупнейших американских компаний по товарообороту в России по состоянию на начало 2022 года была корпорация «Макдональдс». В марте 2022 года компания объявила о закрытии всех своих ресторанов в России. Спустя два месяца, 19 мая, она продала свой российский бизнес бывшему совладельцу угольной компании «Южкузбассуголь» из Новокузнецка Александру Говору, который управлял по франшизе 25 ресторанами «Макдональдс» в Сибири. После закрытия сделки сеть Говора увеличилась на 850 ресторанов и сменила название. До 24 февраля бизнес «Макдональдс» в России оценивали примерно в 77 млрд рублей, но после начала спецоперации оценка компании могла упасть до 35 млрд за счёт падения

рыночных котировок. За сколько в итоге сеть продали Говору, достоверно неизвестно, но он говорит, что купил рестораны за «символические» деньги [5].

В октябре 2022-го американский производитель бумаги «Сильвамо корпорейшн» продал за 420 млн долл. российскую «дочку» «Сильвамо корпорейшн Рус» менеджменту местного отделения корпорации. Владелец стала компания «Палп инвест», принадлежащая гендиректору «Сильвамо корпорейшн Рус» Тимуру Габидуллину. Сделка оформлена с учётом возможности обратного опциона.

Одной из наиболее пострадавших сфер экономического сотрудничества России и США стал стратегический консалтинг, такие ведущие корпорации этой отрасли – американские «Бостон консалтинг групп», «Маккинзи и кампани», «Бейн энд кампани». Российский топ-менеджмент международной консалтинговой компании «Маккинзи» выкупил локальный бизнес у глобальной сети. Новыми совладельцами ООО «Маккинзи и компания Си-Ай-Эс» стали российские управляющие партнёры «Маккинзи». Сумма сделки не раскрывается [6]. Открытая компания «Яков и партнёры» продолжает оказывать консалтинговые услуги в РФ.

Американская компания Пи-Ви-Эйч, которая владеет в том числе брендами «Томми Хилфигер» и «Кельвин Кляйн», перестала быть учредителем российского подразделения, следует из данных ЕГРЮЛ, представленных в СПАРК. Из данных следует, что с 17 августа 2023 года компания «Пивизейч Б.В.» называется «Ритейл экселенс», а её учредителем стал Денис Щукин. Как пишет «Коммерсантъ» со ссылкой на информацию в профиле Щукина в «Линкедин», тот с 2018 года был директором розничной сети Пи-Ви-Эйч в России, а ранее работал в местном офисе «Адидас» [7]. Аналогичным образом промышленный конгломерат «Кох индастрис» передал управление российскими активами локальному менеджменту.

Самой малочисленной группой стали те корпорации, кто не стал искать пути возвращения в РФ и продал бизнес российским инвесторам.

Активы американской сети кофеен «Старбакс» после её ухода из России были проданы примерно за 500 млн руб., заявил ресторатор и совладелец «Старс кофе» (новое название сети) Антон Пинский. Его совладелец – репер Тимати (настоящее имя – Тимур Юнусов). Турецкий холдинг «ФЛО ритейлинг» получил контроль над российским бизнесом «Рибок» после подписания с компанией соглашения о выпуске на фабриках Турции продукции под этим брендом для ряда стран. Эксперты оценили стоимость более 100 магазинов бренда в России примерно в 1,5 млрд рублей, но считают, что сумма сделки была в 3 раза меньше [8]. Американская компания «Бунг лмд», один из крупнейших в мире агротрейдеров, закрыла сделку по продаже бизнеса по переработке масличных культур в РФ. Источник на рынке сообщил, что сделка заключена с акционером «Экс ойл групп» (Липецкая область) Кареном Ванеяном, что было впоследствии официально подтверждено [9].

Ряду американских компаний удалось продать своё производство в России международным инвесторам (из Турции, Швейцарии, Китая и др.).

Так, американский производитель упаковки «Балл корпорейшн», который занимал 70% выпуска алюминиевых банок для напитков на внутрироссийском рынке,

продал свой российский бизнес группе «Арнест» за \$530 млн. Американский производитель бытовой техники «Вирпул» продал свои заводы в Липецке турецкой компании «Арселик» (владелец бренда «Веко»). По сообщению новых владельцев, сумма сделки составила €220 млн, «Арселик» будет выплачивать их в течение десяти лет. Американская компания «Интернешнл пейпер» договорилась о продаже 50% швейцарской «Илим СА», которая владеет крупнейшим производителем целлюлозно-бумажной продукции в России «Илим». Сумма сделки составила \$484 млн., что ниже её рыночной стоимости на начало 2022 года примерно в три раза.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ позволил выявить современное состояние и особенности стратегий корпоративного сектора США на российском рынке в 2023–2024 годы и подвести итоги экономической динамики за первые два с половиной года действия антироссийских санкций. Ряд американских компаний в России, сталкиваясь с трудностями в своей деятельности, в целом сохраняют потенциал для роста, о чём свидетельствуют прогнозы на ближайшие годы. Основной угрозой деятельности оставшихся в РФ компаний является усиление санкционного контроля со стороны правительства США и сложность при выводе капитала в связи с решениями российского правительства. При этом, конечно, необходимо сохранить возможность для ушедших компаний вернуться на российский рынок по окончании острой фазы украинского кризиса. Долгосрочным экономическим приоритетом российского правительства должно быть сохранение и расширение привлекательных инвестиционных условий для иностранных, в том числе американских компаний, в России с целью увеличения темпов роста ВВП в ближайшие годы.

ИСТОЧНИКИ

1. Hilton и HYATT приостанавливают развитие в России. Available at: <https://cre.ru/news/86093> (accessed 12.06.2024).
2. Боинг отказался от поставок в Россию на 20 лет. Available at: https://lenta.ru/news/2022/07/20/letaite_sami/ (accessed 12.06.2024).
3. Рейтинг крупнейших иностранных компаний в России. Available at: <https://www.forbes.ru/biznes/497010-50-krupneysih-inostrannyh-kompanij-v-rossii-2023-rejting-forbes> (accessed 12.06.2024).
4. Если Макдональдс вернётся: как продаются активы с правом обратного выкупа. Available at: <https://pro.rbc.ru/demo/63f61eb29a794765cab85b01?ysclid=lxccnkx31660374720> (accessed 11.06.2024).
5. Бизнесмен Александр Говор назвал символической сумму покупки McDonald's. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5407766?ysclid=lxcartvq3r175427530> (accessed 12.06.2024).

6. Партнёры бывшего российского подразделения McKinsey объявили о смене названия. Available at: <https://www.forbes.ru/biznes/474831-partnery-byvsego-rossijskogo-podrazdelenia-mckinsey-ob-avili-o-smene-nazva-nia?ysclid=lxcbn4f54f145034515> (accessed 12.06.2024)

7. Маркам спорили бирки. Available at: <https://www.kommer-sant.ru/doc/6211345?ysclid=lxccb21jjg754496369> (accessed 12.06.2024).

8. «Коммерсантъ» узнал о переходе российского бизнеса Reebok под контроль турецкой FLO. Available at: <https://www.forbes.ru/biznes/465601-kommersant-uz-nal-o-perehode-rossijskogo-biznesa-reebok-pod-kontrol-tureckoj-flo?ysclid=lxcc68u5dn261980450> (accessed 11.06.2024).

9. Бывшая российская "дочка" американской Bunge официально сменила владельца. Available at: <https://www.interfax.ru/business/886103> (accessed 12.06.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Соколышчик Ю. США против США: почему американский бизнес тоже проигрывает от санкций. *Российский совет по международным делам*. 11.11.2022. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ssha-protiv-ssha-pochemu-amerikanskiy-biznes-tozhe-proigryvaet-ot-sanktsiy/?ysclid=lyt17kbsy8403764671>

REFERENCES

Sokolshchik, Yu. SShA protiv SShA: pochemu amerikanskii biznes tozhe proigryvaet ot sanktsii [U.S. vs. U.S.: Why U.S. businesses also lose from sanctions]. *Russian International Affairs Council*. 11.11.2022. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ssha-protiv-ssha-pochemu-amerikanskiy-biznes-tozhe-proigryvaet-ot-sanktsiy/?ysclid=lyt17kbsy8403764671>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КОЗЛОВ Вадим Олегович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела внутриполитических исследований Института США и Канады РАН имени академика Г.А. Арбатова (ИСКРАН)
Российская Федерация 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

Vadim O. KOZLOV, Candidate of Sciences (History), Senior Research Fellow, Department of Internal Political Studies, Georgy Arbatov Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN)
2/3 Khlebnny per., Moscow 121069, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 13.06.2024 / Received 13.06.2024.

Статья поступила после рецензирования 27.06.2024 / Revised 27.06.2024.

Статья принята к публикации 11.07.2024 / Accepted 11.07.2024.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673024080117

EDN: XEDWKN

Сотрудничество США и Республики Корея в сфере искусственного интеллекта

М.М. Мотявин

Институт США и Канады

имени академика Г.А. Арбатова РАН (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.

РИНЦ ID: 1128446

ORCID: 0000-0002-4246-7974

e-mail: m.motyavin@iskran.ru

Резюме. В статье рассматривается современное состояние подходов Соединённых Штатов Америки и Республики Корея к регулированию и стимулированию развития технологий в области искусственного интеллекта, а также возможности и ограничения сотрудничества Вашингтона и Сеула в данной сфере.

Ключевые слова: технологическое сотрудничество США и Республики Корея, искусственный интеллект, взаимодействие США и РК в области ИИ, кибербезопасность, киберугрозы.

Для цитирования: Мотявин М.М. Сотрудничество США и Республики Корея в сфере искусственного интеллекта. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(8): 110–125. DOI: 10.31857/S2686673024080117 EDN: XEDWKN

U.S.–ROK AI Cooperation

Michael.M. Motyavin

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Science (ISKRA);

2/3, Khlebnyy per., Moscow, 121069, Russian Federation.

РИНЦ ID: 1128446

ORCID: 0000-0002-4246-7974

e-mail: m.motyavin@iskran.ru

Abstract. The article examines the current state of the United States of America and the Republic of Korea approaches to the adjustment and boosting the AI technologies development, as well as the possibilities and limitations of Washington and Seoul cooperation in this area.

Keywords: US–ROK technological cooperation, artificial intelligence, US–ROK AI cooperation, cybersecurity, cyber threats.

For citation: Motyavin, M.M. U.S.–ROK AI Cooperation. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(8): 110–125. DOI: 10.31857/S2686673024080117 EDN: XEDWKN

ВВЕДЕНИЕ

В современной геополитической конкуренции технологии играют центральную роль, поскольку в предстоящее десятилетие критически важные и новые

технологии приведут к перестройке экономики, смогут революционизировать военный потенциал и изменить мировой порядок. Форма и способы ведения войны меняются с появлением искусственного интеллекта (ИИ), беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), робототехники и растущего значения киберпространства. Отсюда следует, что необходимы изменения и чёткая координация в области политики цепочек поставок полупроводников, технологий сетей пятого/шестого поколения (5G/6G) и киберугроз.

Сегодня, благодаря достижениям в области машинного обучения, искусственный интеллект вступил в такой период развития, когда он служит основой для других новых цифровых технологий – таких как блокчейн и метавселенные. Однако перед ИИ стоит ряд серьёзных проблем, которые необходимо решать в приоритетном порядке. Так, искусственный интеллект действует как система, переполненная данными и алгоритмами, вследствие чего порой происходит их искажение, нарушается конфиденциальность, происходит неверная интерпретация информации или же и вовсе служит основой для дезинформации. Распространённость и глобальность проблем может свести к минимуму преимущества искусственного интеллекта, создав барьеры и снизив эффективность внедрения технологий. Поэтому процесс налаживания работы ИИ требует международного сотрудничества.

Геополитическая динамика также ускоренно меняется, из-за усиления конкуренции США и Китая и глобального соперничества в области передовых технологий. Появляются новые риски, вызовы и угрозы, которые требуют пристального внимания. Именно поэтому для Вашингтона имеет первостепенное значение налаживание многостороннего сотрудничества со своими союзниками. В данной статье анализируются подходы США и Республики Корея к процессу развития искусственного интеллекта, а также перспективы и препятствия для их совместного сотрудничества в данной области.

ПОЛИТИКА США В РЕГУЛИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ИИ

На сегодняшний день Соединённые Штаты Америки остаются одним из ключевых центров для инноваций и коммерциализации важнейших и новейших технологий, включая и область искусственного интеллекта. Американские исследователи и научные деятели сотрудничают со специалистами из других стран на довольно высоком уровне. Почти 40% опубликованных в США работ и статей в области искусственного интеллекта являются результатом международного сотрудничества и кооперации ведущих американских специалистов с иностранными коллегами [1].

Интересен тот факт, что учёные США активно взаимодействуют с китайскими представителями ведущих научных заведений по исследованию ИИ. Так, около 32% от всего числа опубликованных работ составляют статьи в соавторстве с учёными из КНР [2]. Если сравнивать взаимодействие Вашингтона с ключевыми

союзниками в регионе Северо-Восточной Азии, то с авторами из Республики Корея написано статей около 4%, с Японией – около 3%.

Помимо этого, с 2010 по 2021 год около 35 тыс. патентов в области ИИ были зарегистрированы на территории США [3]. Американские фирмы «Интел» (*Intel*) и «Эдоб» (*Adobe*) удерживают лидерство по количеству зарегистрированных патентов. Такие американские компании, как «Майкрософт» (*Microsoft*), «Опэн эй-ай» (*Open AI*), «Альфабэт» (*Alphabet*), «Мета»* (*Meta*)* остаются главными игроками в области искусственного интеллекта.

Кроме того, Вашингтон является наиболее важным источником глобальных инвестиций в ИИ. Официально раскрытая стоимость американских инвестиций в область искусственного интеллекта за 2023 год составила около 370 млн долл. США, предполагаемая стоимость – около 665 млн долл. США [4].

Также США уделяют особое внимание развитию ИИ для усиления защиты от киберугроз. Так, в Агентстве национальной безопасности США (*National Security Agency, NSA*) в октябре 2023 года появился новый отдел, регулирующий работу и развитие технологий на основе искусственного интеллекта, – Центр безопасности искусственного интеллекта [5]. Он займётся внедрением новых технологий в национальных промышленных предприятиях и оборонно-промышленном комплексе. Центр будет тесно сотрудничать с национальными лабораториями, академическими кругами разведывательного сообщества и Министерства обороны США, а также с иностранными партнёрами. Центр планирует заниматься защитой информации от возможных утечек, а также развивать технологии для поддержания конкурентоспособности страны на мировом уровне.

Поскольку у США имеются все шансы оставаться лидером в области исследований и развития ИИ, то Вашингтон старается изучать подходы к регулированию данных технологий.

Так, 30 октября 2023 года, когда был опубликован исполнительный указ «Надёжное, безопасное и заслуживающее доверия развитие и использование искусственного интеллекта» (*Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence*), президент Байден отметил, что для реализации политики и нивелирования рисков, необходимо управлять технологией ИИ в полном объёме [6]. Этот указ изменил стратегию правительства США в отношении искусственного интеллекта. Теперь осуществляется полноценный общегосударственный подход к исследованию данной технологии, в первую очередь тщательно изучается вред, который может возникнуть при её применении.

Несмотря на то, что Вашингтон отдаёт приоритет ИИ как главной и важнейшей технологии XXI века, он очень осторожно подходит к её регулированию. В то время как некоторые законодатели выдвигают инициативы и

* Американская компания *Meta Platforms* признана в РФ экстремистской организацией, её деятельность в России запрещена.

предложения, Конгресс США не желает разрабатывать и принимать всеобъемлющее законодательство, вместо этого придерживаясь выжидательного подхода и ограничиваясь консультациями по управлению разработок ИИ. Лидер большинства в Сенате США Чак Шумер проводил несколько круглых столов с лидерами технологической отрасли, исследователями, учёными и юристами, чтобы понять, что может сделать Конгресс для поддержки безопасной разработки ИИ [7]. Большая часть нового исполнительного указа предписывает различным структурам тщательно изучать и понимать потенциальные возможности и риски, связанные с ИИ.

Соединённые Штаты до сих пор придерживаются подхода самостоятельной ответственности отдельного лица и организации в отношении регулирования и управления ИИ. Раздел 4.2. указа предписывает компаниям, разрабатывающим базовые модели, которые могут представлять угрозу национальной безопасности, раскрывать информацию о своей деятельности и возможных последствиях федеральному правительству и призывает принимать меры по повышению безопасности и надёжности ИИ. Помимо этого, в апреле 2024 года администрация Дж. Байдена опубликовала документ, содержащий ключевые шаги, которые необходимо осуществить в сфере ИИ [8].

Помимо этого, Национальный институт стандартов и технологий (*The National Institute of Standards and Technology, NIST*) разработал и выпустил документ по управлению рисками ИИ в январе 2023 года [9]. Документ закрепил процесс, при помощи которого любая организация, разрабатывающая ИИ, может повышать его надёжность. Он был разработан в ходе консультаций с заинтересованными сторонами как в государственном секторе, так и в частном.

Администрация Байдена также тесно работала с передовыми технологическими организациями. В июле 2023 года Белый дом объявил, что семь ведущих компаний в области ИИ согласились усилить меры для обеспечения безопасности [10]. США сегодня активно работают над нормативными правилами, которые способствуют ответственному развитию ИИ, а также постоянным инновациям.

ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ОБЛАСТИ ИИ

Поскольку модели искусственного интеллекта продолжают активно развиваться, особенно благодаря разработкам в области генеративного ИИ, то они постепенно превращаются в технологии более общего назначения. Они используются в качестве двигателя экономического роста, применяются в области здравоохранения, транспорта и логистики, образования и других областях общественной жизни. Подобные технологии требуют высоких вычислительных мощностей для обработки огромного массива данных, в том числе при помощи облачных сервисов, что обуславливает необходимость международного взаимодействия для применения совместных усилий в развитии искусственного интеллекта.

Примерно с 2015 года правительство Республики Корея (РК) уделяет приоритетное внимание ИИ в качестве возможности повысить конкурентоспособность страны в области науки и технологий, помимо преодоления проблем, связанных с низким темпами экономического роста. Несмотря на сохранение стабильных, но относительно низких, темпов экономического роста в пределах 2%, Сеул стремился активизировать экономику благодаря возрождению отрасли информационно-коммуникационных технологий, которая всегда была источником и движущей силой экономического роста. РК признала ключевую роль искусственного интеллекта в качестве технологии общего назначения для интеграции различных отраслей промышленности и повышения производительности во всём социально-экономическом спектре, и 17 декабря 2019 года представила «Национальную стратегию в области искусственного интеллекта» (*National Strategy for Artificial Intelligence*) [11]. В ней была сформулирована политика, направленная на повышение конкурентоспособности ИИ, содействие его широкому распространению и внедрению в различные области. Также упоминалось построение общества, в котором ИИ ориентирован на нужды человека. Предусматривалось финансирование фундаментальных исследований, создание центров, специализирующихся на ИИ, которые должны будут формулировать и предоставлять данные, программное обеспечение и вычисления для частных разработок ИИ, которые в итоге окажутся в руках академических кругов, различных стартапов и других организаций.

Была признана важность создания высокопроизводительных полупроводников, предназначенных для вычислений с использованием искусственного интеллекта. По этой причине правительство РК инициировало в сотрудничестве с научными кругами и исследовательскими институтами проект *K-Cloud* [12]. Данный проект служил разработке высокоскоростных и маломощных отечественных полупроводников с использованием искусственного интеллекта. Они предназначались для использования в центрах обработки данных и для повышения конкурентоспособности страны в секторе облачных технологий.

Республика Корея сосредоточила усилия на создании гибкого управления и структур снижения потенциальных рисков, расширения инноваций и возможностей в области ИИ. Власти активно работали над устранением неопределённостей в действующем законодательстве, которые препятствовали активизации отрасли. Это было сделано для снижения нагрузки на бизнес и создания среды саморегулирования. В 2020 году появилось три закона о защите персональных данных, которые были пересмотрены с целью улучшения процесса сохранности – закон «О защите личных данных» (*Personal Information Protection Act*) [13], закон «Об использовании и защите кредитной информации» (*Credit Information Use and Protection Act*) [14], закон «О содействии использованию информационно-коммуникационных сетей и защите информации» (*Act On Promotion of Information and Communications Network Utilization and Information Protection*) [15]. Закон «О защите личных данных» был обновлён в сентябре

2023 года и стал включать в себя положения о передаче данных за рубеж и правовую основу для постановления об отказе передачи в случае нарушения законодательства.

Особым событием стало создание в 2020 году Группы по анализу законодательства и нормативных актов в области ИИ (*The AI Legislation and Regulation Review Team*). Она стала проводить исследования и разработки по вопросам, связанным с пересмотром и помощи в реализации действующего законодательства [16].

Важным шагом стало решение Национальной ассамблеи Республики Корея от 14 февраля 2023 года о публикации закона «О стимулировании ИИ индустрии и основы в создании надёжного искусственного интеллекта» (*The Act on Promotion of AI Industry and Framework for Establishing Trustworthy AI*), который направлен на поддержку отрасли [16]. Закон будет регулировать выработку национальной стратегии и необходимых мер по продвижению инноваций. Основной принцип схож с американским подходом в отрасли ИИ – «сначала разрешение на любые действия, только затем их регулирование». Теперь нормативные акты должны позволять любому лицу, будь то государственная организация или частная компания, разрабатывать новые технологии искусственного интеллекта без предварительного одобрения правительством страны. Помимо этого, закон определяет области, где может применяться ИИ, обладающий высокой степенью риска для общества. Теперь обозначены правовая основа и меры по обеспечению доверия к технологиям искусственного интеллекта подобного рода.

На практике правительства всего мира стремятся вырабатывать всеобщие принципы и этические нормы использования ИИ участвуя, к примеру, в таких клубах, как «Большая двадцатка» (G-20). Уже были приняты основополагающие установки – принцип уважения человеческого достоинства, исключение дискриминации, неприкосновенность частной жизни. И в дальнейшем создание международных механизмов сотрудничества будет становиться всё более актуальным. Однако для этого странам необходимо согласовывать свои руководящие принципы и ценности. Область ИИ не исключение. Помимо многосторонних форматов, государства стремятся развивать сотрудничество в области искусственного интеллекта и на двусторонней основе. Так, на сегодняшний день одним из приоритетных партнёров для Сеула является Вашингтон, кооперация с которым имеет свои преимущества и недостатки.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВАШИНГТОНА И СЕУЛА: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Администрации в Вашингтоне и Сеуле уже на протяжении продолжительного времени совместно признают важность сотрудничества в области новых технологий, особенно в области искусственного интеллекта. Например, в начале

2020 года в отчёте Центра безопасности и новых технологий США (*Center for Security and Emerging Technology*) Республика Корея была названа оптимальным партнёром для обмена знаниями и передовым опытом в области искусственного интеллекта, особенно учитывая мощный сектор искусственного интеллекта в стране и растущую сеть специалистов по машинному обучению [17].

В совместном Заявлении от 2021 года обе страны обязуются «совместно развивать партнёрство, ориентированное на будущее, в том числе в области технологий» [18]. Планировалось расширение технологического сотрудничества, по крайней мере, в трёх ключевых областях. К ним относятся создание устойчивых цепочек поставок, координация действий по противодействию китайскому промышленному шпионажу и содействие обмену человеческим капиталом.

В совместном Заявлении 2022 года ещё раз подчёркивается важность «укрепления сотрудничества между государственным и частным секторами» путём привлечения талантов в область искусственного интеллекта [19].

Во время трёхстороннего саммита в Кэмп-Дэвиде в 2023 году также была сформулирована необходимость работать в этом направлении – «сохранять сосредоточенность на построении прочного сотрудничества в сферах экономической безопасности и технологий» [20].

Вашингтон является наиболее важным источником глобальных инвестиций в ИИ. Республика Корея инвестирует в американский сектор ИИ 1,7 млрд долл., в то время как американцы инвестируют 2 млрд долл. в южнокорейский сектор. На Вашингтон приходится 30,5% общего раскрытого притока инвестиций в искусственный интеллект в Южную Корею, тогда как на Сеул приходится 0,5% общего объёма инвестиций в США [21]. Этот анализ подчёркивает существенный разрыв в исследованиях и инвестициях в ИИ между США и РК. Это также подчёркивает значительную зависимость Южной Кореи от американских инвестиций и академического потенциала, в то время как Соединённые Штаты могут рассматривать РК лишь в качестве одного из нескольких потенциальных партнёров по сотрудничеству.

Стоит отметить тесную коллаборацию Вашингтона и Сеула в области образования. Ежегодно около 40 тыс. южнокорейских студентов учатся в университетах Соединённых Штатов, почти 30% из них поступают на факультеты инженерии, математики и программирования [22]. Кроме этого, 21 сентября 2023 года Нью-Йоркский университет (NYU) и Корейский институт передовых технологий (*Korea Advanced Institute of Science and Technology, KAIST*) объявили о партнёрстве [23]. Целью инициативы является расширение сотрудничества между двумя институтами в области искусственного интеллекта и изучение воздействия на общество таких технологий.

Это партнёрство является продолжением сотрудничества, которое началось между двумя учебными заведениями годом ранее. Они договорились о создании совместного кампуса в Нью-Йорке к 2025 году и совместной

программе бакалавриата по инженерным специальностям, а также о возможностях обучения за рубежом как в Соединённых Штатах, так и в Республике Корея. Было также запланировано, что офисы вузов в Нью-Йорке будут расположены в одном из центров «МетроТек» (*MetroTech*), недалеко от инженерной школы «Тандон».

Аналогичным образом 19 октября 2023 года Принстонский университет и Центр искусственного интеллекта корпорации «Си-джей корпорейшн» (*CJ Corporation*) объявили о заключении соглашения о проведении совместных исследований [23]. Целью этого партнёрства будет объединение экспертов в области искусственного интеллекта, машинного обучения и компьютерных наук для стимулирования инноваций.

На национальном уровне Соединённые Штаты и Республика Корея в течение последнего десятилетия подчёркивали необходимость сотрудничества в области искусственного интеллекта и новых технологий. В мае 2023 года состоялось одиннадцатое заседание Объединённого комитета США и Республики Корея по науке и технологиям (*US-ROK Joint Committee on Science and Technology*), на котором представители целого ряда учреждений собрались для обсуждения различных тем – от искусственного интеллекта до биотехнологий, полупроводников [24].

Американо-южнокорейский форум по политике в области информационно-коммуникационных технологий (*US-ROK Information and Communications Technology Policy Forum*) является также частью подобной деятельности [25]. Основной целью форума было дать толчок более тесной координации в таких областях, как искусственный интеллект, облачные вычисления и права интеллектуальной собственности.

Более того, совместные инициативы в области исследований и разработок в области ИИ приобретают всё большее значение с точки зрения национальной безопасности обеих стран. В 2022 году Министерство обороны США заявило, что его официальные лица определили пять ключевых областей технологий, которые необходимо развивать совместно с Республикой Корея, и первым среди них был упомянут искусственный интеллект [26]. В 2023 году Управление программ военных закупок Министерства обороны РК и Министерство внутренней безопасности США возобновили действие Меморандума о взаимопонимании (*Memorandum of Understanding*), в котором подчёркивается необходимость разработки стандартов и обеспечения функциональной совместимости для новых технологий [27]. Учитывая тревогу по поводу использования ИИ в потенциальном конфликте с Китаем, координация с Республикой Корея в этой области стала для Соединённых Штатов более важной.

В апреле 2023 года США и РК приняли Стратегическую программу сотрудничества в области кибербезопасности (*The Strategic Cybersecurity Cooperation Framework*), которая укрепляет связи в различных

информационных секторах и способствует синергии между сильными сторонами обоих государств [28].

Обе страны представили свои видения, которые формулируют единую систему комплексного сдерживания и которые укладываются в уже принятые меры по обеспечению оперативной совместимости и безопасности в совместных операциях в киберпространстве. Сдерживание киберпреступников, повышение кибербезопасности и критически важной инфраструктуры, борьбу с киберпреступлениями и обеспечение безопасности криптовалютных приложений.

Теперь альянс США – РК концентрируется на расширении возможностей по предотвращению вторжений через виртуальное пространство, распространения дезинформации, борьбе с шпионажем и защите конфиденциальных данных. В 2021 году была создана рабочая группа по кибербезопасности, направленная на укрепление сотрудничества между правоохранительными органами и органами внутренней безопасности обеих стран [29]. Теперь формулируются совместные двусторонние рекомендации по кибербезопасности, в которых озвучиваются предупреждения об угрозах и рисках.

Стоит отметить, что Республика Корея в 2019 году выпустила свою первую Стратегию кибербезопасности, преобразовала Киберкомандование ВС в Командование киберопераций, активизировала исследования и подготовку кадров в области кибербезопасности [30].

Одним из примеров тесного сотрудничества является встреча 13 апреля 2024 года представителей американского оборонного подрядчика «Эндурил индастриз» (*Anduril Industries*) и южнокорейской компании «Эйч-ди Хёндай Хэви индастриз» (*HD Hyundai Heavy Industries*), когда они объявили о стратегическом партнёрстве, направленном на разработку и производство автономных военноморских систем с передовыми оборонными технологиями [31]. В этих разработках искусственный интеллект будет играть ключевую роль.

Помимо этого, в январе 2024 года стороны провели первые в истории двустороннего альянса совместные учения кибервойск [32]. Также Сеул принял участие в международных киберучениях под руководством Вашингтона в середине мая этого года [33].

Однако между сторонами до сих отсутствует институциональная координация. Нет системного подхода к противодействию угрозам, связанным с искусственным интеллектом, поскольку необходимо более тесное партнёрство и сотрудничество между правительствами, научными кругами и частными секторами.

Можно сделать вывод, что обе страны обладают потенциалом дополнять друг друга в тех областях, где другая страна может проявлять уязвимость или нуждаться в дальнейшем развитии. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) США обладают обширной инфраструктурой исследований и разработок, которая характеризуется широким международным исследовательским сотрудничеством и значительными инвестициями

со стороны государственного и частного секторов [34]. Такое сочетание академической и промышленной мощи делает Соединённые Штаты одним из лидеров в области технологических инноваций. С другой стороны, Республика Корея обладает устойчивой рабочей силой в области искусственного интеллекта и потенциалом для создания благоприятной исследовательской среды. Таким образом, объединение квалифицированной рабочей силы РК и мощной исследовательской инфраструктуры США может принести соответствующие плоды.

Крупнейшие корпорации Республики Корея активно участвуют в процессе развития искусственного интеллекта, что включает в себя сбор и обработку данных, разработку моделей и их внедрение. Происходит интеграция ИИ технологий в финансовый сектор, здравоохранение, область развлечений, тем самым Республика Корея стремится повысить свою глобальную конкурентоспособность. Недавно применение ИИ было внедрено в облачные сервисы, тесно переплетаясь с областью сетевой инфраструктуры и полупроводниками, от развития которых зависит экосистема облачных технологий. Так, компании «Самсунг электроникс» (*Samsung Electronics*) и «СК Хиникс» (*SK Hynix*) использовали свой накопленный технологический опыт и финансовые ресурсы, чтобы играть значительную роль в этих отраслях [14].

Несмотря на то, что Республика Корея занимает относительно небольшую долю рынка ИИ, около 1–2%, её отечественная экосистема активно развивается [35]. Южнокорейские конгломераты активно сотрудничают с перспективными стартапами, предоставляя им данные и условия по взаимодействию с инфраструктурой, а также совместно разрабатывая новые сервисы.

Ведущая южнокорейская интернет-компания «Нэйвер корпорейшн» (*Naver Corporation*) располагает собственным исследовательским центром, известным как «Нэйвер эй-ай лэб» (*Naver AI Lab*). Компания расширила свои возможности в области обработки языка, приобретя «Компани эй-ай» (*CompanyAI*) и усовершенствовав движок языковой модели «Клова» (*CLOVA*) [35].

Хотя сектор ИКТ сыграл одну из важнейших ролей в экономическом росте Республики Корея, конкурентоспособность индустрии ИИ остаётся на относительно низком уровне, по сравнению с США, где инновации в частном секторе были в приоритете, и Китае, где отрасль ИИ пользуется сильной государственной поддержкой. Американские и китайские компании участвуют практически во всех областях цепочки развития ИИ, имея достаточно развитые приложения ИИ, инфраструктуру обработки данных и необходимые технические средства. Южнокорейские компании, в свою очередь, уступают по некоторым показателям и ограничены в действиях, из-за чего не могут внедрять технологии внутри страны.

В частности, такие компании, как «Гугл» (*Google*), «Майкрософт» (*Microsoft*) и «Амазон вэб сёрвисис» (*Amazon Web Services*), уже взяли на себя ведущую роль в обеспечении безопасности облачных технологий, которые служат основой

экосистемы ИИ. В Республике Корея на данный момент не существует подобных компаний-гигантов, которые обладали бы конкурентными преимуществами в секторе облачных сервисов. Южнокорейские компании, которые занимаются ИИ – «Нэйвер» (*Naver*), «КТ», «Какао» (*Kakao*), предлагают свои облачные сервисы, но они по-прежнему в значительной степени полагаются на облачные платформы фирм из США. Так, исследование Комиссии по справедливой торговле РК от 2022 года гласит: с 2019 по 2021 год компания «Амазон взб сёрвисис» занимало около 70% внутреннего рынка облачных технологий [36]. Уровень присутствия «Майкрософт» поднялся до 12%, а южнокорейской «Нэйвер» лишь только до 7%.

В то время как РК стремится строить самостоятельную экосистему в области ИИ, в том числе благодаря стимулированию и поддержке правительством, в стране не наблюдается появления стартапов, которые могли бы конкурировать на мировом уровне. С 2020 по 2022 год рост появления новых проектов увеличился с 10% до 13%, однако южнокорейские фирмы не фигурируют в данном списке [35].

В основном проблемы, с которыми сталкиваются южнокорейские компании, заключаются в недостатке полученных данных и невозможностью создать жизнеспособную бизнес-модель, а не в технологических возможностях. Помимо этого, сказывается нехватка квалифицированной рабочей силы, необходимой для внедрения передовых технологий, поскольку основная масса работает в крупных иностранных компаниях.

Наблюдается нежелание частного сектора налаживать долгосрочное многостороннее сотрудничество в области полупроводников из-за усиления конкуренции в отрасли. Поскольку полупроводниковая промышленность носит конкурентный характер из-за геополитических потрясений, которым подвержена глобальная цепочка поставок, это может препятствовать прогрессу в достижении целей сотрудничества в области ИИ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

США и РК плодотворно и эффективно работают над разработкой законодательства в области ИИ, постепенно внедряя новые законы и указы для стимулирования инвестиций и инноваций в технологии, а также освобождая простор для манёвра государственным организациям и частным фирмам.

Искусственный интеллект продолжает привлекать к себе внимание благодаря прогрессу его применения в таких областях, как – здравоохранение, полупроводники, робототехника. Но существуют серьёзные проблемы из-за расхождения общественных и коммерческих интересов, и сложных этических соображений. Отсутствие доверия и прозрачности между государственными и частными секторами мешает более эффективному технологическому сотрудничеству США и РК.

Потенциально крепкой и тесной кооперации США и РК в области ИИ препятствует максимизация прибыли и конкуренция за рынок. В частном секторе у Вашингтона и Сеула есть желание производить продукты для общественного блага, но определяющим фактором является коммерческая жизнеспособность. Из-за снижения финансовых стимулов частный сектор склонен меньше инвестировать в исследования и разработку.

Помимо укрепления государственно-частного партнёрства в области развития потенциала и нормативно-правовой базы, интеграция межотраслевого и даже межкультурного подхода способна оказать положительное влияние на двустороннее сотрудничество США и РК в области ИИ, что скажется на совместных научно-исследовательских проектах, ориентированных на улучшение синергии между промышленностью, научными кругами и гражданским обществом.

Однако всё ещё остаётся сильная дифференциация в размерах инвестиций и доступных условиях для развития технологий искусственного интеллекта, поскольку США достаточно прочно присутствуют на территории РК, переманивая рабочую силу и специалистов в свои фирмы и организации.

ИСТОЧНИКИ

1. Country Activity Tracker (CAT): Artificial Intelligence. Research. *Emerging Technology Observatory*. 20.03.2024. Available at: <https://cat.eto.tech/?countries=South+Korea%2CUnited+States%2CChina+%28mainland%29%2CJapan&countryGroups=&expanded=Summary+metrics> (accessed 18.04.2024).

2. Country Activity Tracker (CAT): Artificial Intelligence. Country co-authorship. *Emerging Technology Observatory*. 20.03.2024. Available at: <https://cat.eto.tech/?countries=South+Korea%2CUnited+States%2CChina+%28mainland%29%2CJapan&countryGroups=&expanded=Summary-metrics%2CCountry-co-authorship> (accessed 18.04.2024).

3. Country Activity Tracker (CAT): Artificial Intelligence. Patent. *Emerging Technology Observatory*. 20.03.2024. Available at: <https://cat.eto.tech/?countries=South+Korea%2CUnited+States%2CChina+%28mainland%29%2CJapan&countryGroups=&expanded=Summary+metrics&dataset=Patent> (accessed 18.04.2024).

4. Country Activity Tracker (CAT): Artificial Intelligence. Investment. *Emerging Technology Observatory*. 20.03.2024. Available at: <https://cat.eto.tech/?countries=South+Korea%2CUnited+States%2CChina+%28mainland%29%2CJapan&countryGroups=&expanded=Summary+metrics&dataset=Investment> (accessed 18.04.2024).

5. Георгиев Р. 27.10.2023. АНБ США создало центр по безопасности искусственного интеллекта и по защите от ИИ. *CNews*. Available at: https://www.cnews.ru/news/top/2023-10-24_agentstvo_natsionalnoj_bezopasnosti (дата обращения 18.04.2024).

6. Executive Order on the Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence. The White House. 30.10.2023. Available at:

<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/10/30/executive-order-on-the-safe-secure-and-trustworthy-development-and-use-of-artificial-intelligence/> (accessed 18.04.2024).

7. Krishan, N. Sen. Chuck Schumer’s second AI Insight Forum covers increased R&D funding, immigration challenges and safeguards. *FedScoop*. 25.10.2023. Available at: <https://fedscoop.com/sen-chuck-schumers-second-ai-insight-forum-covers-increased-rd-funding-immigration-challenges-and-safeguards/> (accessed 18.04.2024).

8. Biden-Harris Administration Announces Key AI Actions 180 Days Following President Biden’s Landmark Executive Order. The White House. 29.04.2024. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/04/29/biden-harris-administration-announces-key-ai-actions-180-days-following-president-bidens-landmark-executive-order/> (accessed 01.05.2024).

9. NIST Risk Management Framework Aims to Improve Trustworthiness of Artificial Intelligence. *NIST*. 26.01.2023. Available at: <https://www.nist.gov/news-events/news/2023/01/nist-risk-management-framework-aims-improve-trustworthiness-artificial> (accessed 18.04.2024).

10. FACT SHEET: Biden-Harris Administration Secures Voluntary Commitments from Leading Artificial Intelligence Companies to Manage the Risks Posed by AI. The White House. 21.07.2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/07/21/fact-sheet-biden-harris-administration-secures-voluntary-commitments-from-leading-artificial-intelligence-companies-to-manage-the-risks-posed-by-ai/> (accessed 18.04.2024).

11. National Strategy for Artificial Intelligence. Ministry of Science and ICT of Republic of Korea. 17.12.2019. Available at: <https://www.msit.go.kr/bbs/view.do?sCode=eng&nttSeqNo=9&bbsSeqNo=46&mId=10&mPid=9> (accessed 18.04.2024).

12. Team Korea for leading AI semiconductor. Ministry of Science and ICT of Republic of Korea. 26.06.2023. Available at: <https://www.msit.go.kr/eng/bbs/view.do?sCode=eng&mId=4&mPid=2&pageIdx=2&bbsSeqNo=42&nttSeqNo=827&searchOpt=ALL&searchTxt=> (accessed 18.04.2024).

13. Personal Information Protection Act. Korea Legislation Research Institute, Korea Law Translation Center. Available at: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=53044&lang=ENG (accessed 18.04.2024).

14. Credit Information Use and Protection Act. Korea Law Translation Center. Available at: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=46276&type=part&key=23 (accessed 18.04.2024).

15. Act on Promotion of Information and Communications Network Utilization and Information Protection. Korea Legislation Research Institute, Korea Law

Translation Center. Available at: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=38422&lang=ENG (accessed 18.04.2024).

16. Lee, G., Strub, D. US-ROK Tech Cooperation. Export Controls, Data Policy, and Artificial Intelligence. The National Bureau of Asian Research. 05.03.2024. Available at: <https://www.nbr.org/publication/u-s-rok-tech-cooperation-export-controls-data-policy-and-artificial-intelligence/> (accessed 18.04.2024).

17. Imbrie, A., Fedasiuk, R., Aiken, C., Chhabra, T., Chahal, H. How the United States and Its Allies Can Deliver a Democratic Way of AI. Center for Security and Emerging Technology. February 2020. Available at: <https://cset.georgetown.edu/publication/agile-alliances/> (accessed 18.04.2024).

18. U.S.-ROK Leaders' Joint Statement. The White House. 21.05.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/05/21/u-s-rok-leaders-joint-statement/> (accessed 18.04.2024).

19. Leaders' Joint Statement in Commemoration of the 70th Anniversary of the Alliance between the United States of America and the Republic of Korea. The White House. 26.04.2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/04/26/leaders-joint-statement-in-commemoration-of-the-70th-anniversary-of-the-alliance-between-the-united-states-of-america-and-the-republic-of-korea/> (accessed 18.04.2024).

20. The Spirit of Camp David: Joint Statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States. The White House. 18.08.2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/the-spirit-of-camp-david-joint-statement-of-japan-the-republic-of-korea-and-the-united-states/> (accessed 18.04.2024).

21. Country Activity Tracker (CAT): Artificial Intelligence. Cross-border investment. *Emerging Technology Observatory*. 20.03.2024. Available at: <https://cat.eto.tech/?countries=South+Korea%2CUnited+States%2CChina+%28mainland%29%2CJapan&countryGroups=&expanded=Summary-metrics%2CCross-border-investment&dataset=Investment> (accessed 18.04.2024).

22. Fields of Study by Place of Origin. The Institute of International Education. Available at: <https://opendoorsdata.org/data/international-students/fields-of-study-by-place-of-origin/> (accessed 18.04.2024).

23. Kim, S., Willis, M. National AI Priorities Evident in South Korea's Partnerships with New York and Princeton Universities. *Asia Matters for America Matters for Asia*. 06.11.2023. Available at: <https://asiamattersforamerica.org/articles/national-ai-priorities-evident-in-south-koreas-partnerships-with-new-york-and-princeton-universities> (accessed 18.04.2024).

24. Readout of U.S.-ROK Joint Committee Meeting. The White House. 19.05.2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/ostp/news->

updates/2023/05/19/readout-of-u-s-rok-joint-committee-meeting/ (accessed 18.04.2024).

25. U.S.-ROK Information and Communications Technology Policy Forum 2023. U.S. Department of State. 25.09.2023. Available at: <https://www.state.gov/u-s-rok-information-and-communications-technology-policy-forum-2023/#:~:text=The%20United%20States%20and%20the,Policy%20Forum%2C%20hosted%20in%20hybrid> (accessed 18.04.2024).

26. Lopez, C.T. DOD Looks at U.S.-South Korea Technology Collaboration. U.S. Department of Defense. 09.06.2022. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3058558/dod-looks-at-us-south-korea-technology-collaboration/> (accessed 18.04.2024).

27. News Release: DHS and Republic of Korea Sign Agreement for Homeland Security Research and Development. U.S. Department of Homeland Security. 20.03.2023. Available at: <https://www.dhs.gov/science-and-technology/news/2023/03/20/dhs-and-republic-korea-sign-agreement-homeland-security-research-and-development> (accessed 18.04.2024).

28. United States-Republic of Korea Leaders' Joint Statement. The White House. 21.05.2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/21/united-states-republic-of-korea-leaders-joint-statement/> (accessed 18.04.2024).

29. FACT SHEET: United States – Republic of Korea Partnership. The White House. 21.05.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/05/21/fact-sheet-united-states-republic-of-korea-partnership/> (accessed 18.04.2024).

30. Derr, A. How the US-ROK alliance can meet the challenges of artificial intelligence. *KoreaPro*. 02.11.2023. Available at: <https://koreapro.org/2023/11/how-the-us-rok-alliance-can-meet-the-challenges-of-artificial-intelligence/> (accessed 18.04.2024).

31. Katz, J. Anduril, South Korean shipbuilder HD Hyundai announce new partnership for autonomous systems. *Breaking Defense*. 15.04.2024. Available at: <https://breakingdefense.com/2024/04/anduril-south-korean-shipbuilder-hd-hyundai-announce-new-partnership-for-autonomous-systems/> (accessed 18.04.2024).

32. Kim Eun-jung. S. Korea, U.S. hold 1st joint cyber security drill. *Yonhap News Agency*. 26.01.2024. Available at: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240126007300315> (accessed 18.04.2024).

33. S. Korea to participate in US-led cyber exercise this week. *The Korea Times*. 05.05.2024. Available at: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2024/05/113_374044.html (accessed 06.05.2024).

34. Live data. AI Jobs and Skills. OECD.AI. Available at: <https://oecd.ai/en/data?selectedArea=ai-jobs-and-skills> (accessed 18.04.2024).

35. Artificial Intelligence – South Korea. Statista. Available at: <https://www.statista.com/outlook/tmo/artificial-intelligence/south-korea> (accessed 18.04.2024).

36. Joo-Wan Kim. KFTC acts on Amazon's large share of S.Korea's cloud market. *The Korea Economic Daily*. 29.12.2022. Available at: <https://www.kedglobal.com/cloud-computing/newsView/ked202212290009> (accessed 18.04.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МОТЯВИН Михаил Михайлович, младший научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН); аспирант ИСКРАН.

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Michael M. MOTYAVIN, Junior research fellow, Department of Foreign Policy Studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Science (ISKРАН); Post-graduate student at ISKRAN.

2/3, Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 7.05.2024 / Received 7.05.2024.

Статья поступила после рецензирования 15.05.2024 / Revised 15.05.2024.

Статья принята к публикации 16.05.2024 / Accepted 16.05.2024.

6 июля 2024 г. свой юбилей отметил главный редактор журнала, доктор политических наук, главный научный сотрудник ИСКРАН

Александр Николаевич Панов.

Блестящая карьера А.Н. Панова охватывает должности Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Южной Корее, Японии и Норвегии, а также заместителя Министра иностранных дел России. Александр Николаевич с 2006 по 2010 год занимал должность ректора Дипломатической академии МИД Российской Федерации, был награждён Орденом Почёта, Медалью «За трудовую доблесть» и носит звание Заслуженного

работника дипломатической службы Российской Федерации.

Александр Николаевич связал свою жизнь с Институтом США и Канады имени академика Г.А. Арбатова РАН в 2016 году. Он активно принимает участие в научной деятельности Института, являясь членом учёного совета и научным руководителем молодых сотрудников, только начинающих свой профессиональный путь.

Помимо этого, он много лет является главным редактором журнала «США & Канада: экономика, политика, культура», руководя и помогая сотрудникам редакции ценными советами с присущим ему юмором и добротой.

Александр Николаевич – преданный, отзывчивый, неутомимый профессионал своего дела. Всеми знаниями и умениями, накопленными за более чем 50-летний опыт в области международных отношений и дипломатии, он делится, не скупясь, благодаря чему заработал уважение и любовь со стороны сотрудников института.

Редакция журнала поздравляет Александра Николаевича с юбилеем и от всей души желает крепкого здоровья, семейного благополучия, дальнейших успехов в профессиональной деятельности и новых свершений. Пусть каждый день приносит радость и удовлетворение от достигнутого!

Редколлегия и коллектив журнала «США & Канада:
экономика, политика, культура»

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русс., англ.), аннотация (русс., англ.), ключевые слова (русс., англ.), полная информация об авторе (русс., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик «Размышляя над прочитанным» и «Книжная полка» могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках («Список литературы» и «References» соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе «Источники», который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах «Источники» и «Список литературы/References» приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе «Источники», [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе «Список литературы».

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.